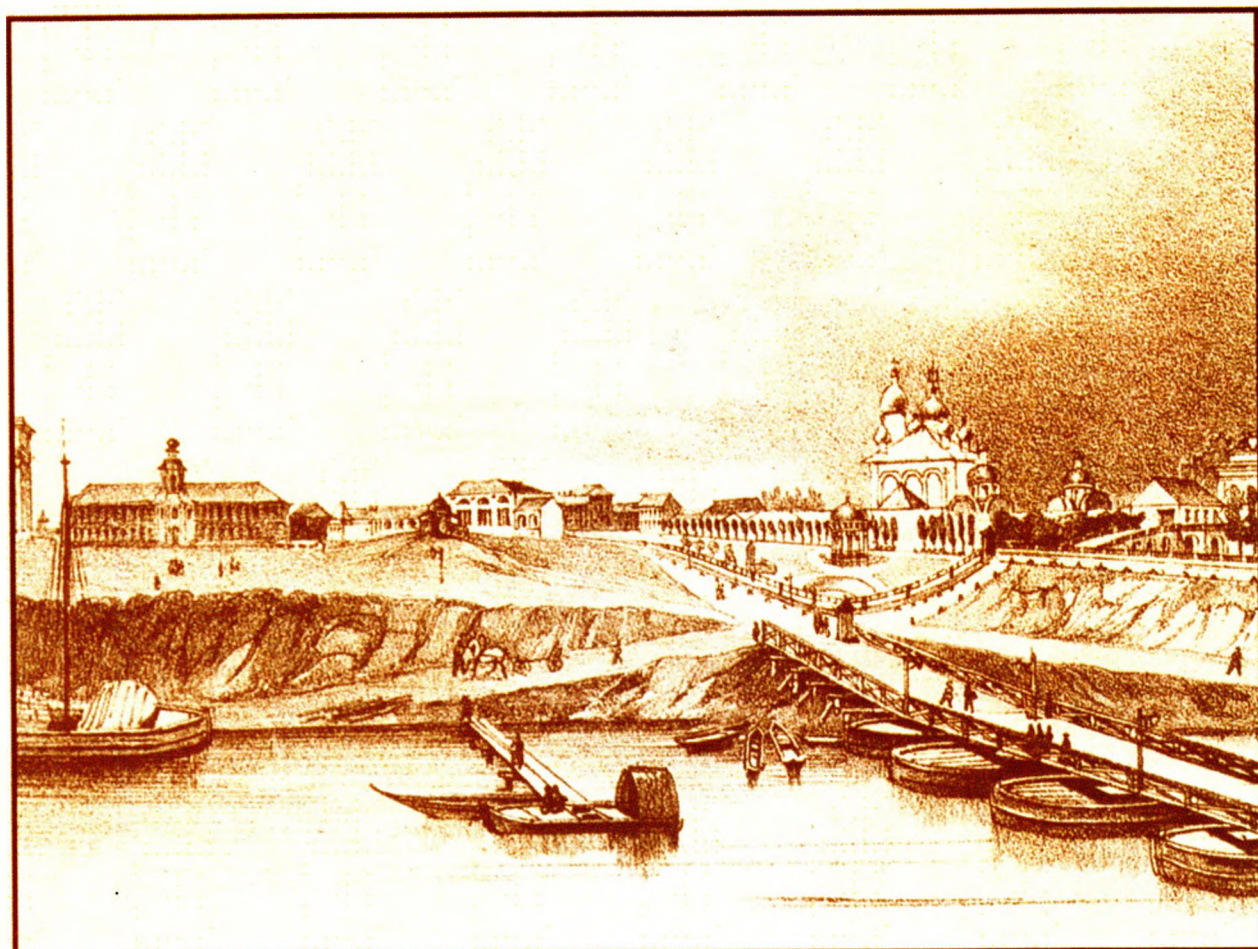

А. Ю. Сорочан

Тверской край в литературе:
образ региона
и региональные образы

А.Ю. Сорочан

Тверской край в литературе:

образ региона

и

региональные образы

Тверь

Издательство М. Батасовой

2010

УДК 821.161.1.09
ББК Ш5 (2=411.2)53
С 65

С 65 **Сорочан А.Ю.** Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы: Статьи и материалы. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. – 172 с.

В сборник включены статьи, посвященные созданию образа Тверского края в текстах «чужих» и «своих» авторов – от неизвестных до хрестоматийных (основное внимание уделяется русской литературе XIX века). Трансформации, которые претерпевает провинциальный город в литературе, позволяют по-новому осветить ключевые проблемы литературного краеведения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Тверь в русской литературе: образ региона и региональные образы»; проект № 10-04-54802а/Ц

(за исключением ранее публиковавшихся материалов, отмеченных в содержании *).

ISBN 978–5–903728–29–9

© А. Ю. Сорочан, текст, 2010
© Издательство М. Батасовой, 2010

Содержание

Вместо предисловия.	
<i>Несколько слов о методологии литературного краеведения</i>	5
Образ региона	
Игра и реальность:	
<i>Тверской край в «Библиотеке для чтения» 1830-х гг.</i>	17
Новые прочтения классических сюжетов:	
<i>Тверь в исторической прозе второй половины XIX – начала XX века</i>	39
Промышленность и нравственность:	
<i>В. П. Мецкерский в Тверской губернии</i>	55
*Конструкция с мезонином:	
<i>чеховский текст и усадебная культура</i>	70
Региональные образы	
*Тверская история в прозе И. И. Лажечникова	87
Моделирование прошлого:	
<i>Н. М. Коншин как историк тверского средневековья</i>	98
Дневник провинциала в провинции:	
<i>Тверской эротоман и его сочинения</i>	108
*Памяти классиков:	
<i>о провинциальных откликах и исторических закономерностях</i>	124
Взгляд со стороны	
Цивилизация и дикость:	
<i>Тверь в путевых записках иностранцев</i>	137
Прошлое и настоящее провинциального города:	
<i>Тверь и Псков в текстах Г. Х. Манро</i>	156
Заключение	164

г. ТВЕРЬ. Общій видъ изъ за Тверцы

Вместо предисловия

Несколько слов о методологии литературного краеведения

Оживление интереса к литературному краеведению в последнее время дало не только количественные, но и качественные результаты. Увеличение объема краеведческих исследований потребовало некоторого обобщения, а появление этой дисциплины в школьных и вузовских учебных планах привело к разработке соответствующих пособий. В самое последнее время такие книги вышли в Твери и в Новгороде¹. Кроме того, появилось первое пособие по методике литературного краеведения². Все это позволяет рассуждать о совершенно новом этапе развития локальных исследований. Однако возникают и новые вопросы, которые пока не получили сколько-нибудь однозначного решения.

Проблемы литературного краеведения давно вышли за рамки локальной истории и локальной культуры; формируются особые направления гуманитарной науки, объединяющие опыт разных областей знания в попытке определить специфику «локального текста». Таковы «провинциаловедение» и «усадьбоведение». Краеведы все чаще обращаются к опыту социальной антропологии и микроистории. Принципы исследований Карло Гинзбурга получают все более широкое распространение и в истории литературы. Литературные тексты в данном случае рассматриваются не в своей замкнутой самоценности, но в об-

---

¹ Русские писатели и Тверской край: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов университетов / Под ред. М. В. Строганова и И. А. Трифаженковой. Тверь: Тверской гос. университет, 2009; Новгородский край в русской литературе / Отв. ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород, 2009.

² *Строганов М. В.* Литературное краеведение: Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. Тверь: Тверской гос. университет, 2009.

ширном историко-культурном контексте, который позволяет возвратиться при исследовании истории литературы к конкретным фактам и событиям. При этом подходе историко-литературная конструкция становится историко-культурной реконструкцией. Однако усиливается в западной и российской науке и противоположное стремление – вернуть осмысление локальных закономерностей с микроуровня на макроуровень. Последние по времени исследования, посвященные усадебному и дачному текстам, ведутся именно в этом направлении. Трансформация литературного краеведения позволяет объединить «малые величины» (региональные тексты) с «крупными» (тексты столичных авторов, формирующие образ региона). Тем самым наш особый подход к избранному материалу вписывается в круг актуальных исследований современной литературной науки.

История культуры, как и история литературы, в последнее время чаще ориентируется на концептуальные построения, иллюстрируемые конкретным материалом. Региональные исследования последнего времени тяготеют к новым научным направлениям. Однако такого рода исследования, как правило, не учитывают специфики *художественного* осмысления места. Ведь предметом литературного краеведения должна быть не история места или литературы, а история образа места в литературе. Не следует ограничиваться собиранием материала, необходимо его осмысление – а этого литературное краеведение с 1920-х годов всячески избегало. Недостаточно знать, какие писатели бывали или постоянно проживали в том или ином регионе и что они писали об этом регионе. Недостаточно составить перечень текстов, в которых упоминается данный регион. Нужно что-то иное... И для понимания этого «иного» требуется некая методологическая трансформация.

В системе гуманитарных исследований XX века литературное краеведение занимало маргинальное положение¹; однако

---

¹ Его, по сути, не коснулась послевоенная реабилитация. В «Справочнике краеведа и путешественника», изданном в 1950 году под редакцией

разработка методологии этой дисциплины может способствовать не только существенному продвижению в решении историко-литературных проблем, но и изменению гуманитарной картины мира. Описание образа места следует осуществлять с учетом специфики науки о литературе. На основе анализа обширного материала следует раскрывать не историю места, а историю образа места. Тем самым сложность, неоднородность локального текста получит новое, по существу, объяснение.

Проанализировать, как формируется и развивается локальный текст, мы можем на примере хотя бы одного региона. Изучение трансформации образа Твери в «столичной» и «провинциальной» литературе разных эпох как раз и будет той задачей, на которую следует направить литературно-краеведческие усилия и решению которой посвящены статьи, собранные в этой книге.

Образ региона складывается в каждый исторический момент из множества разнородных факторов. Огромное значение имеет представление о регионе, возникающее в текстах «чужих» авторов (например, Нестор Кукольник бывал в Твери только проездом, но тверские сюжеты в его творчестве занимают особое место), но для исследователя особый интерес представляет то, как это описание извне соотносится с описанием «изнутри». Авторы, пишущие о Твери, например, в 1830-1860-х годах – это и тверские чиновники (Лажечников, Коншин, Вистенгоф), и путешественники (Якушкин, Слепцов), и столичные профессиональные литераторы, и местные любители. Проследив, как меняется формируемый ими образ места, мы поймем закономерности художественного воплощения региональной тематики.

Тверь с точки зрения литературно-краеведческих исследований представляет особый интерес. С XIII века здесь формируется независимая литература (летописание, повести), позднее происходит поглощение местной литературы центром. Однако

С. В. Обручева, представлены все элементы краеведческой работы – кроме литературного краеведения.

изначальная традиция очень важна: Тверь долгое время на равных боролась с Москвой, позднее заняла место между двумя столицами, а в XIX веке стала единственным губернским городом, оказавшимся на дороге между Москвой и Петербургом. Все это не могло не наложить своеобразный отпечаток на образ региона в литературе и искусстве.

Материал, с которым предстоит работать, крайне разнороден и объемен. Однако есть возможность некоторой классификации, существенно способствующей именно литературно-краеведческому исследованию.

Древнерусская литература дает образец локального текста – литература, которая создается в Твери, отражает потребности региона; образ места в ней является центральным; именно на него опираются и другие средневековые авторы, пишущие о Твери. Позднее, в эпоху московского владычества, этот образ отходит на периферию и формируется извне – в текстах столичных или иностранных путешественников.

В XVIII веке начинается возрождение местной литературы; однако процесс этот протекает в новое время совершенно иначе. Литература исполняет сугубо служебные функции (стихи на случай, пьесы для местного театра и т.д.). Вместе с тем Тверь в столичной литературе по-прежнему присутствует, хотя и акцентируется ее периферийное положение. Литераторы, прибывающие в Тверь на службу, воспринимают это место как своего рода ссылку. Такое положение сохраняется и в начале XIX века (примером может служить творчество А. Е. Измайлова). Но уже в 1830-х годах положение меняется. Это связано не только с появлением местной прессы и с интенсификацией культурной жизни. Формируемый литературой образ места существенно изменяет восприятие Твери. Лажечников и Салтыков, служившие здесь, активно пользуются тверскими сюжетами, хотя, разумеется, и не воспринимаются как тверские писатели. Параллельно появляется все больше местных авторов и несколько большее внимание привлекает судьба Твери в произведениях на исторические и современные темы. Если первые группы текстов более или менее описаны, то в публицистической или «пу-

тевой» литературе этого времени тверской материал совершенно не привлекал внимания исследователей. А между тем одни только «Очерки общественной жизни» В. П. Мещерского содержат не только документальные сведения, но и попытки целостного художественного описания региона. И таких материалов – великое множество. Именно они способствуют формированию образа места, который может у отдельных авторов и читателей вызывать приятие или неприятие. Литература второй половины XIX столетия создает синтетический образ региона. С представлением о его настоящем положении связывается представление о прошлом, а художественные интерпретации местных авторов неразрывно связаны с мнениями авторов столичных. Конец века не приводит, сколько можно судить, к существенному увеличению региональных образов. Представление о Твери уже сложилось, местные литераторы, выступающие в самых разных жанрах, чаще всего стремятся это представление утвердить, а в целом образ места остается весьма статичным. В XX веке литературное краеведение должно учитывать накопление «образов пространства» – и в творчестве местных авторов, и в «централизованных» репрезентациях локуса.

Показателен пример И. И. Лажечникова. Естественно, его имя упоминается во всех краеведческих пособиях – как давних, так и новейших. Естественно, в Твери (как и в Коломне, к примеру) Лажечников включается в пантеон местных авторов. И об этом мне уже случалось писать – ведь сочинения проживавшего в провинции Лажечникова воспринимались современниками как нечто «провинциальное», потому в тверском литературном ряду они оказываются вполне уместными¹.

Следует отметить, что творчество Лажечникова получает принципиально разное освещение в литературоведческих и в литературно-краеведческих трудах. Кажется, две методологии вовсе не имеют точек пересечения. А. И. Опульский – автор од-

---

¹ Лажечников и тверской край. Вып. 2. Тверь: Марина, 2006. С. 180-182.

ной из лучших книг о Лажечникове¹ – практически не пишет о его пребывании в Твери; исследователя заботит творчество, а не биография. Подробности «местной» жизни не привлекают и других биографов Лажечникова, чаще всего они оказываются вне поля зрения литературоведов². Когда А. М. Смирнов-Кутаческий работал над статьей о Лажечникове, он уделил основное внимание текстам, написанным в Твери – прежде всего трагедии «Опричник»³ (свою роль сыграло и наличие рукописного текста произведения, не прошедшего цензуру). С другой стороны, краеведы, обращаясь к биографии писателя, собственно литературной части не касаются вовсе, либо решительно отделяют биографию от творчества. Примером могут служить две публикации Б. Ершова в газете «Караван+» (Тверь)⁴. И возникает пропасть – между краеведением и литературой. Литературное краеведение не стремится пока эту пропасть заполнить; краеведческий материал если и получает какую-либо трактовку, то не литературоведческую, а культурологическую, причем чаще всего с опорой на факты, понимаемые как набор подробностей «местной» жизни. Тем самым литературное краеведение, сужая собственный материал, лишается интереса и превращается в маргинальную дисциплину. Исследования творчества писателя ведутся без учета местного материала – а собирание этого мате-

---

¹ *Опупьский А. И.* И жизнь, и перо на благо Отечества... М.: Московский рабочий, 1968.

² Начало этой традиции положил еще С. А. Венгеров, который в своем очерке очень кратко охарактеризовал служебную деятельность Лажечникова и гораздо больше внимания уделил восприятию его творчества – от критических статей до поздравлений на юбилее 1869 года.

³ *Смирнов-Кутаческий А. М.* В поисках художественной правды // Писатели в Калининской области. Тверь, 1941.

⁴ Одна из них называется «Иван Лажечников – тверской Вальтер Скотт» (№ 3. 2006) и посвящена раннему творчеству писателя, вторая – «Вице-губернатор Лажечников» (№ 4. 2006) – содержит информацию биографического свойства. Отметим локализацию образа автора в «краеведческих» текстах. Лажечников оказывается «тверским» – что Вальтер Скоттом, что вице-губернатором. И «провинциальность» писателя оказывается ненужно преувеличена.

риала не ведет к сколько-нибудь масштабным литературоведческим обобщениям¹. Поэтому следует сказать несколько слов о том, как видится мне методология литературного краеведения.

Именно тверской материал позволяет с особой отчетливостью выявить весь спектр литературно-краеведческих проблем. «Локальный текст» имеет в данном случае давнюю и интересную историю, в которой переплетаются «тверские» сюжеты русской литературы и восприятие окружающей жизни писателями, собственно и проживающими в регионе. Разделить эти составляющие в нашем случае невозможно. Только в синтезе и возможно построение литературно-краеведческой методологии, которая поможет преодолеть разрыв между «местным» и «центральный» пониманием литературного материала, между «региональным» текстом и текстом литературным...

Образ региона в русской культуре действительно занимает огромное место. Первоначально локальное сознание утверждалось в независимых региональных литературах. В XVII-XXI веках, в связи с централизацией социальной и культурной жизни, образ региона, формируемый в литературе «центра», сосуществует с региональными образами, возникающими в творчестве местных литераторов. Необходимо проследить эволюцию этих образов и тем самым продемонстрировать закономерности развития локального текста на одном из самых ярких «провинциальных» примеров – на примере Твери; конкретный анализ приведет к реформированию существующей методологии литературного краеведения.

Образ Твери в литературе до сих пор не описан в исторической перспективе – от региональной литературы средневековья до местной и центральной литературы новейшего времени, от «Жития Михаила Ярославича Тверского» до «Волчьего солнышка» Александра Бушкова. Но в задачу исследования дол-

---

¹ М. В. Строганов называет основной особенностью краеведения «беспретенциозность» (*Строганов М. В. Литературное краеведение. Тверь: ТвГУ, 2009. С. 19*). Однако абсолютный отказ от «претензий», кажется, не может повести к научно значимым результатам, и таковая констатация сохраняет за этой методологией слабую позицию.

жен входить не только сбор материала, но и принципиально новое его истолкование. Ранее никем не рассматривался вопрос о соотношении образа места в «центральной» и «региональной» литературах. На примере Твери, имеющей богатую литературную историю, представляется уникальная возможность проследить, как меняется образ места в сочинениях «своих» и «чужих» авторов, преодолев ограниченность, доселе свойственную и историкам литературы, и краеведам.

Конечно, в статьях рассматривается обширный и разнородный материал. Это касается не только свойств текстов, но и географии мест действия. Разумеется, следует признать условность понятия «Тверской край» – в разное время границы региона менялись. И Тверское княжество, и Тверская губерния, и Тверская область претерпевали существенные изменения. Речь идет в основном о территории современной области, поскольку «любое иное содержание понятия разрушает границы явления»¹. Тем не менее в некоторых случаях, анализируя «тверские» сюжеты в литературе XIX века, я опираюсь на бытовавшие тогда представления о пространстве, соотнесенном с понятием «тверская земля».

В первом разделе собраны тексты, посвященные формированию образа региона в XIX столетии. Здесь рассматриваются разные аспекты «столичных» представлений о «провинции». Второй раздел посвящен «саморепрезентациям» – здесь анализируются и тексты провинциальных авторов, и тексты писателей хорошо известных, но постоянно проживавших в Тверской губернии и в литературе выступавших в качестве «провинциалов». В третий раздел включены материалы, посвященные образу региона, создаваемому извне – в текстах иностранных путешественников и ученых. Здесь мы снова увидим, как реализуются в разных контекстах стереотипы восприятия Тверского края – от XVI до начала XX века. В заключении сделана попыт-

---

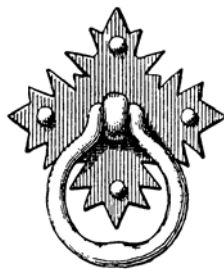
¹ *Строганов М. В.* О целях и задачах этой книги // Литература Тверского края в контексте древней культуры. Тверь, 2002. С. 8. Ср. в предисловии к публикации И. И. Соколова: Там же. С. 119-120.

ка обобщить собранные материалы и представить перспективы исследования образа региона.

Многие материалы, вошедшие в настоящий сборник, были представлены в форме докладов на научных конференциях. Благодарю за ценные замечания слушателей и организаторов научных чтений в Твери, Коломне, Курске; особенно важен был для формирования идеи сборника опыт участия в конференциях по провинциальной тематике. Особенно хотелось бы поблагодарить А. Ф. Белоусова (за вопросы и плодотворные обсуждения), В. В. Хухарева, подсказавшего мне идею текста о Н. М. Коншине, и – прежде всего – М. В. Строганова, всячески поддерживавшего мои исследования по краеведческим темам и руководившего ими на протяжении ряда лет.

Образ региона

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

ТРЕХЪ ТВЕРСКИХЪ ПОМЪЩИКОВЪ

КЪ БАРОНУ ВРАМБЕУСУ.

Милостивый государь,

баронъ Степанъ Кирилловичъ,

Николай Николаевичъ, Петръ Афросимовичъ и я, находимся вынужденными, хотъ незнакомые вашему высокородію, писать къ вамъ рѣшительно; только не знаемъ объ чемъ, — о Русскомъ ли языкѣ или о гомеопатіи? Оба предмета чрезвычайно интересуютъ насъ, Тверскихъ помѣщиковъ, которые живемъ подлѣ шоссе, ведущаго изъ Петербурга въ Москву, на самомъ перепутіи идей, провзжающихъ туда и обратно по этой дорогѣ, и которымъ нашъ почтеннѣйшій Лари-

Игра и реальность:
Тверской край в «Библиотеке для чтения»
1830-х гг.

Историко-краеведческие исследования невозможны без активного использования печатных материалов на местные темы. Огромное внимание, как правило, уделяется текстам тех авторов, которые так или иначе связаны с определенными регионами, а также произведениям, в которых упоминаются местные реалии. Вместе с тем по страницам периодической печати рассеяно немало текстов, позволяющих восстановить облик региона. Ведь сам отбор материалов, связанных с тем или иным местом, помогает понять, какой образ места создавался в сознании читателей. Дело не только в том, что редактор периодического издания, как правило, определяет картину мира, формируемую на страницах газеты или журнала. Та информация (в художественной или документальной форме), которую получает публика о конкретном месте, может надолго определить имидж места. Нечто подобное можно отыскать на страницах журналов XIX века, в материалах, посвященных Тверскому краю. К сожалению, сколько-нибудь подробный анализ в рамках одной статьи невозможен. Поэтому, ограничившись одним журналом и весьма тесными временными рамками, мы попытаемся определить, какой образ Твери возникает на страницах периодики, как отбирается материал, связанный с регионом и как информация об отдельных сторонах жизни провинции становится основой не статистического описания, а художественно завершенного образа. Упоминания о регионе возможны в самых разных контекстах, но все вместе они определяют отношение к региону извне.

Выбор журнала в данном случае легко обосновать: «“Библиотека для чтения” <...> с первого своего появления выставила энциклопедическую программу, которой и держалась худо или хорошо до конца своих дней. Отметим еще одну характерную сторону объявления: журнал обещал оставаться вне партий

и не вступать ни в какую полемику»¹. Перед нами первый русский «толстый» энциклопедический журнал. На его страницах по определению должно быть всё. Есть там и материалы, более-менее тесно связанные с Тверью. И вторым немаловажным для нас свойством журнала была именно провинциальная популярность. Не только столичные жители получали из «Библиотеки...» информацию о жизни России, но и провинциалы получили возможность взглянуть на мир со стороны: «Более семи лет подряд “Библиотека для чтения” пользовалась громадным успехом. Несомненно, что она была самым распространенным и наиболее читаемым журналом в России. Особенности симпатии приобрела она среди своих провинциальных подписчиков, имевших полное основание ликовать, что регулярно, в начале каждого месяца, в их руках оказывается толстый прилично изданный том, наполненный разнообразными и прекрасно написанными статьями. Добродушный провинциальный обыватель направления не искал. Да к тому же в большей части русского общества и не было никакого направления, разве одно только: “У нас, слава Богу, все благополучно”. Направление таилось в отдельных, не связанных ничем друг с другом кружках и даже в отдельных личностях»². И вот на страницах этого журнала было бы особенно интересно обнаружить специфически тверской материал, поняв, как в картину мира – энциклопедии вписывается интересующий нас провинциальный регион.

Тверь на страницах журнала упоминается не слишком часто, даже в тех случаях, когда перечисление всех среднерусских провинций прямо-таки необходимо. Так, не фигурирует тверская земля в обзоре И. М. Снегирева «Местные пословицы»³. Но исторические материалы, весьма активно помещаемые в разделе «Науки и искусства», все же включают и тверские реалии. Уже с первого номера БдЧ на страницах журнала создается

---

¹ Соловьев Е. А. Осип Сенковский: Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Тип. Н. Худякова, 1892. С. 45.

² Там же. С. 62.

³ Библиотека для чтения. 1834. Т. 6. Отд. 1. Далее используется аббревиатура БдЧ.

образ величественного прошлого Твери: «Михаил Тверской, враг Москвы непримиримый, но великодушный; он не зовет на нее поганых»¹. Враждебность Москве становится одним из определяющих факторов в историческом описании города: «...его <Великого князя Московского. – А. С.> слушаются Новгород и Псков, бояться и уважают князя Твери и Рязани <...> Явись в Твери или в Суздале человек смелый, крепко владеющий мечом, умеющий перехитрить его, и где тогда будет Великое княжество Московское?»². Но постоянно подчеркивается и то, что враждебная Москве Тверь остается «русским городом». В таком качестве она утрачивает какую-либо историческую специфику: подобных городов по определению немало. Поэтому Тверь и упоминается эпизодически, в разного рода перечислениях и примечаниях. Скажем, в «Изыскании о старинных свадебных обрядах у русских» Д. И. Языкова есть фраза о женитьбе «Арцымагнуса» на дочери Владимира Андреевича Старицкого в 1573 году и очень краткое описание венчания Александра Невского в Торопце³, но и только.

В целом эти редкие обращения к истории Твери отражают позицию редакции в отношении познания прошлого в целом. Местные летописи признаются ненадежными источниками, повествование может строиться на основе столичных исследований. Этому посвящена работа М. И. Погодина «О достоверности древней русской истории». В финале ее речь идет о тверских событиях, отраженных в летописях. Сначала автор приводит пример повествования о событиях XI века по Софийскому списку. А далее сказано: «А вот каким языком в том же списке описано происшествие 1327 года...»⁴ Приводится известный текст о восстании против татарских баскаков, затем делается «интуитивный» вывод: «Ухо не чувствует ли явно, что эти описания, несмотря на поправки, принадлежат разным столетиям, и

---

¹ Полевой Н.А. Взгляд на историю России, от кончины Иоанна Калиты до кончины Иоанна III // БдЧ. 1834. Т. 1. Отд. 4. С. 85.

² Там же. С. 79.

³ БдЧ. 1834. Т. 1. Отд. 3. С. 4-5.

⁴ Там же. С. 104.

если последнее принадлежит XIV веку, то первое должно быть веками двумя старше». Интуиция помогает историку разграничить эпохи, но не всегда способствует постижению прошлого – в местных сведениях слишком много искажений и противоречий. Об этом говорится и в других материалах журнала. В частности, в рецензии на книгу «О древностях в Тверской Карелии. Извлечение из писем Ф. Глинки к И. Кеппену. Спб., 1836», принадлежащей перу скорее всего самого редактора, сказано следующее: «...так называет он <Глинка. – А.С.> уголок в Тверской губернии, верстах в пятидесяти от Твери, на северо-восток, в Бежецком уезде, где поселены Петром Великим карелы, вывезенные из Финляндии <...> Все это прибавляет новый факт к исследованиям о древних аборигенах северной Руси, доселе не занимавшим ни одного исследователя, кроме доброго Ходаковского <...> таких писем точно найдется много на Русской земле, только азбука их для нас немного потруднее китайской, а и с той ученые не могут сладить»¹. Скепсис по отношению к способностям человеческого познания распространяется и на историю. Посему местные источники практически не попадают в поле зрения редакции журнала – к признанию непознаваемости прошлого редактор всячески подталкивает свою публику, привлекая ее внимание к иным материалам.

И здесь нельзя пройти мимо одной «тверской» публикации, напрямую связанной с журнальной политикой и литературной жизнью 1830-х годов. «В “Библиотеке для чтения” Сенковский много писал о читателях и даже как бы от их лица <...> Читатель и акт чтения подаются им с большой иронией»². Одним из самых ярких выступлений такого рода является «Первое письмо трех тверских помещиков, к барону Брамбеусу»³. Подписа-

---

¹ Бдч. 1836. Т. 17. Отд. 7. С. 14-15.

² *Рейтблат А. И.* Литературный рынок как продукт воображения: О. И. Сенковский и его журнал [Рец.: Frazier Melissa. Romantic encounters: writers, readers and “Library for reading” Stanford, 2007] // Новое литературное обозрение. № 99 (5’2009). С. 303.

³ Б дЧ. 1837. Т. 22. Отд. 1. С. 65-96. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

но оно явственно вымышленными именами (Николай Заезжаев, Петр Закусаев, Иван Мухоловкин), дабы не возникало сомнений в истинном авторстве. Ведь письмо посвящено одной из любимых тем Сенковского – употреблению устаревших слов, в первую очередь местоимений *сей* и *оный*¹. Редактор БдЧ, считавший эти слова канцелярскими, неустанно боролся с ними, используя разнородные приемы. Начало полемики относится к 1835 году, когда барон Брамбеус напечатал «Резолюцию на челобитную *сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы* и других причастных к оной челобитной по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка»². Эта «резолюция» спровоцировала весьма обширную полемику о канцеляризмах, которая не имеет к нашей теме прямого отношения. Гоголь сравнивал пропаганду Сенковского с деятельностью Тредиаковского и Каченовского, считая ее возвращением к практике «Вестника Европы» с особой орфографией. Однако в целом читателями эти баталии воспринимались как элемент «поведенческой стратегии» редактора журнала. И здесь Сенковский, равно как и Булгарин, Полевой и другие, пользовался традиционными приемами; к делу о словах были подключены и ближневосточные, и китайские сюжеты³. В этом ряду следует рассматривать и сюжет тверской.

Об этом исследователи уже писали: «Литературный “Китай” – это очень традиционная форма журнальных памфлетов, также как литературная “Тверь”, которая была в 30-х годах главным поставщиком писем в редакции. Для Сенковского эта форма – только повод для использования обширного этнографического материала»⁴. Тверской материал, в отличие от того же китайского, не имеет почти никакого отношения к этнографии.

---

¹ О филологических аспектах полемики см., напр.: *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. М., 1959.

² БдЧ. 1835. Т. 8.

³ См.: *Каверин В. А.* Барон Брамбеус: История Осина Сенковского, журналиста, редактора "Библиотеки для чтения". М.: Наука, 1966.

⁴ Там же. С. 82.

И в «Современнике», и в «Московском телеграфе» письма из Твери – часть литературных полемик, условная отнесенность к провинции в их содержании ничего не меняет. Авторам просто важно показать, что выражается не «московская» или «петербургская» точка зрения, а мнение вообще, от лица российского читателя как такового. Подобную же конструкцию, как может показаться, выстраивает и Сенковский. Но внимательное прочтение текста показывает, что это не совсем так. И дело не в полемике о словах «сей» и «оный», а в обыгрывании пространственных характеристик, в специфической интерпретации провинции как места. Обратимся далее к тексту письма...

Пишут тверские помещики «решительно; только не знаем об чем, – о русском ли языке или о гомеопатии? Оба предмета чрезвычайно интересуют нас, Тверских помещиков, которые живем подле шоссе, ведущего из Петербурга в Москву, на самом перепутии идей, туда и обратно по этой дороге и которым наш почтеннейший Ларивон Ильич, станционный смотритель В-ский, доставляет лошадей на проезд, если у них, то есть, у идей, а не у лошадей, есть законные подорожные...» (65). Роль Твери как места, лишённого собственного лица, места между двух столиц подчеркивается; и жизнь здесь определяется веяниями из Москвы и Петербурга. Однако тверские помещики имеют и собственные мнения: «Николай Николаевич того мнения, что надо начать с гомеопатии, так как она переводит наш умный тверской народ и причиняет много существенного вреда нашим уездным лекарям. Петр Афросимович и я утверждаем, что Русский язык <...> должен иметь первое место <...> Каково здоровье русского языка после перелома, который, как говорят по всем московскому тракту, особенно на нашей почтовой станции, вы и ваши приятели произвели в нем?»

Не обходится и без «простодушного» вопроса: «Существует ли вы, почтенный барон, на самом деле? Многие в Торжке и Осташкове сомневаются в вашем существовании...» (66). Эти сомнения постоянно провоцировал у столичной публики сам барон; теперь они распространились и на провинциальную. Продолжение той же темы легко обнаружить в более известных

«Обвинительных пунктах против барона Брамбеуса» (1839). В письме использован традиционный для беллетристики Сенковского прием курьезного столкновения большого и малого, «чужого» и «своего»: «...точно так же лорд Лондондерри¹, начитавшись петербургских газет, сомневался в существовании тверской губернии и пока не приехал в Вышний Волочок и не увидел Тверской губернии собственными глазами, не хотел верить, чтобы на свете была такая умная губерния» (66). Далее Брамбеус обыгрывает появление писем из Твери во всех столичных газетах и журналах – Тверь, оказывается, имеет собственное мнение и почитает себя «умной»: «Вступив в первый ям нашей губернии, лорд тотчас удостоверился, что брань, которую он читал в наших газетах, действительно происходит отсюда. За умом он принужден был путешествовать несколько далее. Но не в том дело...» (67).

Дело действительно не в том. Провинциалы у Сенковского изображаются иронично – тут и литературные фамилии, и модная гомеопатия, и даже хорошо известный персонаж – стационарный смотритель... Но есть такая губерния, «без которой в Петербурге не знали бы, что думать о своих собственных деяниях». И Брамбеус стремится показать обитателей этой вымышленной, в журналах сконструированной губернии во всей красе. Тверские помещики ссылаются на «покойного Пушкина» и «покойника Горація», им известны сплетни про Паганини, Байрона и прочих великих и они не прочь порассуждать, что миф – это «гадкое слово, выдуманное в Москве на Синеуса, Трувора и других честных людей» (69). И, разумеется, «когда мы говорим *Тверская губерния*, мы разумеем тут же все умные губернии, всю Россию. Россия вычеркнула *сии* и *оные* из своего изящного языка» (72). Но тверские помещики не умеют долго рассуждать на отвлеченные темы – провинциальные обыватели

---

¹ Лорд Лондондерри упомянут Сенковским не зря – это имя образованной публике было хорошо знакомо. Роберт Стюарт Кестльри (1769-1822) был министром иностранных дел Великобритании и сторонником Священного союза. Самоубийство лорда тоже широко обсуждалось в обществе.

у Брамбеуса всегда сбиваются на размышления о русском духе и здравом смысле.

«Русской мыслит коротко, выражается сжато, пропускает все лишние слова <...> потому что русскому Бог дал все прекрасные качества, а недал одного только терпения. Мы ведь, отец мой, не какие-нибудь немцы...» (76). В этом и причина особого положения Тверской губернии – по ней проносятся во весь опор и люди, и идеи, а задержаться и рассмотреть ее – терпения не хватает. Брамбеус конструирует своих воображаемых союзников с иронией – но в то же время сохраняет у читателей представление о том, что союзники эти не могут в полную силу развернуться. «Берите пример с Тверской губернии!» – призывают помещики (80). Но для Брамбеуса это только фигура речи, вроде заявления «Тверские все знают!» (81). Но и знание географии Тверской губернии, и привлечение весьма обширного литературного контекста свидетельствуют – Брамбеус пытался сконструировать еще одну маску, на сей раз не экзотическую, а провинциальную. Маска эта многосложна. И помещиков трое, и «в письме нашем вы найдете сбор всех слогов, какие водятся в Тверской губернии, исключая, надемся, слога ямского, – потому что это не тверская антикритика, – и высокого, который у нас уже не в моде» (93). Редактор провоцирует провинциальных подписчиков, вводя условные фигуры, выступающие как бы от лица читателей. И тверские помещики возникают не с антикритикой, а с «конструктивными предложениями», которые должны быть развиты. Однако больше писем от помещиков не появилось – Сенковский охладел к замыслу.

В отношении «воображаемых диалогов» с читателями на страницах БдЧ уже сделаны определенные выводы: «Чем больше Сенковский материализовал своих читателей на страницах своих опусов, тем меньше эти читатели были связаны с реальным миром»¹. Этот тезис можно подвергнуть сомнению – тверские помещики помещены в реальную среду, даже полеми-

---

¹ *Frazier Melissa*. *Romantic encounters: writers, readers and "Library for reading"*. Stanford, 2007. P. 90.

ка о словах оказывается частью весьма детально прописанного мира. Провинциальная публика могла узнавать себя в этом тексте – что нисколько не мешает оценке его как игрового. И уж совсем никакой игры не было в других тверских материалах «Библиотеки для чтения», к которым мы обратимся далее.

Изначальная установка на энциклопедизм была реализована в разделе журнала «Промышленность и сельское хозяйство». Именно здесь, в ряду практических статей, появились написанные в Тверской губернии тексты Д. П. Шелехова. Это не просто сельскохозяйственные рассуждения, как указывал автор в первой же статье: «Пора и нам прибегнуть к науке, к искусству, если не хотим, чтобы наша родимая земля, некогда столь кроткая и щедрая, за тяжкие труды дарила нас все чаще и чаще неурожаями и голодом. Всему есть мера, – даже и благодетельности природы <...> Искусство, по какой бы то ни было части, не что иное как точные, верные сведения о деле и его правилах и неуклонное исполнение на опыте тех же правил»¹. Дмитрий Потапович Шелехов (1792 – 1854) не зря именовался «первым русским сельскохозяйственным писателем»². Выйдя в 1821 г. в отставку, он занялся изучением сельского хозяйства практически и теоретически. Шелехов открыл в своем зубцовском поместье Фролово практическую школу для обучения помещичьих крестьян сельскому хозяйству с плодопеременным полеводством. В дальнейшем в занятиях Шелехова наступил перерыв. В 1833 году, возвратившись из столицы в свое поместье, Шелехов продолжал заниматься сельским хозяйством и применением на русской почве системы Либиха, внося в эту систему все новые и новые изменения. Теоретические труды 1820-х годов («Главные основания земледелия», 1825; «Существенные правила плодопеременного сельского хозяйства», 1826; «О пользе и необходимости плодопеременного земледелия в России», 1827)

---

¹ Шелехов Д. Старые и новые понятия о сельском хозяйстве // БдЧ. 1835. Т. 9. Отд. 4. С. 1.

² Впервые так Шелехов был назван в «Справочном энциклопедическом словаре» К. Крайя (1847).

уже не соответствовали реалиям 1830-х. Свою новую позицию Шелехов сформулировал на страницах БдЧ. Позднее эти статьи легли в основу публичных лекций, которые Шелехов читал в Санкт-Петербурге в 1841-1844 годах («Беседы о русском опытном сельском хозяйстве»); они использованы и в главном сочинении писателя «Курс опытного русского сельского хозяйства»¹.

Идеальное устройство сельского хозяйства, возведенного в ранг искусства, демонстрируется на тверских примерах: «Разве сельские ремесла не доставляют дохода? Тверской помещик, отменно благоразумный сельский хозяин, И. И. В***², получает значительный доход, равняющийся едва ли не половине полевого дохода его усадьбы, от мастерской своей, в которой делаются машины молотильные и веяльные <...> По уверению одного просвещенного хозяина в Старицком уезде, князя И. С. М***³, некогда граф Брюс на даче под Петербургом имел также два поля, одно овощное, другое с пшеницей, для которых извлекал он удобрение из столицы. Двухпольное полеводство есть по крайней мере верх совершенства...»⁴

Пожалуй, в наибольшей степени отражает интересы Шелехова и его представления о тверском крае «Описание превосходно устроенного сельского хозяйства с зерновым трехпольным полеводством в селе Латышине»⁵. Здесь автор рисует читателю идеальное устройство не только и не столько земледелия.

---

¹ См.: *Петров М. Г.* Жизнеописание Дмитрия Шелехова // Петров М. Г. Отвергнутый камень. Тверь, 2004. Повесть известного тверского писателя включает не только биографию, но изложение научных концепций, и публицистические рассуждения на темы актуальности наследия Шелехова.

² Вероятно, Иван Иванович Воробьев, сосед Шелехова. См.: *Петров М. Г.* Жизнеописание Дмитрия Шелехова. С. 87-88.

³ Иван Сергеевич Мещерский (1775-1851). См. о нем., напр.: *Черейский Л. А.* Мещерские // Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1989. С. 261-263.

⁴ *Шелехов Д.* Старые и новые понятия о сельском хозяйстве. С. 8.

⁵ БдЧ. 1837. Т. 9. Отд. 4. С. 28-44. Далее цитируется с указанием номеров страниц в тексте.

лия, сколько социальных отношений. Создается картина «мирного жития» всех сословий, возможного в губернии «между двух столиц»: «Кому не известно село Латышино, княгини Софии Сергеевны Мещерской, в Старицком уезде и в соседних, Тверском, Волоколамском, Зубцовском, по своей красивой крестьянской обстройке, по великолепной двухэтажной церкви, видимой за несколько десятков верст; по еженедельным торгам, на которые привозятся во множестве разные произведения сельских ремесел, по обширным помещичьим садам <...>, по тучным огородам, по огромному винокуренному и сахарному заводам и сыроделию, доставляющему сыр, лучший в России по доброте, не уступающий швейцарскому?» Далее панегирик продолжается: «...оно занимает одно из первых мест в числе тех превосходных русских поместий, где ум, предусмотрительность и человеколюбие соединились для того, чтобы восстановить благосостояние крестьян, обогатить их, сделать бедные деревушки богатыми и красивыми посадками, облегчить и соразмерить труд, водворить во всем строгую отчетность и извлечь высокие доходы...» (28). Иерархия провинциальных ценностей очевидна: социальные идеалы важны – для достижения высокого дохода: «...все обдуманно и производится только то, что содействует изобилию помещика и неразлучно с благосостоянием крестьян <...> есть великолепный храм Божий, а нет пышных барских чертогов с принадлежностями роскоши и тщеславия. Польза, умеренность и благоразумие на каждом шагу берут верх над прихотью» (29). Автор не может подобрать аналогов этому месту – разве что рискует назвать его «истинным княжеством чужих земель».

Описание господской запашки как «смешанного, малоуспешного и тягостного труда» противопоставлено новой системе. Обширное хозяйство – не всегда самое удачное: «все разлаживалось, ветшало от огромности» (30). Разделение на усадьбы приводит к тому, что на смену одному неповоротливому хозяйству приходит система хозяйств небольших и потому более согласных с природой, с точки зрения земледельческого искусства.

ва («распределение трудов усовершенствовалось»; «выгодный и рассчитанный труд не обременение», 32).

«Неусыпное и отеческое внимание к быту, жизни и хозяйству самих крестьян» характеризуется наиболее подробно – в последнюю очередь; оно составляет венец общественного устройства в провинции. Гармония сосуществования основывается в поместье на экономическом расчете, «умилительные благодеяния» помещиков – часть весьма значительного плана поддержки хозяйства. «Драгоценная возможность вести трудолюбивый класс народа к добру, к успеху, к благосостоянию, быть отцом и наслаждаться признательностью...» оказывается принадлежностью «патриархального быта» (33). Шелехов создает не просто идиллическую картину, в провинциальном хозяйстве он видит возможность соединения времен – новые хозяйственные принципы и исконная «отеческая забота» создают вместе столь приятельный образ.

Есть в этом сочинении и мотив природоустройства – облагораживания окружающего мира силами людей: «Сын латышинского помещика, князь В. И. Мещерский, <...> совершил важное хозяйственное предприятие: пожертвовав несколькими тысячами рублей, он осушил огромное болото, от которого получает столько же сена, сколько в Латышинском хозяйстве...» (38)¹. Единственный недостаток, по мнению специалиста, в том, что используется трехпольная система вместо плодopеренной. Но этот недостаток легко исправим, как показывает автор в дальнейших статьях на личном опыте. Правда, опыт этот несколько двусмыслен, как видно при последовательном чтении текстов Шелехова.

В статье «Картофель. Происхождение и важность картофеля в сельском хозяйстве...»² «правила теории подтверждаются на опыте». Дается весьма подробное описание владений автора

---

¹ Ср. с более поздним описанием имения Мещерских: Сельцо Соколово // Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Тверь: Тип. губ. правл., 1890. Т. IV. Старицкий уезд. С. 108-111.

² БдЧ. 1837. Т. 10. Отд. 4. С. 30-38.

(Фролово и Виталино), где производились опыты с картофелем. Однако большая часть посадок пропала – и Шелехов рассуждает лишь о спасении части урожая. Промерзший в пути картофель был порублен, засушен и использован в пищу – в поместье ничто не пропадает; этот экономичный способ хозяйствования отстаивается и в других статьях.

Немало энтузиазма выражает Шелехов в «Истории преобразования поместья с трехпольным зерновым полеводством в английское с пятипольным плодопеременным»¹. Начинается эта работа с обзора зернового полеводства, его недостатков, истощения земли. «Фроловское хозяйство находилось в печальной необходимости ожидать изобилия и урожаев от случайности погод...» (41). «Одно было у помещика желание – устроить свое хлебопашество, приобрести искусство кормить скот, пахать землю и прочая, так же хорошо, как делают для себя крестьяне» (42). Уподобляться крестьянам цивилизованный обитатель Тверской губернии не должен, иначе придется признать, что «все зависит от судьбы, а нисколько от заботливости, искусства и умения» (42). Шелехов описывает, как оставил службу и стал помещиком и как бесполезны оказались его усилия. «Но приезд одного почтенного, просвещенного хозяина, Ф. Ф. Р***², в свое поместье близ Фролова, остановил предприятие, и сельские занятия, невольно привлекавшие сердце, не были покинуты» (43). Тверскому помещику, чтобы остаться таковым, необходимо было прибегнуть к европейскому просвещению. Сохранив связь со своей землей, нужно использовать и чужое – знание, опыт, даже предметы³. Провинциальный помещик отправляется в столицу, в Московское общество Сельского хозяйства⁴. И здесь «несбыточные мечты» становят-

---

¹ Там же. С. 40 – 51.

² Федор Федорович Ралль владел имением Первитино. Его описание см.: ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 660. 16 л.

³ См.: *Шелехов Д. П.* Описание земледельческих орудий г. Роджера // Там же. С. 55 – 61.

⁴ Основано в 1820 году; председателем в 1820-1845 гг. был князь Д. В. Голицын.

ся реальностью. Без столицы провинциалу трудно, даже невозможно, но получив изначальный импульс, он может развивать столичные идеи далее и строить свой собственный мир. Следует упомянуть о знакомстве с трудами М. Г. Павлова¹ – главного авторитета в области сельского хозяйства. В ранних работах Шелехова, уверенного, что «познания, а не поверья управляют делом» (47), наличествовало преклонение перед авторитетом. К началу 1840-х годов от него не осталось и следа: кабинетный опыт Павлова был уже не интересен практику².

Подмосковное имение Кагул, принадлежавшее Румянцевым, стало важнейшим свидетельством в пользу нового опыта – значит, все остальное Шелехова еще не убедило. «Нельзя было не чувствовать признательности к просвещенному владельцу за доставление своим соотечественникам образца превосходных заведений...» (50). «Желание приблизиться к совершенству» и подвигло Шелехова на дальнейшие труды. Он тотчас же убеждает своих читателей, что в провинции есть для этого все условия. И представители разных сословий едины в стремлении к совершенству. Шелехов пишет о дешевизне сельскохозяйственного инвентаря в Твери (купец М. К. Светогоров), о крестьянах с. Мологина, совершенствующих сельхозорудия, об имении Полторацкого (Грузины). Однако известный фатализм провинциалов противопоставляется расчету московских ученых и английских приказчиков: «Жребий выпал. Фролово должно быть преобразовано!» (51). Эти же мысли развиваются и в других статьях, посвященных более частным вопросам сельского хозяйства³.

Но от многих первоначальных предположений провинциальному энтузиасту приходится отказаться, как показывает самая объемная работа Шелехова «История преобразования рус-

---

¹ Павлов М. Г. (1793-1840) – доктор медицины и профессор физики, минералогии и сельского хозяйства в Московском университете. «Курс сельского хозяйства» был издан в 1837 г.

² См.: *Петров М. Г.* Жизнеописание Дмитрия Шелехова. С. 73-76.

³ См., напр.: Об удобрении земли болотным черноземом... // БдЧ. 1835. Т. 11. Отд. 4. С. 1-9; Опыт удобрения лугов // Там же. С. 10-17.

ского поместья с трехпольным зерновым полеводством в английское с пятипольным плодопеременным»¹. Она задумывалась как развернутая версия предшествующих текстов, однако в процессе работы Шелехов изменил и план, и содержание...

Результаты поместного труда были переосмыслены – прежний энтузиазм неопита сменился иными убеждениями, многие из собственных заблуждений Шелехов опровергает, доказывая, что был ослеплен столичными новинками, а в провинции нужно совсем не то: «Что в одном месте не нужно, то в другом приобретается трудами тяжелыми, продолжительными...» (37).

«Фроловское сельское хозяйство до своего преобразования было старинное русское, с обыкновенным зерновым полеводством <...> Известно, что старинные русские сельские хозяйства были крепки словом, а не письмом, счетом и мерою. Они устраивались на глазомер, а не по правилам наук, управлялись патриархально – на веру, а не по строгой и систематической отчетности. Здесь все предоставляется лицом; все худое и хорошее в хозяйстве зависело в старину от смысла и поведения приставов; если что в хозяйстве худо, то переменяли должностное лицо, а не порядок» (1). От этой личной системы автор уходит; поэтому внимание все больше уделяется отчетам, а не описаниям, не лицам, а принципам и приемам. Распоряжение по принципу «как вздумалось» уходит в прошлое, теперь поместное хозяйство нуждается в ином, научном подходе. Фролово было «хорошим русским сельским хозяйством» (8), но все недостатки этих хозяйств в России очевидны. «Нужно ли было преобразование? По крайней мере человек должен желать себе лучшего и стремиться к усовершенствованию, когда ему нехорошо» (17). Занятия по хозяйству воспринимаются и как развлечение, и как развитие, и как возвышение души надеждой быть полезным не только себе, но и отечеству». «Иностранные колонии, поселенные по берегам Волги и в других местах, и устроенные отлично, не имели ровно никакого влияния на усовершенствование в

---

¹ БдЧ. 1835. Т. 13. Отд. 4. С. 1 – 90. Далее цитируется с указанием страниц в тексте.

России народного сельского хозяйства именно потому, что условия их быта совершенно несходны с условиями наших поместий» (21).

Необходима «не хутор и не ферма, но *Русская образцовая усадьба* со всеми принадлежностями, как водится у русских» (22). Провинциальный помещик остается «русским во всех отношениях», но искусство может привести его и к образцам. Так что в провинции «годится только свое» – об этом своем, особом, и рассказывает Шелехов: «История преобразования русского поместья в английское не будет уже соответствовать заглавию, выставленному в начале, но дело не в заглавии, а в результате» (29). Старожилы, живущие согласно предрассудкам, были посрамлены, и поместье стало давать доход: «Дело состоит в искусстве, в уменье действовать производящими силами природы где бы то ни было» (32). Увы, далеко не все в жизни тверского поместья еще может быть приближено к идеалу: «Для нас еще не наступило время ни высокой платы за труд, ни изящества за плетнем усадьбы» (35).

Вот о «неизящной» борьбе за нововведения в Тверской губернии и повествует автор – он убеждает и соседей, и крестьян использовать новое, но не ограничиваться чужими теориями, в конкретном уезде неприменимыми «Но в этом случае нельзя обвинять теорию: напротив, она должна была напомнить молодому хозяину о всех предосторожностях, какие преподает наука относительно нижних слоев земли» (42). «...они запахали до самого сердца земли, так, что земной шар трещал от фроловского плуга» (43). Очевидна ирония над провинциальными неофитами – в данном случае самоирония, поскольку принесли эти утопические мечтания только «убытки и досаду»: «Новый фроловский помещик, некогда кандидат физико-математического факультета, не знал, что такое балка и цоколь» (44).

Следует отметить постоянно возникающий в текстах Шелехова мотив единства тверских помещиков-новаторов: «Успеху много содействовало также дружество. Трое помещиков соседей решились в одно время идти по пути тогда многотрудному

и темному...». Упоминаемые здесь соседи – это Федор Федорович Ралль и Федор Ильич Лодыженский (с. Вахново¹).

Финал статьи Шелехова – уже не панегирик хозяйству, а сухое перечисление того, что реально сделано во всех отраслях (в приложении напечатана ведомость о покосах и урожаях). «Пусть бы фроловский помещик приложил равное старание и ученый труд ко всем остальным отраслям сельского хозяйства... Что бы сельский хозяин поставил себе за правило прожить не весь годичный доход, как на Руси водится по пословице – у русского копейка идет ребром... О, зачем Бог русскому не дал голландского нрава!» (67-68).

Шелехов нигде не ограничивается сожалениями; он предлагает читателям программу действий: «Когда станете строить все на одни сутки, наша родина вечно будет в развалинах, в которых всегда живет бедность» (74). В подтверждение приводится описание поездки Ралля в Силезию, где «время, терпение и постоянный труд» создали то самое устойчивое хозяйство. К проблеме стабильности русского имения Шелехов возвращается не раз. И почти всегда эта тема связана с темой неустойчивости границ между регионами, нестабильность экономическая связана с нестабильностью географической и политической: «Во времена давно минувшие между московским и тверским княжествами лежало еще одно удельное княжество к северо-западу <...> В течении времени эта отчина перешла в другой княжеский род и раздробилась на четыре части»². Далее рассказывается об имении вообще: «Русское имение в руках благоразумного хозяина, хотя чужеземца, процветало в полном смысле слова»³. А дальше начинается «заглазное управление мудрыми приказчиками» – имение предсказуемо разоряется. Как этого избежать – вот основная тема сочинений Шелехова, чему бы

---

¹ Описание имения: ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3063. Л. 4-5.

² Шелехов Д. П. О русских доходах и русских приказчиках по сельскому хозяйству // БдЧ. 1839. Т. 36. Отд. 4. С. 2.

³ Там же. С. 4.

они ни были посвящены: «утучнению земли навозом»¹ или «домоводству»². Понятно, что в очерках учитывается специфика Тверского региона: «в домосковных губерниях, и вообще лежащих до 55 северной широты, которых земля без удобрения неплодоносна»³. Однако беды у поместных хозяйств все же общие, как показано в статье, посвященной истории поместья Виталино⁴.

Идеи домохозяина здесь те же самые, что и во Фролове. «Золотое дно» от неправильного хозяйства превращается в чистый убыток, а при научном подходе становится спасением помещика. Описание вырубki лесов в Тверской губернии впечатляет. И автор не ограничивается одним имением – он показывает это явление как общую беду среднерусских губерний. «В новой Виталинской усадьбе все идет единообразно <...> труд совершается правильно, постепенно, веково» (71) «В поместье главная мудрость – найти к хозяйству ключ, узнать тайну местности и своевременного труда» (74). В сравнении с английскими поместьями – отнюдь не идеал, не «рай земной», но «зато и дороги поместья в Англии» (78).

В качестве иллюстрации к тезису о том, что необходимо использовать хоть отчасти «английский опыт» приводится рассказ о русском фермере⁵. Этот рассказ явно выделен редактором из цельного текста об английском фермерстве: «Да у нас уже начинает проявляться фермерство. Да будет Алексей Иванович прародителем со временем многочисленного и славного сословия православных российских фермеров» (22). «Отшельник-

---

¹ Об утучнении земли навозом // 1836. Т. 15. Отд. 4. С. 11-30; Т. 16. Отд. 4. С. 1-16.

² Наука домоводства // БдЧ. 1836. Т. 18. Отд. 4. С. 42-78; Т. 19. Отд. 4. С. 1 – 30. Кстати этот материал было бы любопытно сравнить с текстами В. Ф. Одоевского о ведении домашнего хозяйства. «Теория домостроительства в ее нравственном, физическом, умственном и практическом отношениях» публиковалась в «Отечественных записках» в 1846 году.

³ Наука домоводства // 1836. Т. 19. Отд. 4. С. 19.

⁴ Поправление разоренного поместья // Там же. С. 31 – 78.

⁵ Русский фермер Алексей Иванович // БдЧ. 1837. Т. 23. Отд. 4. С. 22-30.

земледелец», изображаемый Шелеховым с такой симпатией, оказывается гжатским купцом третьей гильдии», сыном владельца фабрики «рюмок и бутылок». «Как должно было хозяйничать купцу без крепостных людей? Разумеется, вольнонаемными работниками. Как уладить хозяйство...? По старинному обыновению». (23). Но герой на деньги, оставшиеся после ликвидации дела, создал луговую ферму – а потом и хлебный промысел. И еще одно подтверждение получает тезис Шелехова: «...не большое пространство земли, но хорошо удобренное и обработанное, дает лучшие урожаи» (24). В тексте о русском фермере мы видим элементы локализации провинциального сознания – происходит переоценка малых величин в региональной системе ценностей.

Здесь Шелехов возвращается к первоначальной идее и использует местный материал для доказательства превосходства английской системы. Ее одной не хватает «земледельцу-отшельнику» для процветания. Полеводство у русского фермера обычное, «незнакомое с усовершенствованными орудиями и лучшими севооборотами» (26). «Что если бы трудолюбивому купцу-земледельцу вздумалось почитать *книжку* о сельском хозяйстве...? Надобно бы еще потрудиться, поездить по своей Руси, как английские фермеры ездят по Англии <...>, а там бы съездить и в Англию» (27). Именно английское хозяйство противопоставляет тверскому Шелехов в своих статистических выкладках.

В более поздних текстах Шелехова тверской материал отходит на второй план. «Чухонец и белорус»¹ для него так же репрезентативны, как и старицкий крестьянин. Их хозяйствам в равной степени нужны «усовершенствования», которые может дать только наука.

Конкретные примеры чаще всего связаны с Тверской губернией: «В прошлом, 1837 году, в Старицком уезде, к Осташкову, в местах лесистых был мороз с пятого на шестое июля, и побил в цвету гречиху и картофель; сколько раз замечено, что если в

---

¹ БдЧ. 1838. Т. 27. Отд. 4. С. 19.

Тверской губернии пострадали рожь и гречиха от росы или морозу, то наверное эти же хлеба потерпели ущерб в тульской, орловской и саратовской губернии, а то и в Малороссии!»¹ Но это только примеры; абсолютно неважно, какой город будет назван ученым, стремящимся ввести новые технологии в поместьное хозяйство. Провинции недостает именно «науки», ее и содержат материалы столичного журнала. Шелехов пишет все больше не о том, что сделано, а о том, что нужно сделать. В статье «Как должно хозяйничать в русском поместье» он противопоставляет московских и петербургских «хозяев» настоящим помещикам: «Можно насчитать сотни сел помещичьих, истинно благоденствующих; сел, которые изумляют обширностью и красотой строений, богатством, деятельностью, промышленностью. Проезжайте по тверской, ярославской, владимирской и нижегородской губерниям, и вы найдете там Кимру, село графини С***², не уступающее хорошему уездному городу, с несколькими церквями, кипящее трудом и промышленностью... И всем этим они обязаны попечительности своих помещиков»³. В целом «провинциальные» примеры берутся, чтобы доказать возможность преуспевания – если помещик берет на себя функции мануфактурщика и домохозяина...

В известной степени итоговую характеристику Тверской губернии Шелехов дал в «Путешествии по русским проселочным дорогам», выразив свое представление о типических свойствах региона: «...зерно Руси. Здесь кипят труд и промышленность, здесь живет народ одноплеменный, умный, богобоязненный, живой, деятельный, бодрый, предприимчивый»⁴.

---

¹ О пользе и средствах улучшений и усовершенствований в сельском хозяйстве // БдЧ. 1838. Т. 27. Отд. 4. С. 31.

² Юлия Павловна Самойлова (1803-1875). Графиня лишилась русского подданства в 1846 году и распродала свое имущество; крестьяне Кимр выкупились на волю с землей.

³ БдЧ. 1838. Т. 30. Отд. 4. С. 13.

⁴ Путешествие по русским проселочным дорогам // БдЧ. 1839. Т. 32. Отд. 4. С. 3.

В его статьях выражался совершенно иной облик Твери, нежели в других материалах журнала. Здесь не было утилитаризма, свойственного многим «столичным» хозяйственным выкладкам. Например, В. П. Гурьев в работе «Мысли о первой компании зимних дорог в России» писал о «безошибочном важном деле составления, на будущую зиму, большой компании для быстрых доставлений <...> через рыбинскую систему в Тверь»¹. Нужен еще один удобный перевалочный пункт – изобретательный хозяйственник его находит, а прочие свойства этого «пункта» его не занимают. Тверь, конечно, не входит в число приоритетных регионов для авторов БдЧ. А. Степанов в «Легенде о том, как один помещик...» в ироничном перечне познаний героя отметит: «Семнадцати лет Ваня <...> знал все главные городе Европы, до Курска»². Неизвестно, попадает ли Тверь в число «главных городов»; да и интересны ли тверские события читателям, жаждущих «важного» и «увлекательного». Разумеется, читатели у «Библиотеки...» есть везде; но занимателен для них не местный материал, а создаваемый редактором мир.

В отличие от других материалов журнала (в первую очередь статьи Сенковского) в работах Шелехова на тверском материале никакой игры с читателем нет – но есть стратегия. Автор – осознающий уникальность своей позиции «первый русский сельскохозяйственный писатель» – стремится заинтересовать провинциальных читателей своими предложениями, редактор, стимулируя интерес к данным предложениям, демонстрирует условность всяких идеализированных конструктов провинциальной жизни. Тверские помещики Сенковского живут в том же мире, что и герои Шелехова, однако литературные персонажи оказываются в равной степени реальными. Все тверские помещики увлекаются новейшими течениями – будь то течения лингвистические или сельскохозяйственные. Но читатели мало-помалу понимают

---

¹ БдЧ. 1838. Т. 31. Отд. 4. С. 8.

² БдЧ. 1838. Т. 26. Отд. 1. С. 114.

бесполезность «столичных игрушек» для провинциалов. Тверь оказывается испытательным полигоном для многих полемических и хозяйственных установок – далеко не все они проходят проверку. Но относительно ценности создаваемого в журнале образа можно еще поспорить. Формируется ли имидж Твери для читающей публики или все ограничивается собирательным портретом провинции? При ответе на этот вопрос следует учесть, что элемент взаимодействия авторов, редактора и публики журнала довольно сложен – и позднейшие публикации в «Библиотеке для чтения» дают возможность продолжить разговор. Но развитие этой темы потребовало бы привлечения и других источников – в первую очередь журналов 1840-х годов. Вероятно, данные заметки следует рассматривать как первый шаг на пути создания сводного справочника, посвященного тверским материалам на страницах журналов XIX столетия. Подобный свод даст нам перечень основных элементов образа Твери, создаваемого в периодической печати, позволит проследить трансформацию этого образа – и во многом его рецепцию...

Новые прочтения классических сюжетов:
Тверь в исторической прозе
второй половины XIX – начала XX века

Эти заметки не претендуют на полноту; создание свода тверских сюжетов русской литературы – задача близкого будущего. Но сами обращения к локальной исторической тематике подчиняются неким закономерностям. Попытавшись описать некоторые подобные обращения, мы сможем понять, почему определенный регион попадает в поле зрения литераторов в одно время и практически исчезает из литературы – в другое¹. Именно это, как может показаться, и произошло с Тверью.

В 1820-1840-х годах известно довольно большое количество произведений на тверские сюжеты, причем тексты создаются в разных жанрах и с разными целями. Здесь могут быть названы многие авторы: и Рылеев, и Кюхельбекер², и Лажечников, и Глинка, и Нарезный, и Ишимова, и Полевой... Особый интерес вызывали некоторые темы древней тверской истории: судьба Михаила Тверского³, история Отроча монастыря⁴, падение Твери⁵. А в литературе второй половины столетия ситуация существенно меняется – и Тверь как будто не привлекает внимания исторических беллетристов. Это, разумеется, не совсем так: по-прежнему выходят в свет произведения на исторические сюже-

---

¹ См. также: *Сорочан А. Ю.* «Это был новый, свежий народ...» (Тема Великого Новгорода в русской исторической беллетристике) // *Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород*, 2009. С. 574-588.

² См.: *Левин Ю. Д.* Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет «Повести о Тверском отроче монастыре» («Юрий и Ксения») // *ТОДРЛ. Т. XXVI.* С. 128-138.

³ Князь Михаил в русской литературе первой половины XIX века // *Михаил Тверской. Тексты и материалы* / Сост. М. Строганова, О. Левша. Тверь, 2002. С. 227-286

⁴ *Ржига В. Ф.* Из истории повести // *Известия Тверского педагогического института.* Вып. 4. Тверь, 1928. С. 111-116.

⁵ См. в статье о Лажечникове в настоящем сборнике.

ты, в которых есть обращения к прошлому Твери. Но эти тексты большей частью функциональны. Что можно сказать, положим, о романе В. И. Кельсиева «Москва и Тверь»¹ – гладком пересказе известных исторических источников? Чем заинтересует читателя упрощенное переложение «Повести о Тверском Отроче монастыре», вышедшее из-под пера П. Н. Полевого²? Старые сюжеты по-прежнему воспроизводятся, но воспроизведение становится чисто механическим.

Я хотел бы остановиться на текстах, содержащих несколько иные интерпретации тверской истории и не привлечших до сего времени должного внимания исследователей. Проанализировав некоторые из них, мы установим, как именно использовалась локальная история в беллетристике и почему менялся объем местных сюжетов в определенные эпохи.

И начать следует с автора, прославившегося еще в первой половине столетия. В своих произведениях – и в пьесах, и прежде всего в повестях и рассказах Н. В. Кукольник часто обращался к локальным сюжетам. Действие разворачивалось и в Калуге, и во Владимире, и в Пскове... Упоминалась в них и Тверь. Об исторических произведениях Кукольника много писали; особое внимание уделялось повестям и рассказам из петровской эпохи³. А вот романы Кукольника часто называли книжными – и не без оснований. Тщательно выстроенные сюжеты были своего рода жанровой условностью; во многом романист основывался на своем опыте драматурга⁴. И здесь некоторый интерес представляет последний исторический замысел Кукольника, выросший из его трагедии «Князь Дмитрий Иванович Холмский» (1840). Идея создания на базе драматического

---

¹ Нива. 1870. № 16-34; отд. изд. – СПб., 1872, 1909.

² Полевой П. Н. Ненароком // Полевой П. Н. Исторические рассказы и повести: М.: А. Ф. Маркс, 1902.

³ См. об этом: *Осват А. Л., Рогинский А. Б.* Историческая проза и государственный миф // Старые годы. М.: Художественная литература, 1989. С. 360-364.

⁴ См.: *Сорочан А. Ю.* Мотивировка в историческом романе 1830-1840-х гг. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 69-72.

произведения более масштабного полотна возникала у Кукольника в начале 1850-х; именно тогда писатель попытался создать обширную географическую панораму России XV века. Однако этот замысел остался неосуществленным – Кукольник работал над книгой и во время службы в Таганроге¹, но так и не довел работу до конца...

Роман «Иоанн III, собиратель земли Русской» был опубликован только в 1874 году² и не привлек особого внимания. Вместе с тем книга имеет особый интерес для нас – одним из основных ее героев оказывается тверской купец Афанасий Силыч (!) Никитин. В первой главе описано возвращение путешественника в Москву: «Тверской купчина ночью воротился из дальнего, многолетнего странствия в индийскую сторону, за три моря. Впотымах ища ночлега, не до Кремля ему было; и как пустили – с дороги заснул сном богатырским»³. Никитин и разбогател, и языкам обучился, и в Царьграде побывал, даже дипломатические письма из Кафы привез. Позиция его в отношении Москвы и Твери скорее нейтральная: «Да вот Москва забрала Тверское великое княжество да своего наместника там поставила; тот наших людей не знает, мой дом своим людям на житье отдал, а меня в Твери не было <...> Дивлюсь разуму и воле Иоанна, соблезную о несчастьи нашего доброго Михаила, но как человек – не больше. А как русский, радуюсь Иоанновым успехам. Только мелкий ум не видит в трудах его блага Руси и общей пользы» (9, 12). В дальнейшем Никитин выступает верным сторонником преобразований, «видных дел», для него «вся Русь –

---

¹ См. об этом: Н. В. Кукольник и Таганрог. Сб. Таганрог, 2003.

² Кукольник, судя по заметкам публикаторов, успел написать лишь около трети текста; остальное принадлежит перу М. П. Петрова, превосходно сымитировавшего стиль предшественника. Романы Петрова «Балакирев», «Белые и черные» написаны в том же стиле, что и книги Кукольника – это демонстрирует востребованность данных повествовательных техник в 1870-1880-х гг.

³ *Кукольник Н. В. Иоанн III, собиратель земли Русской*. М.: Современник, 1996. С. 4. Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

Москва» (13). Сразу вспоминается роман И. И. Лажечникова «Басурман», где Никитин был изображен совершенно иначе. Это связано и с различными политическими установками авторов, и с разным отношением к локальному материалу – для Лажечникова этот материал «свой», он старается выразить не «столичную», «государственную», а некую общечеловеческую точку зрения, для Кукольника государственная власть оказывается основой процветания и противостоять ей невозможно. Поэтому «хотя Никитин во время продолжительного своего странствия видел немало государей могущественных, дивился восточной роскоши, привык, кажется, к блеску и пышности восточных властителей, но при звуках речи Иоанна пробежал у него по коже невольный трепет» (14).

Никитин излагает свои впечатления об Индии – весьма близко к тексту «Хожения...». Впрочем, основное внимание в пересказе уделено не быту и религии, а войскам и двору султана. Это вполне понятно: государя московского интересует, как устроена власть в иных краях. «Нравы и обычаи каждого народа любопытны и поучительны» (89), но важны они по-настоящему только тогда, когда связаны с интересами державы.

Дальше судьба Никитина по воле авторской фантазии принимает и вовсе неожиданный оборот: «На старости бодрой ты можешь быть полезным государству нашему своим досужеством и опытом <...> жалуем тебя в московские дворяне наши и повелеваем быть дьяком в Посольском нашем приказе» (16). И попадает тверской купец в водоворот придворных интриг, которые Кукольник умел изображать всегда – достаточно вспомнить его роман «Эвелина де Вальероль», в центре которого – козни Ришелье и знакомая читателям и телезрителям история с подвесками королевы.

Все это изображение, кажется, неисторично: ведь реальный Никитин умер за 12 лет до описываемых событий, да и сведения о его богатстве и влиянии совершенно фантастичны. Мотивировать такое воскрешение «тверского гостя» сложно; к тому же значительной роли в дальнейшем развитии сюжета тверской купец не играет, выступая в качестве спутника героя – князя

Василия Холмского. Поэтому легко рассуждать о слабости и надуманности сюжета романа¹. При этом многое остается вне поля зрения. За Никитиным в романе закреплён статус «достойного человека», в полном соответствии с которым он и действует: он сопровождает Василия Холмского, главного героя книги, во время его первой дипломатической миссии. Несомненно, что данный исторический персонаж не может быть вписан в узкие рамки созданной романистом системы. Для него создается совершенно особая роль. В рамках сюжетной линии, связанной с тверским купцом, произведение приобретает черты «романа воспитания». Учитель Холмского – это вовсе не историческая личность, а мудрец, изрекающий отвлеченные сентенции, показывающий чудеса такта, дипломатии и сообразительности: «...Ничего, поучись, князь. Татарский язык после нашего не покажется тебе мудреным; поймешь скоро – была бы охота слова затверживать. А что не поймешь, так и я помогу» (207). Его цель – подавать советы молодому боярину и предостерегать его от возможных ошибок: «Он тебе сподручник в этом посольстве по государеву указу» (95). А когда школа героем пройдена, в менторе больше нет необходимости. Смерть настигает путешественника в Валахии – совершенно неожиданно для читателя. А герой «бросился на прах Никитина и рыдал, как ребенок, чувствуя свое одиночество» (236). То, что объяснения предсмертной болезни Никитина не дается, оставляет невиданный простор для предположений и одновременно показывает, что автору персонаж больше не интересен – исчерпаны все возможности его статуса.

Именно понятие «статуса» позволяет прояснить особенности исторического мышления романиста и ту трансформацию, которую претерпевает на страницах романа образ реального пу-

---

¹ Именно в таком ключе я рассматривал тверские сюжеты в прочтении Лажечникова и Кукольника в ранней статье: *Сорочан А. Ю.* Факт и вымысел в русском историческом романе эпохи романтизма // *Criterion*. Вып. II. Традиции в контексте русской культуры. Межвуз. сб. науч. тр. Череповец, 1999. С. 13-17.

тешественника. Кукольник на базе русской жизни XV в. создает не лишенную некоторой оригинальности художественную концепцию истории. Все или почти все объяснения происходящих событий скрыты в прямой речи героев, на свою долю автор оставляет исключительно фабульные ремарки. Только в первых главах он указывает на общие принципы оценки действий отдельных исторических лиц. Он противопоставляет два «лагеря», два способа властвования. Царь олицетворяет высокие функции власти: «Иоанн был в полной силе мужества; ему шел сорок седьмой год, и все в нем дышало строгим, грозным величием». Его супруга властвует иначе: «С такими правилами можно отлично воспитать так называемую *благородную гордость* и дойти до бесчувствия к людским страданиям» (19). Между этими двумя полюсами существует масса промежуточных позиций. Постоянные колебания, неустойчивость политических форм в средневековой Руси становятся центром произведения. Мобильность общественной жизни отчетливо осознается романистом. Именно ее он стремился раскрыть в 1840-х гг. в своих повестях из эпохи Петра I, когда-то весьма популярных и высоко оцененных Белинским. Но между романом и предшествующими ему повестями наблюдается значительное расхождение: в среднем эпическом жанре автор выступает сторонником изменения социальных статусов, самой динамики «гражданского общества» (особенно показателен сюжет повести «Сержант Иван Иванович Иванов», 1841), а в романе социальный статус изначально закреплен за каждым героем. Причем это определение, обычно очень краткое, имеет следствием весь набор черт характера и действий исторических героев, которые составляют основной круг персонажей Кукольника. Он стремится достичь максимального охвата этих статусов, собирая под одной обложкой большое количество самых разных героев – и по происхождению, и по типу характера. Ради этого романист идет на сотворение исключительно смелых вымыслов. Именно так можно объяснить и воскрешение Никитина, и его участие в сюжете. Поведение всех остальных персонажей можно так же «исторически» объяснить. Но принимая это объясне-

ние, мы соглашаемся с авторскими определениями функций и положения персонажей. Часто романист прямо на это указывает: «Роль княгини Авдотьи Дмитриевны Холмской была при соперницах в высшей степени трудной» (21). А особое положение Иоанна III обозначено в заглавии романа. Многообразие статусов, предоставляемое общественной и нравственной жизнью Руси XV в., очень велико: от «лекаря» и «посольского» до «Царя-батюшки» и «царского сына». Автор старается создать как можно более широкое полотно, но чем больше персонажей и конкретных ситуаций, тем очевиднее их статичность. Предопределенные автором, произвольно «розданные» им роли отнюдь не всем героям пришлись «по мерке»; коллизии, связанные с престолонаследием, раскрыты Кукольником и вовсе невнятно. Но дело не только в этом. С самого начала и до конца, в основу всех исторических событий и действий реально существовавших лиц положив социальный статус, Кукольник проводит одну и ту же идею: целью и причиной деятельности всех положительных героев является прогресс России, понимаемый крайне упрощенно. Царь – первая опора этого прогресса: «Государь! Твоя молитва дальше и скорее, чем наша, дойдет до владыки мира: молиться ты будешь, желая блага управляемым тобою. Господь услышит <...> и придет сам на помощь к тебе» (329). При всем кажущемся многообразии причинно-следственных моделей исходной точкой для них остается тезис о процветании монархии; к выводу о величии собственного долга перед этим государственным устройством приходит в конце книги Василий Холмский, прошедший школу Афанасия Никитина, и это – закономерный итог всего пережитого героем. Все «воспитание» его, проходившее в столкновениях с носителями различных социальных статусов, ведет к осознанию собственного – статуса верного слуги монарха: «Страсть ставила меня на край гибели, но <...> долг пересиливал и спасал меня» (381). А долг сводится к знакомым тезисам «официальной народности» и признанию стабильности, сложившегося положения вещей, status quo как руководства к действию. При такой трактовке «должного» рассматриваемая без флера поверхност-

ных авантюрных сюжетных ситуаций система исторических построений сводится к национальным и социальным тенденциозным установкам. Внешнее изобилие статусов и разнообразие изобретенных для персонажей масок не скрывает внутренней статичности исторической модели, лишь внешне сориентированной на фактографию; это является одной из причин эклектичности книги Кукольника, ориентированной на авантюрно-исторический роман Дюма и – парадоксально – на официозную литературу 1830-40-х годов. Самый образ «тверского гостя» в этой книге – как бы дань традиции.

Другой пример использования традиционных сюжетов тверской истории в оригинальных целях можно обнаружить в повести Г. Т. Северцева-Полилова¹ «Княжий отрок» (1912). В основу сюжета положена уже неоднократно использованная литераторами XIX века «Повесть о Тверском Отроче монастыре»². Однако в «Князем отроке» сделаны некоторые существенные изменения. Во-первых, развернута экспозиция, не относящаяся к судьбе Георгия и Ксении – эта историческая часть занимает почти половину объема повести. Именно здесь Северцев-Полилов обращается к тверским реалиям, создавая весьма оригинальный образ «незначительного» города: «У самого бора расположился небольшой городок Тверь, или *Тферь*, по произношению того времени. Приписан он был к великому княжеству Владимирскому и сам по себе не имел никакого значения. Ничего в нем не было: ни хором боярских, ни храма соборного, ни даже кремля. Жили только кое-кто из торговых людишек, так как Тверь на бойком месте стояла. Заезжали сюда князья владимирские только ловецкую свою потеху исполнить, красного зверя в частом бору потравить, тут же тайно о своих сосе-

---

¹ Полилов Георгий Тихонович (1859 — 1915), беллетрист, драматург, переводчик. Псевдоним – Северцев.

² Полный список произведений на этот сюжет см.: *Ржига В. Ф.* Из истории одного литературного сюжета («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В. Глинки) // Труды Отдела Древнерусской литературы. Т. XIV. М., 1958. С. 538—544.

дах, о новгородцах, разузнать»¹. И в дальнейшем незначительность Тверского княжества подчеркивается автором: «На юный еще Тверской удел, мало заселенный и не приносящий больших доходов, соседние князья мало обращали внимания, вследствие чего он и мог развиваться спокойнее других» (48). Подобное место может приобрести историческое значение только одним путем: «С постройкой же монастыря оживление здесь усилилось, так как народ стал приходить сюда не для одной торговли, но и для утоления духовной жажды» (7). Далее описывается татарское нашествие: «...детинец и монастырь были разорены и опустошены, защитники их перебиты или томились в тяжких муках, жены и дети взяты в полон» (8). Пролог на этом описании всеобщего разорения завершается; на «опустевшем» месте завязывается новое действие, «все выглядело бедно и убого», но Ярослав Ярославич был полон решимости построить «стольный город» (11). А тут и Переяславль разрушают – именно эта трагедия и вынуждает князя «сжиться» с Тверью; иначе не остался бы в городе и князь. Его позиция неоднократно оглашается: «Новгород возьмем, да и Тверь не упустим!» (24). В дальнейшем историческое повествование посвящено не «местной», а «центральной» истории – столкновениям Ярослава и Александра, судьбе новгородского княжения: «Вольный Новгород, борьба с родным братом – все забыто, как будто ничего этого и не было. В мыслях своих князь летел уже в Тверь к покинутым горожанам, в Орду к детям» (28). Стремление авторов исторической беллетристики к изящным формулировкам очевидно; но любопытна и своеобразно понимаемая «литературность» речи исторических персонажей. Например, в разговоре братьев-князей о ханском ярлыке появляется фраза: «Не терплю я татар, брат Александр, – горячо возразил Ярослав, – и не хочу им прислуживаться!» (31). Однако не следует предполагать, что автор «Княжьего отрока» ограничивается схематичными вы-

---

¹ Северцев-Полилов Г. Т. Княжий отрок: Сб. М.: Современник, 1994. С. 6. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

мыслями. В повести, например, в соответствии с исторической правдой Ярослав изображается опытным человеком, в древнерусском тексте была дана совершенно иная информация: «А был великий князь не женат и молод, так что и двадцатилетнего возраста не достиг еще»¹.

Основной сюжет развивается только во второй половине повести. Предваряют встречу Юрия и Ксении разные приметы и случайности: перед приездом в Едимово отрок посещает Шошский монастырь, а Ксению встречает перед рассветом – и видит только ее силуэт. Те же случайности в избытке встречаются и на пути князя. И постоянно отрок и князь его «кручинятся» – то приметы указывают на недоброе, то вид разоренной земли на мысли наводит: «Все подсказывало ему впереди нерушимое счастье. Но среди общего веселья его сердце вдруг почему-то тревожно сжималось, будто от тягостного предчувствия» (78). Ничего подобного нет в древнерусской повести: «И случилось тому отроку быть в селе, называвшемся Едимово; жил он тут у церковного пономаря по имени Афанасий и увидел у него дочь его, Ксению, девицу весьма красивую, и запала в него мысль жениться на ней»². На смену житийным чудесам приходит беллетристическая модель истории как череды случаев. «Богу было угодно, чтобы соединились мы с тобой; если бы не Божия воля, то как бы можно было тебе, великому князю, явиться к моей теперешней нищете и взять меня за себя. Не печалься же о том, но возвратись с миром в город свой и возьми меня с собою. Не бойся ничего»³.

Предчувствия вписываются в ту же, знакомую беллетристическую модель. Случайности необъяснимы, но на них, непостижимых и непознаваемых, основываются ключевые сюжетные ходы: «Усердно молилась она за себя, за счастье свое. И за жениха молилась. Но в то же время какой-то непонятный страх проникал в ее душу. Ей казалось, что судьба ее как будто еще

---

¹ Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987. С. 301.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 303.

не решена, что жених не Григорий, а какой-то другой, неведомый ей» (72). Древнерусский текст дает провиденциалистское обоснование случившегося: «Богу было угодно, чтобы соединились мы с тобой; если бы не Божия воля, то как бы можно было тебе, великому князю, явиться к моей теперешней нищете и взять меня за себя. Не печалься же о том, но возвратись с миром в город свой и возьми меня с собою. Не бойся ничего»¹. В повести героиня рассуждает совершенно иначе: «Всю вину и перед Богом, и перед людьми на себя приму. Не любя его, дала я ему свое согласие. Красивый он, добрый, хороший, а любви моей к нему сердечной не было» (95).

Нет и привычных по древнерусским повестям описаний чудес; все они заменяются одной фразой, выражающей ощущения героя: «Среди безмолвной природы он чувствовал присутствие бога» (102). И по указу князя, чтобы сохранить это ощущение подданного, возводится обитель. Князь и отрок в равной степени переживают страдания (смерть детей, разрушение надежд) во имя будущего: «Если бы князь мог провидеть будущее, то узнал бы, что первенец Ксении навеки прославит имя тверских князей и умрёт за родину славною смертью...» (114).

Вывод автора вполне тривиален: «Любовью он жил на земле и не знал врагов, с любовью все проводили и помянули его. И память о кротком иноке, о всепрощающей его любви останется в людях навеки и послужит примером для всех» (120). Не драматизируя историю, Северцев-Полилов не увлекается и морализированием. Прошлое Твери ему важно в связи с той устойчивой системой ценностей, которая вычитывается из всей истории России. В исходную житийную схему вносится огромное количество беллетристических элементов, что позволяет автору повести уйти от прямого пересказа и соединить разные типы «преданий» в компактном тексте. Повесть, разумеется, не представляет значительного художественного интереса, однако опыт переработки локальной истории с достаточной степенью условности весьма показателен. И, разумеется, он более инте-

---

¹ Изборник... С. 306.

ресен, чем пересказы исторических источников, например, в романах Л. Г. Жданова («Грозное время», 1916). Здесь автор обращается к наиболее известным эпизодам, показательно утрируя их: «После нашей милой Ливонии он свои собственные земли разорять стал. Во Пскове, в Твери, в Новгороде – больше 40 тысяч народу порезал, потопил или огнем пожег...»¹

В романах об Иване Грозном о разорении Твери только упоминается. Чуть подробнее описано убийство митрополита Филиппа в Отроче монастыре. Однако и это описание грешит схематизмом. Достаточно указать лишь на начальный фрагмент, составленный из кратких, будто оборванных фраз:

«Тверь по пути лежит. Высоко стоит, белеет Отроч монастырь Тверской, где заточен низверженный Филипп.

Вся Русь, весь народ православный, – чтит владыку по-прежнему, хоть носит не мантию он, а рясу инок. В монастыре – тесно всегда от богомольцев-поклонников... И братия, вопреки суровым наказаниям Ивана, чтит узника Филиппа больше, чем игумна своего.

Игумен – тоже Филиппу первое место и честь отдает.

Только молит всех:

– Потихе, голубчики... Посмирнее, братчики вы мои! До Москвы бы не дошло... До Ирода лютого... До кромешнины его! До его опричнины до окаянной...»².

Чаще всего Тверь в исторической прозе упоминается, когда автору необходимо провести некие параллели, указать на общность судеб разных регионов и разных героев. Нередко эти упоминания носят характер необоснованных предвидений. Например, в романе Н. Э. Гейнце «Новгородская вольница» (1897; печатался также под заглавием «Первый русский самодержец»):

«Московские бояре по очереди выходили, по обычаю того времени, из-за стола на середину обширной гридницы и кричали:

---

¹ Жданов Л. Г. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Терра, 1994. Т. 1. С. 578.

² Там же. С. 581-582.

— Пьем за здоровье великого князя, всего двора его, воинства и союзников!

Князь Микулинский закричал:

— Я пью за здоровье будущего победителя новгородцев!

«И тверитян», — подумали многие про себя, осушая большие кубки»¹.

Есть и более примитивные случаи: Тверь оказывается ближайшим географическим пунктом, куда автору приходится «отправить» кого-то из героев. В авантюрных романах эти приемы очень заметны — автор, не особенно задумываясь, выбирает ближайший к столице город, который читателям известен и с которым не связано никаких дополнительных коннотаций. У невзыскательной публики подобное никаких возражений не вызывает:

«— Какая гостья?

— А княгиня Трубецкая... Анна Николаевна. Я к ней все эти дни жениного отца гоняю, да не приезжала она из Твери...

— Разве она в Твери? — против воли спросил Василий Григорьевич.

— В Твери, в Твери... Там у нее сестра заболела, так княгиня накануне того дня, как вы в Неве очутились, и уехала...»²

Тот же прием с использованием традиционных формул можно обнаружить у Жданова в романе «Третий Рим» (1913):

«— В Коломну? Ишь ты!.. А то еще в Тверь, благо Москве она дверь! — с издевкой подхватил Фомка. — Поди скажи царьку своему: без Федьки девчонок немало на Москве... Ступай, ступай...»³.

Авторам не интересна региональная история как таковая. В ряду многих городов упоминается и Тверь, разделяющая их судьбу. Собственной истории это место как будто не имеет — даже эмоциональные восклицания авторов редко относятся к

---

¹ Гейнце Н. Э. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Терра, 1994. Т. 1. С. 81.

² Павлов А. П. У ступеней трона: Роман. М.: Современник, 1991. С. 243.

³ Жданов Л. Г. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Терра, 1994. Т. 1. С. 147. Гл. 6.

конкретному месту. Скажем, в повести о падении города Хлынова Д. Л. Мордовцев напоминает о всеобщем равнодушии к судьбе павших: «Беглые новгородцы, вышед со своими ушкуями на Волгу, доплыли до Камы-реки... Но что ж смотрела Тверь? Тягалась с Москвою, а не могла перенять беглецов. А Нижний? А Казань?»¹ Тем самым становится очевидным, что политического значения в исторической прозе Тверь лишается. Более того – в тех редких случаях, когда действие разворачивается в городе, усиливаются негативные характеристики провинциального бытия в прошедшем.

Например, в очерке «Мнимые видения и пророчества» всё тот же Д. Л. Мордовцев поставил своей задачей показать, «до какой степени в XVIII веке после Петра упал кредит во всякие чудеса, курс которых стоял очень высоко в допетровской Руси...»² География и формы пророчеств весьма различны: от «семиглавого змия», которого якобы наблюдал валдайский поп, до проповедей о взятии Константинополя, которыми «обольщал народ» монах Кирилло-Белозерского монастыря Михей. В большинстве случаев розыск производился в Петербурге, а местные особенности «пророчеств» не принимались в расчет. Наше внимание может привлечь последний рассказ цикла – «Пророк спьяна»: «15 мая 1792 года во дворец великого князя Павла Петровича пришел тверской мещанин Гаврило Калинин и просил, чтобы его допустили к его высочеству. Вместо того, чтобы представить Калинина великому князю, обер-полицеймейстер Рылеев велел свести его на гауптвахту, а потом доставил в тайную канцелярию...» Далее описываются пьяные галлюцинации мещанина, «который допился до чертиков и ему стали слышаться всякие гласы и свечи пред ним воссияли»: «В Твери приснилось мне во сне, что пришел ко мне старик и говорит: ходи в монастырь к Арсению Божьему угоднику, и ты будешь в

---

¹ Мордовцев Д. Л. Москва слезам не верит. М.: Московский рабочий, 1993. С. 183.

² Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений: В 14 т. М.: Терра, 1996. Т. 6. С. 60.

жизни доволен... И я по сему гласу пришел во дворец и намерен был его высочеству сказать, и буде его высочество мне приказал идти в солдаты, то б я и пошел в солдаты., ибо я и в Твери просился, чтоб меня отдать в солдаты. И потом были мне разные привидения, и сделалась около меня тьма, и во тьме был глас: «Брось деньги!» – коих у меня было полтора рубля, почему я их и бросил, после чего сделался свет и как бы свеча предо мною воссияла...»¹. Вполне естественен вывод, который сделали официальные лица. Это вывод подтверждается и автором очерка: «Ясно, что человек допился до чертиков...». Любопытным, впрочем, представляется результат «мнимого пророчества». В других очерках все заканчивается трагично; в тверском сюжете – скорее комично: «...чтоб здесь он не шатался, то отослать его к генерал-поручику Архарову с тем, чтоб впредь его из Тверской губернии не отпускать, а также приказать, кому должно, и от пьянства его удерживать»².

Случайное совпадение (Калинин из Твери), конечно, забавно, но образ провинциальной жизни, созданный Мордовцевым в очерке, представляет куда больший интерес. Не имеющие профессиональных навыков и «подобающих» занятий, обыватели от пьянства и безделья совершают нелепые поступки – но их удерживают в родной губернии в качестве наказания, а проникновение таких обывателей в столицу воспринимается, как случайность, курьез. И большинству названных авторов эта ограниченность провинции казалась самоочевидной – Кукольник писал свой роман в период службы в Костроме, Мордовцев постоянно проживал в Саратове и Ростове, Северцев-Полилов, хоть и был петербургским уроженцем, но в провинции жил подолгу. Писатель обращается к локальной истории – но берёт за основу историю столичную как единственно значимую. Централизация описаний прошлого ведет не только к упрощению наших представлений о прошлом, но и к более четкому пониманию системы исторических ценностей.

---

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 60.

Поэтому легко объяснить столь малое количество тверских сюжетов в исторической прозе рассматриваемой эпохи. Столичная жизнь представляет большой простор для рассуждений о случайности в истории, жизнь провинциальная – в прошлом и настоящем – скучна и однообразна. И кажется бессмысленным искать в ней занимательных сюжетов. Гораздо легче, ограничиваясь редкими упоминаниями, отодвигать историю провинции на второй план... Это сложнее сделать в тех случаях, когда город привлекает внимание в более позднюю эпоху. В случае с Тверью, утратившей политическое значение в конце XV века, все было сравнительно просто...

Промышленность и нравственность: В. П. Мещерский в Тверской губернии

В 1860-х годах в русской публицистике огромное значение приобретает жанр путевых писем – самые разные авторы стремятся выразить впечатления от преобразований в наиболее эффективной, «личностной» и в то же время типической картине: «Пореформенные публицисты разных направлений часто облекали свои выступления о русской провинции и деревне в эпистолярную форму, чтобы придать им большую силу достоверности»¹. Впрочем, большая часть подобных «писем» далека от объективности: «Ездили, кажется, собственно для того, чтоб разглашать, что они сами, на местах, видели весь вред крестьянской и судебной реформы и земских учреждений...»²

Давно следует обратить внимание на один текст, в котором описанию Тверской губернии посвящена почти сотня страниц, более того – письма с тверских материалов и начинаются. А учитывая, что текст этот выражал официозную точку зрения, то влияние его на создание определенного имиджа Твери не могло быть ничтожным. Владимир Петрович Мещерский (1839-1914) в 1860-х гг. был близок царской семье, состоял чиновником для особых поручений при министре внутренних дел. Сейчас его имя вспоминается разве что в связи с изданием «Гражданина» и с «консервативной» политической программой. А в конце 1860-х Мещерский выбрал литературную карьеру; в 1867 году он оставил службу – публика в следующие десятилетия прочла не-

¹ Гурвич-Лищинер С. Д. Комментарии // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. М: Художественная литература, 1969. С. 589.

² М. М. Стасюлевич и его современники. СПб., 1901. Т. 1. С. 503.

сколько десятков томов «светских романов», в которых под прозрачными псевдонимами выводились реальные лица, а также немалое количество публицистических текстов. Материалы для последних Мещерский почерпнул частью из служебных поездок. Особенно это очевидно в самом объемном сочинении князя: «Очерках нынешней общественной жизни в России»¹.

Этот текст написан чиновником, приверженцем действующей власти и сторонником институтов, созданных властью: «...общая картина жизни в данной местности есть как бы уголок той величественной картины настоящего времени на Руси, которая видится и чувствуется каждым из нас. На развалинах старой России, старой в смысле отживших форм ее народной жизни, священной и могучею рукой богом осеняемого венценосца воздвигается мудро и заботливо Русь новая в своих главных учреждениях». (2). Описанием учреждений Мещерский и занимается; естественно, его привлекают организованные структуры, а не люди. Тверская губерния – первый, исходный пункт путешествий. Поэтому и представлена она в известной мере оплотом старины.

Достаточно привести такую пафосную характеристику: «Тверская губерния, колыбель Волги, есть как бы в то же время колыбель той торговой жизни, которая от весны до осени, соединяя самые отдаленные промышленности с Волгою, кипит на ее протяжении...» (4-5). В «Кавказском путевом дневнике», например, Мещерский связывает процветание региона напрямую с монаршей волей. В среднерусской провинции причины иные. «Слава тверских купцов», оказывается, не убывает, а возрастает со временем – Москва, Петербург, Европа оказываются тесно связанными с Тверью. «Торговля Тверской губернии обращает на себя внимание разнообразием ее видов» (5).

---

¹ Мещерский В. П. Очерки нынешней общественной жизни в России. Вып. 1. Письма из средних Велико-российских губерний за 1867 год. Спб., 1868. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

Далее Мещерский предлагает вниманию читателей перечень тверских товаров, создающих славу региона и составляющих основу представлений о Тверском крае: «...местная промышленность, составляющая почти половину всех предметов торговли в губернии. Промышленность ее так же, как и торговля, ведет свои летописи издревле. Они повествуют о том, как из века в век, из поколения в поколение, Осташков, например, производит свои осташи в количестве до 250000 пар, приблизительно тысяч на десять рублей, свои железные изделия на сумму до 100000 рублей; крестьяне корчевские и калязинские свои сапоги, башмаки и т.п. на 400000 рублю; Торжок свои золотешвейные изделия до 8000 р.; Тверь и уезд свои гвозди на сумму до 300000 р.; бежецкий уезд свои холщовые мешки ценностью до 200000 р.; Ржев свою пеньковую пряжу с оборотами до 800000 р.; село Муравьево свои тысячи топоров и т.д., словом, нет уезда, где бы не было своего промысла и своих заработков, общая сумма которых простирается свыше 2000000 руб.»¹ (6) Путешественника занимает не только статистика, но и условия процветания русских губерний: «Как бы незначителен промысел ни был, главное условие его существования есть с одной стороны добросовестность в изделии, а с другой – доверие в эту преемственную из рода в род добросовестность» (7). Мещерский, стараясь сделать определенные прогнозы, дает подробное описание влияния железной дороги на провинциальную среду – исчезновение мелких промыслов (сало, пенька), мелких пристаней, мелких водных систем (вышневолоцкой). Исследуя промышленное развитие, он не уклоняется от «духовной сферы», всячески подчеркивая, насколько тесно связаны в Тверской губернии промышленность и нравственность.

---

¹ Ср. перечисление товарных специализаций местностей России XVIII в. в «Стихах на семик» (1769) М.Д. Чулкова (*Клубков П. А. «Замками славен Тверь, а Новгород сыртями...» // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции / Сост. А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. Науч. ред. М. В. Строганов, А.Ю. Сорочан. Тверь: ТвГУ, 2001. С. 47-53).*

Централизация государственной жизни, по мнению князя, коснулась и «нравственной сферы» – «железная дорога <...> отдалила Тверь от прежнего тяготения к Москве и приблизила ее к Петербургу. В разговоре <...> вы слышите все о Петербурге и редко о Москве, так что прежнее, древнее звание Твери “Тверь городок – Москвы уголок” – почти вовсе к ней неприемлемо. <...> Железная дорога отняла у губернии, там, где они были, ее народные нравы, ее особенный характер, ее народные платья, ее обычаи...» (13).

Тональность описаний существенно меняется в разных письмах даже в пределах одной губернии. В ржевских главах преобладает «гордость» и «умиление»: ведь это «родной уездный город на Руси с широкими улицами и серыми деревянными домами; но проехав еще немного и еще глубже, увидели щегольство в красивых и чистеньких каменных домах, <...> в ряду которых выдаются и такие, которым не стыдно было бы стать хоть на Большой Морской в Петербурге или на Тверской в Москве» (14). Путешественнику в подобных условиях легко перейти от статистики к возвышенным размышлениям: «...незаметно от банального взгляда на улицу мысль вводит приезжего в тот великий храм науки, где летописи повествуют о днях былых, а жизнь на улицах, площадях или в домах говорит о том, что значит этот широко раскинутый город в ряду городов русских, что значат эти богатые на вид дома...» (14). Три определяющих первых впечатления оказываются положительными – «большой», «богатый» и «древний» город.

Все недостатки Ржева оказываются, по мнению князя, преувеличенными. Раскольники здесь пребывают в разброде, их становится все меньше, а расколоучители посрамлены и забыты. Даже бунт раскольников в 1857 году описан с пренебрежением, вполне понятным для цивилизованного путешественника: «С тех пор раскольники, утратившие ржевское роговское кладбище, утратили в то же время свою силу, свое единство и свои средства влиять на толпу роскошною и величественною обстановкой. Легкое и постоянное сообщение с Петербургом цивилизует ржевское население в петербургском смысле, <...> бла-

готворно действует на ослабление раскольничьего фанатизма» (18). Дальнейшее развитие (в том числе промышленное) должно, по мнению Мещерского, с нравственными «шатаниями» закончить: «К сожалению, отсутствие средств к образованию во Ржеве не дает этим выходцам из раскола стать на твердую почву и ограничивает признаки присоединения к православию курением табаку, правом не ходить в церковь и одеваться по московским и петербургским модам» (18).

Богатство города имеет и внешние проявления – здесь нет обвалившихся домов и нет нищих. Основная причина этому – торговля, прежде всего пенькой. Хотя и находящаяся в упадке, но традиционная составляющая все же обеспечивает городу процветание. О пряже Мещерский рассуждает долго и постоянно подчеркивает важность традиционности промыслов в промышленную эпоху: «...из рода в род Ржевский мещанин прожил всю жизнь свою на этих прядильнях» (20). Информативность приносится в жертву утверждению традиционных ценностей; условные статистические данные не могут содержать никаких реформаторских установок.

То же относится и к льноводству, которое совершалось крестьянами для домашнего употребления, только вмешательство образованных людей (купцов) привело к развитию производства. Даже о самых «низких» промыслах Мещерский не забывает, включая их в общую схему процветания. Так, он пишет о выделке рогож: «...несмотря на простоту и дешевизну, есть степень изящества в отделке» (23). Впрочем, во всяком промышленном развитии есть и теневая сторона, даже в «славном» Ржеве. Фабрики здесь – «душные и сырые подвалы», «пробыв минуты две, мы почувствовали что-то вроде дурноты и должны были выйти на свежий воздух; но рабочие до того свыклись с этой тюрьмой, что живут в ней припеваючи, поют песни и смеются» (23). Никаких оценок, разумеется, Мещерский в данном случае не ставит.

В ржевских главах, в отличие от последующих, даже пьянство оценивается снисходительно: «С тех пор, как водка стала дешева, в народные торги на ярмарках и базарах придача к

делке покупателя с продавцом штофа водки стала условием непременным...» (25)¹. Гораздо опаснее другие пороки, для крестьян не столь характерные. Ржев «украшается, обустраивается, роскошь растет и с каждым днем становится прихотливее и доступнее <...> Роскошь изнежила и ослабила поколение купцов» (25-26). И по этому поводу Мещерский выступает весьма решительно.

Общественная жизнь в уездном городе воспринимается как пребывающая «во младенчестве» (27). «Земские собрания наткнулись, с самого начала своих действий, на невозможность иметь точные сведения о нынешнем состоянии сельского хозяйства» (8). Городские головы в уездных городах Тверской губернии – «купцы-патриции», «полезное управление». Город Ржев небогат, судя по его доходам, но «виноват не город» (29). Однако даже деятельность для пользы города не обеспечивает благодарности горожан. В пример Мещерский приводит судьбу Евграфа Васильевича Берсеньева², городского головы, создавшего облик Ржева и обеспечившего основу системы благотворительных учреждений, о которых Мещерский пишет с тривиальным умилением: «...столько нелицемерной любви к невинным малюткам и столько теплого и нежного участия к их развитию» (33). Не называя других имен, путешественник распространяется об общих «гражданских» пороках: «Равнодушие и неохота большинства граждан стремиться к своим собственным выгодам, без тягостей чрезвычайных расходов для города» (35). И вполне очевидно, что немногие благотворители не получают подобающей оценки их заслуг: «Ржевскому городскому обществу <...> как будто досадно сознавать, что есть же на свете и в самом Ржеве столь замечательно добрые люди» (38). Признавая

---

¹ См. о пьянстве крестьян в других путевых текстах 1860-х. Напр., *Кошелев А.* Из провинции // Санкт-Петербургские ведомости. 1867. № 82, 24 марта.

² Ср. о нем в дневнике А. Н. Островского (запись от 6 июня 1856 г.): «В субботу поутру был у Евграфа Васильевича Берсеньева. Прекрасный, умный человек, старообрядец в лучшем смысле слова» (*Островский А. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: ГИХЛ, 1952).

провинциальный город, при всех его достоинствах, в целом малозначительным, автор проецирует свои представления и на жителей этого города. Положительные свойства окружающего их мира они оценить не в силах.

Мещерский еще не предлагает в этих очерках «поставить точку» в реформаторской деятельности (это станет его девизом позднее, в эпоху «Гражданина»). Но оценки результатов реформ демонстрируют, какое место желает автор определить новым учреждениям: «Вот внешняя сторона земского дела в Ржевском уезде в первый год его существования. Что же касается внутренней стороны, то, насколько мы могли судить, и она представляет много светлого, отрадного и прочного. Здесь не играют в парламент, нет палаты общин, ни палаты лордов, ни правой, ни левой сторон; но есть честные труженики, дружно соединенные во имя великих и священных интересов, на них возложенных. Они работают много и, работая, проникнуты важностью своей задачи в нынешнем и величием этой задачи для будущего» (52). С этими благостными мыслями путешественник покидает Ржев, продолжая путешествие по губернии. И тут начинается самое интересное...

Путь от Твери до Торжка описан совершенно в иной тональности, нежели Ржев – будто это другая губерния и вообще другой мир: «На пути, в мертвом затишье, нас окружавшем, мы почувствовали, как покинута эта некогда славная большая дорога <...> а в деревнях как много изб со следами роскоши в архитектуре и размерах клонится на сторону и глядит сумрачно <...> Ямщики говорят о богатстве прежнем, о раздолье старом, а затем о тоске и бедности нынешних». Здесь Мещерский решительно отказывается от прежней установки на гармоничное соединение старого и нового в провинции. Даже во внешнем облике Торжка очевидно, что «поэзия» старого города в новые времена становится дурной «прозой»: «От избытка поэзии в разнообразии и в этой разбросанности зданий страдает проза, – проза общественного благоустройства, проза глаз, привыкших к стройности и чистоте зданий, проза ног, подвергаемых опасности от ужасного состояния улиц, проза лбов, иногда натыкаю-

щихся на стены, благодаря ночному мраку улиц и наконец, проза гигиены...» (53). Единообразие оказывается предпочтительнее. В отличие от Ржева, город Торжок богат – но жизни общественной в нем нет, и от этого богатство обращается в бедность, при наличии таковой жизни – в стереотипном, отстаиваемом автором варианте – все помехи должны исчезнуть.

Замкнутость провинциального города оборачивается затхлостью, бережливость – скупостью, приверженность обычаям – притворством. Текст Мещерского начинает парадоксальным образом перекликаться с драмами Островского: «На каждом доме есть отпечаток того, что он построен в силу крайней необходимости; каждая улица, каждый мост проходимы настолько, насколько это нужно, чтобы кое-как дойти или доехать шагом до места назначения»; «Одна лишь свадьба в семье обязывает хозяина дома дать пир после венчания, а затем ничто, кроме смерти, не объединяет здешнее городское туземное общество <...> мысль, проявляемая в громадных оборотах хлебной торговли, как будто поглощает всю духовную жизнь новоторжского купечества» (55); «Уличная жизнь или беседа имеет причину неохоту хозяев пускать к себе в дом» (60).

Даже торговля, о которой Мещерский столько писал, утрачивает свою ценность – это «что-то вроде священнодействия, не имеющего никакой связи с движением времени» (56). «Староверье» – это слово чаще употребляется не в описании Ржева, а как раз в описании Торжка, в котором новое упорно не приживается: «О воспитании в гимназии не может быть и речи; с этою мыслию каждый отец связывает предчувствие неминуемой гибели торгового дела во всем семействе» (57). Железная дорога через Торжок не прошла тоже от нежелания купечества. Этот протест – проявление невежества или самобытность? У Мещерского выходит – и то, и другое: «наша жизнь еще не выработала прочных основ для гармонического и разумного сочетания требований образованности с неизменными началами всякого времени и всякого общественного дела» (58). Описывая «свежие силы» купечества, автор подчеркивает их исконный, неизменный характер: «Не берегут ли они эти деньги, эти грубые силы

до времени...» (58). Слияние личного труда с общественной жизнью Мещерский описывает весьма отвлеченно, к Торжку этих картин не применяя.

И разобраться, что к чему в этом городе, кажется невозможным. Сначала путешественник пытается отталкиваться от документов, но увы: «К сожалению, статистическая часть везде в России так забита и забыта, что нередко самые существенные вопросы <...> остаются без разрешения» (10). Потом он стремится лично познакомиться с тесным и замкнутым мирком новоторжских промышленников: «С приемами петербургского чиновника подошли мы к этому замкнутому и несообщительному миру купечества, имея в виду получить от него кое-какие сведения о хлебной торговле, и должны признаться, на первом же шагу нашего похода потерпели сильное поражение. Гостеприимный и весьма любезный городской голова предложил нам для этого свои услуги и взялся устроить это дело; но вероятно, из желания угостить по русскому обычаю на славу, он не предвидел, что угостить сообщительностью новоторжского купца не так же легко, как принять в дом свой ласково и радушно, и вследствие этого попали мы в общество нескольких тузов-капиталистов, в котором, пока дело шло об общих сведениях о хлебной торговле, мы удостоивались ответа, но как только коснулись дела каждого из них, мы встретили решительный отпор, против которого бороться было невозможно и нелюбезно» (60).

Печальна судьба народных промыслов в этом городе. Шитье торжокское «дремлет уже несколько лет в положении полузаброшенного ремесла». Причина неизвестна – не то железная дорога, не то «отсутствие правильного заведования рабочими и сбыта» (65). Но автор полагает основной причиной дороговизну и исчезновение местных элементов в наряде. «Мастерицы опасаются пробудить это мастерство так, чтобы оно вышло из-под их опеки» (66).

Все попытки внедрить образование в Торжке оказываются до сих пор тщетными. Рассказ Мещерского о здешних училищах – это даже не обличение, а выражение какой-то скорби и покорности неизбежному злу (для правительственного чинов-

ника очень нетипичное отношение): «Смотритель училища – молодой священник; он пылает ревностью переродить училище и вносит, по-видимому, в отношения свои к ученикам известную долю скромности, но верно есть на дне этого мира, именуемого духовными училищами, много зла и много препятствий к добру, прикрытых и неразъясненных, если всякое усилие к улучшению его остается бессильным и бесплодным. Эти недостатки духовного училища еще более выясняются, когда сравниваешь его даже с училищем уездным, где те же недостатки, та же бедность в средствах, та же неподготовленная, но гораздо более грубая почва в учениках, но где мы нашли осязательные следы если не переворота, то все же поворота в хорошую сторону» (68). Мировые суды, которые могут быть идеально устроены во Ржеве, в Торжке работают почти анекдотично: «В Ржеве двое мировых судей, в Торжке один, несмотря на то, что жителей почти одинаковое число; вследствие этого при добросовестности судьи выходит то, что мы застали в Торжке. Мировой судья два раза падал в обморок во время разбирательства дела от изнурения, так как для исполнения своих обязанностей по совести он должен был ежедневно сидеть в суде от 10-ти до 4-х, а вечером от 7-ми до 11-ти <...> Для иного крестьянина и то кажется лучше, что волостной судья в добрый час рассудит за вино, а мировой так не то, рассудит и накажет по вине» (71-72).

Устные предания XVIII века, которые в торжокских письмах приводятся в изобилии, имеют в основном патерналистское содержание. Доброе старое время представлено как своего рода монархическая утопия с оттенком иронии: так, в городе был свой самодержец – голова Морозов, местные жители даже в поединок со свитой Екатерины вступали, но были биты кнутами, а после прощены по ходатайству того же Морозова. Картины упадка «старого мира» сменяют друг друга – а Торжку и уезду уделено в письмах не меньше места, чем Ржеву.

Но есть в дальнейших главах писем князя и другие любопытные элементы. Эстетизация провинциальных впечатлений

принимает у Мещерского прямо-таки извращенный характер¹. Здесь вполне уместно сравнение с другим путешественником, побывавшим в Твери в это же время и увидевшим много разных красотей. Сопоставление может показаться странным – очень уж далеки были друг от друга эти люди. Однако впечатления Мещерского перекликаются с той апологией прекрасному, которую создал на тверском материале Теофиль Готье. Французский писатель побывал в городе в августе 1861 года, когда отправился парохомом в Нижний Новгород на ярмарку. Готье увидел в Твери «феерический», «прекрасный», полный новых красок и звуков мир: «Казалось, я прибыл на другую планету, куда свет доходит преломленным сквозь призму какой-то неведомой атмосферы»². Прогулка путешественника по губернскому городу снабжает его множеством новых впечатлений; даже повседневные действия людей в глазах художника обретают красоту: «На пароме женщины стирали белье. Не довольствуясь силой рук, они мяли белье ногами, как это делают арабы. Эта занятная деталь заставила меня сделать мысленный прыжок к мавританским баням Алжира, где я наблюдал, как молодые ялует³ танцевали в мыльной пене на банных полотенцах...»⁴. А вот князь Мещерский любит мастеровыми, заглядывая в грязные подвалы и в цеха: «В его движениях, несмотря на их однообразие, видны уверенность, стройность, ловкость и даже изящество, когда он, обвязав себя около пояса пенькою, мерным шагом идет назад и вытягивает нить во все пространство прядильни, без малейшего наклона в ту или

---

¹ Заметим, что в 1860-х годах князь еще не был столь одиозной фигурой. Многочисленные обвинения в извращенных сексуальных вкусах, слухи о «загадочных» отношениях с наследником, эпиграмма Вл. С. Соловьева «Содома князь и гражданин Гоморры» – все это в будущем. Впрочем, некоторые наблюдения для формирования репутации князя можно сделать и на материале очерков.

² Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. С. 352.

³ Слово обозначает у алжирцев разговорное «парень», множественное число – «ребята» (прим. Т. Готье).

⁴ Готье Т. Путешествие в Россию. С. 353.

другую сторону» (30). Конечно, совпадения случайны, но поиски «красоты» у профессионального художественного критика и «светского чиновника» оказываются во многом однотипными. И, разумеется, в неожиданно пробуждающемся интересе Мещерского к далеким от промышленности «эстетическим» сторонам жизни очевидно нечто не вполне естественное.

Но эта лишь одна сторона гораздо более сложной картины мира, открывающейся нам в «Очерках...». В первых главах нет параллелей между Россией (в данном случае – Тверской губернией) и Европой. Здесь близость к столицам мешает построению условных антитез. А Иваново, например, в последующих письмах неоднократно именуется «Русским Манчестером». Что уж говорить о западных губерниях, где практически все напрашивается на сравнение с европейским опытом? Но именно в Твери, избегая сопоставлений и резко меняя оценки от письма к письму, Мещерский находит свою модель повествования, городской материал ему важен для создания схемы описания губернских дел.

Мещерский «осторожен» – особенно в крестьянском вопросе, из-за «безгласности сословия о себе самом» (75). Мещерский призывает отказаться от «предвзятых теорий», но ничего специфически тверского, местного и конкретного в рассуждениях о принятии манифеста крестьянами не обнаруживается – «великое дело освобождения» подвигается везде одинаково. Одинаковы и «две причины, способствующие к ухудшению крестьянского быта: пьянство и семейные разделы» (80). То же можно сказать обо всех прочих губерниях; везде одинаково обстоят дела и с крестьянскими банками, и с училищами, и с благотворительностью. «Недостаток развития нравственного» выражается преимущественно в лесных порубках у помещиков и тому подобных повсеместных хозяйственных проблемах.

Несколько более интересны, на первый взгляд, сведения о ржевских крестьянах, вынесенные в отдельное письмо: «При отъезде из Ржева нас утрашали последними часами крестьянского разгула и веселья; но к немалому удивлению, проезжая по деревням накануне поста, мы не только не встретили пьяных,

но вообще были поражены безмолвием и безлюдьем на улицах» (85). Причина проста: «С раннего вечера вся жизнь перенеслась в избы», осуществилось «слияние религиозного и светского». Слияние это выглядит весьма неприглядно: «Во дни разговления водка кажется еще вкуснее и действует сильнее» (88). И здесь Мещерский вновь ограничивается двумя основными бедами и нормативными средствами их преодоления: «...порядок, труд, нравственность и строгое исполнение законов – единственное условие их благосостояния» (99).

За обилием фактов скрываются в общем-то предопределенные заранее выводы. В этом убеждают письма, отправленные из Твери еще во время первой поездки в губернию в 1863 году. Именно тексты писем объясняют, почему так сухо князь рассказал о Твери, почему высоко оценил Ржев и почему создал такой непривлекательный образ Торжка. Все упирается не в состояние крестьянства и купечества; всему виной – дворяне-«реформаторы», которые занимаются политикой, а не хозяйственными реформами. Там, где представители высшего сословия забывают о своих обязанностях, о своей роли в Системе, не может быть процветания. Именно так описана Тверская губерния (и прежде всего Новоторжский уезд) в письме цесаревичу Николаю из Твери от 27 ноября 1863 г.: «Здесь мировые учреждения с их представителями резко разделяются на два лагеря: лагерь консерваторов и лагерь либералов. Целые уезды составляют отдельные лагеря: Новоторжский, например, есть главное поприще либеральных деятелей-посредников! Это родина Бакуниных. Зато ни один уезд в России так плохо не вёл дело составления уставных грамот: более половины не окончено, так что приходится отправлять туда мировых посредников из других уездов. Само собою разумеется также, что нигде так скверно не взыскиваются подати, повинности и оброки, как в Новоторжском уезде; словом, нигде дешевый либерализм не заявил себя столь торжественно несостоятельным, как в Тверской гу-

бернии...»¹. Разочарование в нравственных и производительных силах провинции было весьма глубоким: «Увы! Вглядываясь в наши центры промышленности и торговли, каковы Иваново, Рыбинск и другие, выносишь грустное впечатление: нет в них могучей общественной жизненной силы, способной создавать и хотеть самостоятельно; всё разрознено, всё пропитано узкими заботами как бы нажить рубль на рубль, но в то же время к всему другому всё безжизненно и с какою-то болезненной апатией ищет над собою опеки и под её игом произносит, как бы сквозь полусон вечную фразу: “виновато правительство”! <...> «Какое правительство в состоянии и управлять, и с тем вместе думать и действовать за каждого из 60 миллионов в государстве!»².

Таким образом, оценки Мещерского легко объяснимы политическими пристрастиями; понятна и композиция очерков, и расположение материала по отдельным письмам. Сначала даются тверские статистические выкладки, потом идет речь о ржевских «успехах», далее подробно разбираются новоторжские «недостатки». Отбор деталей осуществляется путешественником в строгом соответствии с «государственной» установкой. Но это не вполне объясняет схематизма самого образа Твери и губернии; побывав в обеих столицах, Мещерский должен был наибольшее внимание обратить на своеобразие города, находящегося между Москвой и Санкт-Петербургом. Вместо этого автор «Очерков...» создает описание стандартизованного социума, своего рода «ячейки империи», и отсекает все, что не соответствует ролевой модели, избранной для целого региона. Здесь объяснение тоже очень простое: Мещерский – бюрократ

---

¹ РГАДА. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 16-16 об. Цит. по: Дронов И. Е. Путь консерватора // Князь В. П. Мещерский. Гражданин Консерватор. М., 2005. С. 28.

² Письмо Мещерского цесаревичу от 3 июля 1867 г. с парохода «Наяда» на Волге между Рыбинском и Тверью // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 894. Л. 260-260 об.

и защитник бюрократии¹; его знание провинциального материала – книжное, и он к этому материалу подходит с уже готовыми системами классификации. В нашем случае Тверская губерния оказывается полигоном для идеологического моделирования; статистические выкладки это важнейшее свойство очерков маскируют, но не скрывают окончательно. Образ, создаваемый Мещерским, очень важен для истории публицистики на провинциальные темы, но непосредственно к знанию о Твери ничего не добавляет, хотя и передает специфические воззрения автора и содержит определенные элементы художественного воздействия на «публику», которая в конце 1860-х к подобным письмам чутко прислушивалась, а рассуждения о связи промышленности и нравственности в устах сторонников промышленного развития воспринимала как нечто должное.

---

¹ См. об этом: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 7. М: Художественная литература, 1969. С. 610-612.

Конструкция с мезонином: чеховский текст и усадебная культура¹

Из всех усадебных представлений, зафиксированных в творчестве Чехова, одно запоминается навсегда. Образ «дома с мезонином» вошел в нашу жизнь. Впрочем, речь должна скорее идти о жизни некоторых слоев общества, которым адресован, в частности, популярный журнал, посвященный усадебной архитектуре и носящий название «Мезонин». Особняк без мезонина – как бы уже и не особняк. А солидное положение должно получать соответствующее архитектурное «подкрепление». Потому и используется «классическая» деталь, которая рассматривается как принадлежность дворянского образа жизни.

Впрочем, имеется у мезонина и еще один важный оттенок значения. Этот конститутивный признак прекрасно различим на полотне Ксении Черномор «Дом с мезонином» (илл. 1). Работа выставлена на продажу на сайте «Русская провинция» в разделе «Образы старой усадьбы». Может, это и не шедевр изобразительного искусства, но настроение передано прекрасно – перед нами невозвратно уходящая натура, обреченная на забвение, своего рода иллюзия прошедшего времени.

Каким же образом понятие «мезонин» аккумулировало в себе два взаимоисключающих коннотативных аспекта: процветание и увядание? Какую роль в этой конструкции сыграл чеховский рассказ? Обращение к тверским реалиям неожиданно помогает ответить на эти вопросы, а заодно и прояснить очень важные аспекты восприятия усадебной культуры. Но начать, наверное, нужно все-таки с Чехова...

Рассказ «Дом с мезонином» был напечатан в 1895 году в «Русской мысли». Чехов не просто вынес в заглавие архитектурный термин, но и постарался обыграть его в тексте – хотя и

---

¹ Впервые: Конструкция с мезонином: чеховский текст и усадебная культура // А. П. Чехов и Тверской край. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 172-182.

не так настойчиво, как этого хотелось бы иным исследователям. Приведем все употребления слова «мезонин» в чеховском рассказе, чтобы продемонстрировать, каковы функции данной художественной детали.

Первое же описание дает несколько очень важных указаний: «Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоем. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка. Но вот и липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве»¹. Мезонин – одновременно элемент, принадлежащий прошлому, и неотъемлемая принадлежность счастливой «усадебной» жизни. Это не просто аксессуар, но используемая часть дома, как подтверждает следующий эпизод: «В это время Лида только что вернулась откуда-то и, стоя около крыльца с хлыстом в руках, стройная, красивая, освещенная солнцем, приказывала что-то работнику. Торопясь и громко разговаривая, она приняла двух-трех больных, потом с деловым, озабоченным видом ходила по комнатам, отворяя то один шкаф, то другой, уходила в мезонин; ее долго искали и звали обедать, и пришла она, когда мы уже съели суп» (180).

---

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892—1894 / Текст подгот. и примеч. сост. Л. М. Долотова, Т. И. Орнатская, Е. М. Сахарова, А. П. Чудаков; Ред. тома К. Н. Ломунов. М.: Наука, 1977. С. 174-175. Далее цитаты даются по этому изданию с указанием номера страницы в тексте.

Последнее описание «старого дома», наиболее часто цитируемое, кажется самым что ни на есть символичным: «Мне не хотелось домой, да и незачем было идти туда. Я постоял немного в раздумье и тихо поплелся назад, чтобы еще взглянуть на дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал всё. Я прошел мимо террасы, сел на скамье около площадки для lawn-tennis, в темноте под старым вязом, и отсюда смотрел на дом. В окнах мезонина, в котором жила Миссюсь, блеснул яркий свет, потом покойный зеленый — это лампу накрыли абажуром. Задвигались тени... Я был полон нежности, тишины и довольства собою, довольства, что сумел увлечься и полюбить, и в то же время я чувствовал неудобство от мысли, что в это же самое время, в нескольких шагах от меня, в одной из комнат этого дома живет Лида, которая не любит, быть может, ненавидит меня. Я сидел и всё ждал, не выйдет ли Женя, прислушивался, и мне казалось, будто в мезонине говорят» (189). Финальный фрагмент является лишь повтором удачно найденных образов: «Я уже начинаю забывать про дом с мезонином, и лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того, ни с сего припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потирал руки от холода» (191). Кажется, все просто... Остается лишь найти дом с мезонином да пересказать его историю... Этим занимались многие комментаторы, соотносившие события рассказа то с жизнью самого Чехова, то с биографией Левитана.

Примечания к академическому полному собранию сочинений содержат следующий многозначительный пассаж: «Есть много свидетельств о реальных местах и людях, давших Чехову материал для его рассказа. В пейзаже и описании квартиры, где поселился художник, есть совпадения с природой и интерьером дома в Богимове, в котором жил Чехов летом 1891 г. О «заброшенной поэтической усадьбе» Е. Д. Былима-Колосовского Чехов писал Суворину 18 мая» (488). По сути, «много» в данном случае оказывается синонимом «разноречивых». Среди иссле-

довательских догадок не последнее место занимает «тверская» версия: «Белый дом с террасой и мезонином мог запомниться Чехову и после посещения имения А. Н. Турчаниновой «Горка» (Тверская губ.) летом 1895 г.¹ Оттуда же, по мнению С. Пророковой, площадка для лаун-тенниса, аптечка и некоторые сюжетные мотивы рассказа: взаимоотношения Левитана (жившего в «Горке») с сестрами Турчаниновыми; прозвище младшей сестры Люлю (Ани), наподобие прозвища Мисюсь; тяжелое настроение художника, который хотел бы «вырвать из своей груди сердце»» (490-491).

Но это не объясняет архитектурной детали. У слова «мезонин» много синонимов – надстрой, вышка, полуярус, полужилье. Но Чехов выбрал иностранное слово – более того, не самое точное и подходящее. Ведь ответ на вопрос, что же такое мезонин, может навести на дополнительные вопросы. Современные источники гласят: «Надстройка над средней частью жилого дома, часто имеет балкон. Она часто имеет форму креста или квадрата, иногда шестигранника. Может иметь форму цилиндра, реже восьмигранника. Часто эта надстройка не носит функциональный характер, а просто является декоративным элементом»². Но присмотримся к тверским мезонинам. Так ли верно это описание? И насколько точен был Чехов, фиксируя внимание читателей на определенном доме и определенной детали?

Мезонин получил распространение в России гораздо раньше 1890-х годов. В провинциальной Твери дома подобного рода появились еще в первой половине XIX века. И это были никак не усадьбы и даже не частные дома, владельцы которых стремились увеличивать жилую площадь, не платя дополнительных налогов. Фактически самым известным мезонином в Твери была надстройка над пологой кровлей дворянского собрания, выстроенного в 1841-1842 гг. по проекту 1839 г. (арх. И. Ф. Львов,

---

¹ См.: Пророкова С. Левитан. М., 1960. С. 175.

² <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BD>. Определение избрано не самое авторитетное, зато – немаловажно – наиболее обстоятельное. Краткие указания в «Архитектурном словаре» куда менее понятны.

М. А. Чернятин) (илл.2). В Москве и Петербурге мезонин был значимым архитектурным элементом еще раньше (например, нынешний дом-музей А. И. Герцена, дом Полибина, дом Троекурова). Более того, когда мезонин стал отличительной чертой усадебной застройки, чаще всего использовались поперечно ориентированные мезонины. Это легко объяснить теснотой городских районов, где такого рода небольшие усадьбы строились (ул. Достоевского, 47 или ул. Троицкая, 32 – илл. 3). Разумеется, не исключалось и возведение загородных или пригородных домов с объемными мезонинами. В Твери яркий пример такой застройки – дом на ул. Крылова, 25, построенный в конце XVIII века. Переделка (с надстройкой мезонина) осуществлялась в начале 1840-х годов. Усадьба располагалась в предместье, на красной линии улицы, появление мезонина не слишком сильно изменяло облик здания, по-прежнему соответствовавшего традиционной городской застройке конца XVIII века. Мезонин в три окна не вносит в облик дома симметрии (обратим внимание на изначальную асимметричность сооружения, связанную с исходным положением центрального входа), не подчеркивает объема (усадьба скорее мала), не акцентируется дополнительной отделкой (илл. 4).

Калужский краевед С. И. Самойлович, включая «Дом с мезонином» в ряд местно ориентированных художественных текстов, справедливо замечает: «...домов с мезонинами в этих местах было много»¹. Примерно то же может сказать и любой тверской краевед, поддерживающий не калужскую «богимовскую» версию, а местную, «турчаниновскую». Только что это даст – при таком обилии мезонинов?

Любопытно, что к концу XIX столетия появляются и жилые дома с мезонинами, не относящиеся к усадебному типу. Такой дом в Твери был, и об этом доме Чехов мог и знать. Речь идет о жилом доме для врачей, входящем в комплекс Аваевской больницы (ул. Софьи Перовской, 47). Дом был выстроен в послед-

---

¹ Самойлович С. И. По Ферзиковскому району Калужского округа. Спутник. Калуга, 1930. С. 14.

ней четверти века, именно к этому времени относится популярное завершение фронтона – полукруглое окно (илл. 5). Таким образом, в 1895 году мезонин не является элементом специфически усадебной и уж тем более загородной застройки (5а).

Однако помимо архитектурных реалий существует и художественное воплощение «признаков времени». Здесь тверская версия происхождения сюжета оказывается более плодотворной, чем калужская, и по-своему даже убеждает. Достаточно обратиться к двум картинам Левитана, на которых запечатлено имение «Горка» – «Осень. Усадьба» (1894) и «Март» (1895). Однако, как легко убедиться, ни одно, ни второе полотно не содержат изображения *дома с мезонином*. Да и с эмоциональной точки зрения картины прямо противоположны – как и времена года, показанные Левитаном. Дом на первой картине нависает над зрителем (илл. 6). Важен его силуэт, сливающийся с пейзажем, а не архитектурные детали. В «Марте» мы видим лишь часть дома, опять же оказывающуюся своего рода маркером места, а не основой эстетического впечатления (илл. 7).

Но немало усадебных изображений и на картинах С. И. Кувшинниковой, с которой имена Левитана и Чехова очень тесно связаны. Известные полотна Кувшинниковой написаны как раз в 1894–1895 годах в хорошо известных местах. Но ни «Плес», ни «Тихий летний день» вновь не дают нам искомой архитектурной детали (илл. 8). Художнице таковая деталь не нужна и не важна. Бедный усадебный дом и более внушительное здание могут иметь полукруглые окна на фронте, могут выглядеть симметрично и асимметрично, но прекрасно обходятся без мезонина. Он для усадьбы – в любом регионе – необязателен...

Однако мезонин оказался подходящим символом – открытости и обреченности, возвышенности и падения, мечты о будущем и катастрофы прошлого. Достаточно вспомнить картину П. А. Радимова (1887 – 1967) «Старый мезонин» (1914), в которой элементы перспективной живописи призваны подчеркнуть замкнутость существования (илл. 9). Любопытно, что эта работа принесла Радимову шумный успех. Получив из-за нее реко-

мендации Поленова и Репина, художник стал членом Товарищества передвижников. Как видим, уже в начале XX века усадебный мезонин становится некоей неизбежностью. Постепенно чеховская деталь, сама по себе не связанная с местом и временем, не маркирующая место действия, а скорее маскирующая его, выходит на первый план и вытесняет все остальное. Достаточно рассмотреть иллюстрации к рассказу, сделанные художниками после смерти Чехова, и становится ясно – недаром автор отказался от идеи опубликовать «Дом с мезонином» в иллюстрированном издании и отдал его в «Русскую мысль» (ПСС, 8, 487). Художники XX века всячески усиливают архитектурную составляющую в рассказе. В иллюстрациях Д. А. Дубинского (1920-1960), сделанных в 1954 году, это даже в какой-то мере оправдано (илл. 10). Ведь массивные конструкции, выведенные на первый план, возвращают нас ко второму значению слова «мезонин» – театральная балкона с оградой... А в новейшем издании «Дома с мезонином»¹ на обложку выносятся еще один архитектурный символ – почему-то подозрительно напоминающий дом-музей П. И. Чайковского в Клину... (илл. 11).

Подчеркивается роль мезонина и в биографиях Левитана и Чехова. В биографической повести И. В. Евдокимова (1887–1941) «Левитан» (1940) ни о каких мезонинах не упоминается, зато – в полном соответствии с идеологическим канонам 1940 года – сказано: «Исаак Ильич не поместил в своих пейзажах ни одного барского дома»². А вот в книге Елены Арсеньевой «Амазонки и вечный покой (Исаак Левитан и Софья Кувшиникова)» (2005) мезонины прямо-таки мельтешат перед глазами, видимо, становясь неотъемлемой частью той самой привольной жизни, которую худо представляют и авторы, и читатели «любовно-исторических романов». Чтобы наглядно про-

---

¹ М.: Проф-Издат, 2005.

² *Евдокимов И. В.* Левитан. М.: Советский писатель, 1959. С. 140. Разумеется, это утверждение не более правдиво, чем следующее: «И <...> ни одного пейзажа усадебного...».

демонстрировать нынешнее восприятие усадебной культуры, приведу длинную цитату: «Имение Ушаковых лежало на холме, который возвышался направо от проезжей дороги. Налево от нее, тоже на холме, стоял густой бор, а в нем – имение Горка. Оно находилось на южной стороне озера. Озером до него ехать совсем близко, а дорогой чуть подальше. Горка была имением питерского сенатора Ивана Николаевича Турчанинова.

Турчаниновы владели землей где-то с начала семидесятых годов (с 1873 года участок уже значился за ними). Вокруг двора стояли хозяйственные постройки: кухня, конюшня, погреб, баня. Вместо старого одноэтажного дома Турчаниновы срубили и поставили двухэтажный, обшитый досками и окрашенный в желтоватый цвет дом с мезонином. Вокруг было много цветов, особенно флоксов; росли белые и розовые розы. Позднее Левитан изобразил этот дом на картинах «Март» (1895) и «Осень. Усадьба» (1894). Один из островов на озере тоже принадлежал Турчаниновым.

Сам Турчанинов оставался в Петербурге, в Горку приехали только его жена и дочери: Варя, Соня (им было 20 и 18 лет) и четырнадцатилетняя Анечка по прозвищу Люлю.

Для Анны Николаевны Турчаниновой этот приезд был чем-то вроде ссылки: Иван Николаевич, который был старше своей жены, отчаялся повлиять на ее романы с высокопоставленными чиновниками в Петербурге, успокаивая их жен. Он хлопотал только о том, чтобы имя Анны Николаевны не попало в столичные газеты. И это ему удалось. Далекий уголок в Островном был как бы спасением.

<...> Кстати, результатом поездки из Мелихова в Горку для Чехова стала не только «Чайка», но и прелестный рассказ «Дом с мезонином». Там столько сходства с ситуацией – при том, что Чехов маскировался, как мог, не желая новых обвинений в пасквильанстве и не в силах больше ссориться с Левитаном. Он шифровался даже в деталях мельчайших, несущественных, сугубо географических: так, ошалевшую Вареньку Анна Павловна отправила в Петербург, а Мисюсю в рассказе уехала в Пензенскую губернию. Кроме того, Чехов, «поместив» своих героев

в живописные островенские места и усадьбы у озера (их описание полностью совпадает с реально существовавшими домами), с первых строк своего рассказа «Дом с мезонином» умышленно отправляет нас в год 1891-й, в усадьбу Богимово. Все ясно: не должно быть и намека на то, что прототипы – это Левитан и семья Турчаниновых!

И тем не менее ошибиться в том, кто здесь кто, мог только самый наивный человек¹. Лида Волчанинова, завзятая филантропка, – это Анна Турчанинова с ее склонностью к благотворительной деятельности; Мисюсь, прозвище которой немножко напоминает о Люлю, – это Варенька. Описание горящего в лучах заходящего солнца креста на колокольне точно соответствовало особенностям погибшей при пожаре местной церкви...»²

Впрочем, те же самые рассуждения о мезонинах мы находим и в краеведческой литературе. Арсеньева воспроизводит (разумеется, без каких-либо ссылок) текст из краеведческой работы В. И. Колокольцова о «живописных местах и усадьбах»³, об «усадьбе Горка – доме с мезонином». Впрочем, подробно о беллетризации тверских сюжетов в биографиях великого писателя и великого художника следует рассуждать в особой статье.

Наш же очерк иллюстративного тверского материала, связанного с усадебной культурой, воплощенной в «Доме с мезонином», подходит к концу. Можно было бы завершить его цитатой из книги Е. Арсеньевой: «...Итак, вечность все поставила по местам!». Только не выходит... Ничего по местам не расставляется.

---

¹ Данная конструкция превосходно демонстрирует специфику раскрытия биографий классиков в новейшей популярной литературе: домысел выдается за нечто общеизвестное, сомнительная информация обретает статус непогрешимой. Нечто подобное происходит и в случае с мезонином. – А.С.

² Арсеньева Е. Грешные музы. М.: ЭКСМО, 2005. С. 49-52.

³ Колокольцов В. И. Отклонение: Колокольцовы в Тверской губернии. СПб., 2004. Первоначально очерк «Вокруг дома с мезонином» печатался в «Известиях русского генеалогического общества» (2000. № 11.)

Мезонин существовал до Чехова, существовал и после. Усадьба вовсе не непременно ассоциировалась с мезонином – и городская, и загородная. Чехов, маскируя место действия, ввел в повествование архитектурную деталь, пришедшую ко времени – и для живописи, и для усадебной культуры в целом. Появился лейтмотив в облике усадеб, в Твери и прочей провинции реализованный, столичной «культурной элитой» закрепленный. Появились произведения искусства, в которых «случайный» мезонин стал концептуальным завершением конструкции. Используя эту деталь, можно создавать и оды, и элегии усадебной жизни. В любом случае, к Чехову это не имеет особого отношения. Писатель мог видеть в доме с мезонином нечто конкретное, связанное с частным впечатлением, но скорее всего он просто воспользовался расхожей архитектурной деталью. Может быть, она и была подсказана местными реалиями, но скорее всего – была просто гениальной находкой, которую оказалось подозрительно легко тиражировать. И чеховское «Мисюсь, где ты?» можно повторять где и сколько угодно. В дом с мезонином мы все равно не вернемся. Разве что разглядим аляповато размалеванный задник чьего-то дурного спектакля...

1. К. Черномор. Дом с мезонином

ТВЕРЬ

Дворянское Собрание.

Издана типо-литографія Н. М. Родионова.

2. Здание Дворянского собрания в Твери

3. Городская усадьба с мезонином

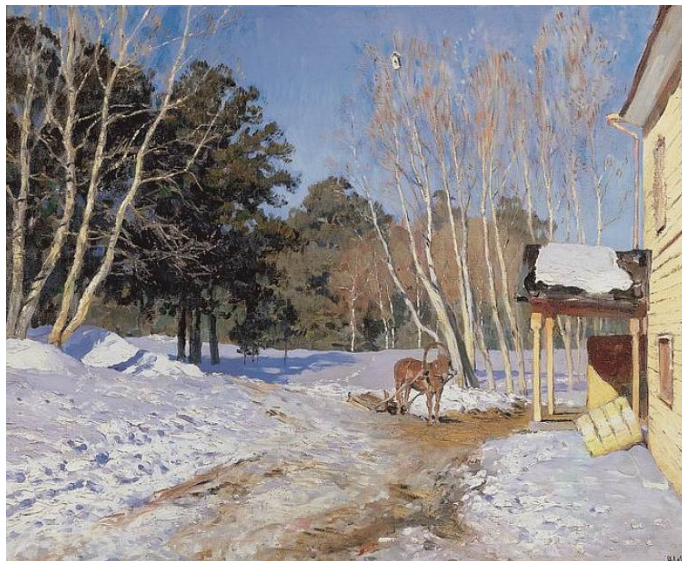
4. Городская усадьба в Твери (фото начала XX в.)

5. Жилой дом в комплексе Аваевской больницы

6. И. И. Левитан. Осень. Усадьба. 1895

7. И. И. Левитан. Март. 1895.

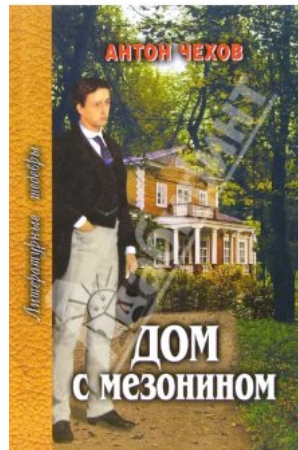
8. С. П. Кувшинникова. Плес. 1895

9. П. А. Радимов. Старый мезонин. 1914.

10. Д. А. Дубровский.
Дом с мезонином. 1954

11. Дом с мезонином.
Издание 2005 года

Региональные образы

футовъ въ 90 надъ уровнемъ моря и подводнаго вулкана на томъ же самомъ мѣствѣ. Не та же ли участь постигла и острова, появившіеся въ окрестностяхъ о. Хуана Фернандеса?

***

ВЗГЛЯДЪ НА ДРЕВНІЮ ТВЕРЬ.

Не льзя прибавить ни одной черты къ неизвѣстному; не льзя воскрешать мертвыхъ!

КАРАМЗИНЪ.

Стоя надъ развалинами безымяннаго памятника, прислушиваясь къ темнымъ, сбивчивымъ преданіямъ, объ немъ существующимъ, тайная скорбь стѣсняетъ сердце; бѣдная природа человѣческаго роищетъ на свою ограниченность; пусть закрыто отъ нея будущее, съ его бѣдами, лишеніями и часомъ смертнымъ, но зачѣмъ не проникаетъ она въ прошлое? за чѣмъ міру почившихъ предковъ подернуть туманомъ, хотя и провѣяннымъ кое-гдѣ изысканіями, но густо волнующимся надъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ ихъ древняго быта, быта страствованій, желѣзнаго быта непрерывной войны, и наконецъ первыхъ началъ ихъ гражданственности? Но мѣсто, разъ ознаменованное подвигами предковъ, священо для потомства; геній любознанія, погашая свой безполезный пламенный мракъ вѣковъ неразгоиющій, съ благоговѣніемъ преклоняетъ колено, и цѣлуетъ землю, носившую мужей древности и успокоившую прахъ ихъ; пусть мѣсто это обратится въ тинное болото, оно драгоценно его сердцу, оно красивѣе для него цвѣтущихъ равнинъ Греціи, оно ему родное. — Такъ

набожный странникъ, влекомый духомъ въ Палестину, съ благоговѣніемъ перешиваетъ черезъ многоводное *Мензале*, поглотившее плодородную равнину нижняго Египта, во времена библейскія знаменитую!

Такимъ же безымяннымъ памятникомъ древности явилась предъ глазами Тверь; все освещенное исторіею стерто съ лица ея; время не пощадило ни зданій *Великокиажескихъ* ни *знаменъ Батыевыхъ*, нѣкогда здѣсь развѣвавшихся, ни гробницъ, въ которыхъ улеглись и побѣжденные и побѣдители. Все пусто, все ново; только одна святыня уцѣлѣла въ Твери: здѣсь покоится благодатию неба сохраненное тѣло мученика-Князя, зарѣзаннаго у ногъ Татарина, властелина Россіи; да уцѣлѣло еще имя города, для насъ, потомковъ, немѣющее даже смысла.

Многіе полагаютъ, что *Тверь* есть искаженное слово *Твердь*, то есть крѣпость; согласиться съ этимъ нѣтъ основанія; крѣпостей, подобныхъ здѣшней было много, но нигдѣ не видно, чтобъ ихъ называли *твердями*, уцѣлѣло на-противъ названіе *кремлей* и *остроговъ*,

Тверская история в прозе И. И. Лажечникова¹

И. И. Лажечников провел в Твери значительную часть своей жизни. И на Тверской земле были созданы лучшие его произведения – завершен «Последний Новик», написаны «Ледяной дом» и «Басурман». Совершенно очевидно, что в этих исторических романах не мог не отразиться местный колорит. Особенно это касается второго и третьего романов, задуманных и реализованных в Тверской губернии. Конечно, интересно проследить, в какой форме место написания отражается в исторической прозе, придавая определенное освещение связанным с этим местом событиям. Но столь же занимательно и другое – какие факты в истории Твери привлекают романиста, какой образ места он создает, как этот образ функционирует и какое место занимает в художественном мире писателя. На эти вопросы попытаемся ответить ниже.

В «Последнем Новике» Тверь не упоминается, зато в «Ледяном доме» упоминания о городе в высшей степени значимы. И во всех случаях Тверь связывается с единственным историческим лицом – Феофилактом Лопатинским. Ректор московской академии, второй вице-президент Синода, с 1727 г. тверской архиепископ, Феофилакт Лопатинский вызвал недовольство Феофана Прокоповича и Бирона своей книгой «Апокризм на ереси лютеранские и кальвинские» (1728). В 1735 г. Феофилакт был лишен сана, подвергнут пыткам и заточен. В 1740 он был освобожден, в 1741 – умер.

---

¹ Впервые: Тверская история в романах И. И. Лажечникова // Лажечников и Тверской край. Тверь: Марина, 2005. С. 35-47.

Образ Феофилакта Лопатинского в Твери был овеян множеством легенд; особенно важными представляются многочисленные благодеяния, оказанные пастырем неимущим горожанам во время неурожая 1734 г¹. Тем большее впечатление произвел арест архиепископа; при этом для Лажечникова важно не только противостояние Лопатинского «ересям», важен, как можно судить, и другой труд Феофилакта – «Иго Господне благо», где утверждается ограниченность мирской власти в противовес безграничности власти божественной. Впрочем, убеждения Феофилакта нигде в романе не анализируются. Зато создается образ героя, подвижника, страдальца за русскую землю. При этом первое же упоминание об «архипастыре, измученном пытками за веру в истину», сопровождается авторским примечанием «Тверской, Феофилакт Лопатинский»². И упоминания о Твери повторяются слишком часто, чтобы счесть их только данью «местному колориту».

Из Твери прибывает и замученный по приказу Бирона малороссиянин Горденко, желавший сообщить императрице о злоупотреблениях. С Тверью связан теснейшим образом связан и дядя ТрEDIAKовского, «некогда учитель в Киевской академии и потом служба тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского, который за то, что не хотел отложиться от убеждения, проникшего ум и сердце его, но неприятного временщику, был схвачен от священнодействия в полном облачении и брошен в Петербурге в смрадную темницу». Именно этот мифический дядя, участвующий в заговоре Волынского, и произносит подлинный панегирик Лопатинскому: «Вот человек – ирой... Отрекся ли он от своей веры, лишенный посоха своего, церкви, божьего света, воздуха, изгложенный червями и болезнями? Вымучили ли из него пытки хотя одно слово против его совести?.. Его бы славить, его бы воспевать!.. Где вам!..»³.

---

¹ Об этом см.: *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее Тверской земли. Тверь, 1917.

² *Лажечников И. И.* Ледяной дом. М., 1977. С. 74.

³ Там же. С. 251–252.

Лопатинский – носитель высшего нравственного начала в романе; никто из героев не может претендовать на это, в том числе и Волынский. А вот неоднократно упоминаемый архиепископ Тверской предстает не только невинным мучеником, но и единственным героем, достойным судить государственных деятелей. Именно Феофилакт благословляет царицу, которая пришлось «народу по сердцу» – Елизавету.

«– Узнал ли ты меня? – спросила она, снимая с него железа.

– Ты искра Петра Великого! – отвечал старец и умер вскоре, благословляя провидение, дозволившее ему увидеть на русском престоле народную царицу»¹.

Эта пафосная картинка, следующая за панегириком «дщери Петра», не имеет ничего общего с действительностью: разбитый параличом Феофилакт без лишнего шума был освобожден Анной Леопольдовной в 1740 г. Да и все упоминания о тверском владыке в романе не фактографичны: автору важен вымышленный образ праведного страдальца, заточенного в столице, но не покорившегося мирским властителям. Страдальцем стал тверской герой и праведник. Этот образ, остающийся на периферии романа, в немалой степени спровоцировал дальнейшую трансформацию тверских исторических реалий в художественном мире Лажечникова.

В «Басурмане» отношения истории и вымысла вообще любопытны: никогда автор не отступал столь значительно от исторической истины и никогда не вызывало это столь малого числа нареканий². Не потому ли, что «масса любит субъективного писателя, потому что он никогда не оставляет читателя в сомнении, чего он хочет»³? Однако для устранения сомнений мыслящему читателю предстояло сделать немало (особенно по

---

¹ Там же. С. 291. Замечу, что во всех известных автору изданиях повторяется ошибка первого: вместо «ты» ставится не имеющее, по-видимому, смысла «та».

² См. анализ критических высказываний о «Басурмане»: Венгеров С. А. Критико-биографический очерк // Лажечников И. И. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1994. Т. 1. С. 90–93.

³ Нелюбов Л. И. И. Лажечников // Русский вестник. 1869. № 10. С. 586.

сравнению с поверхностным пониманием предшествующих исторических опытов Лажечникова). Исторические лица, выведенные в «Басурмане», не равны себе, но и не являются только носителями моральных сентенций, как в нравственно-исторических утопиях того времени¹. Используя хронологическую канву истории, романист следует в то же время своим представлениям о ее ходе и о роли человека в ней. Все это касается и истории Твери, которой в «Басурмане» (впервые в русской исторической романистике) было уделено весьма значительное внимание.

В книге дана оригинальная трактовка личности Афанасия Никитина – путешественника и писателя, одного из интереснейших «литераторов» конца XV века. Тверской купец, совершивший легендарное путешествие в Индию, является одним из центральных персонажей романа. Он появляется и в прологе, и в эпилоге, сопровождая главных героев. Однако цель, с которой данное историческое лицо вводится в повествование, совсем не очевидна. Дело усугубляется известной уже современникам фактической неточностью: Никитин умер, не дойдя до Смоленска, в 1472 или 1475 г., а в романе он жив до 1505 г.² Лажечников оправдывает себя в предисловии к роману: «Исторический романист должен следовать более поэзии истории, нежели хронологии ее»³. Автор упоминает о нескольких умышленных анахронизмах, но самый заметный «забывает».

Образ Никитина в романе крайне значим для всей системы мотивировок автора. Само обращение с историческими фактами показывает, что для Лажечникова в прошлом важно что-то еще, кроме войн и правителей. Тверской купец – уникальный

---

¹ См. о них: *Сорочан А. Ю.* Мотивировка в русском историческом романе 1830-1840-х гг. Тверь, 2002.

² Обратим внимание, что Никитин – не только исторический персонаж, но и писатель – оказался необходим историческим романистам. В романе Н. В. Кукольника «Иоанн III, собиратель земли Русской» (опубл. в 1874 г.) Никитин также проживает «лишние» десятилетия. См.: *Сорочан А. Ю.* Указ. соч. С. 70-73 и статью в настоящем сборнике.

³ *Лажечников И. И.* Басурман. М., 1989. С. 11.

пример «просто человека», лишённого социального статуса (он утратил все имущество и живет своими занятными рассказами). В самом начале романа он описывает царю обычаи индусов и жизнь при дворе султана. Романист почти дословно следует тексту Софийской летописи¹. А непосредственно перед этим речь идет о дворе Ивана III. Вроде бы между двумя рассказами нет ничего общего – в хоромах салтана все из золота, а царский двор состоит из «нескольких клетей» и семи ворот в нем нет. «Индяне не едят никакого мяса»², в отличие от русских, и т.д. Но антитетичность этих картин снимается с прибытием в Москву героя книги – Антона Эренштейна. Он наблюдает Москву, и зрелище это не особенно приятно путнику. Дело не только в неприятных (скорее непривычных) лицах и в пространственной разбросанности столицы. Когда на глазах у Антона сжигают подозреваемых в отравительстве, поневоле вспоминаются индусы из «Хожения...»: «Кто у них умрет, и они тех жгут, да и пепел сыплют на воду»³. Впечатления двух путешественников весьма сходны – и в убожестве, и в великолепии им видится дикость, их поражают чужие лица и обычаи. И Никитин, и Эренштейн едут на Восток, только понимают под этим разные места. Таким образом, отчеты Никитина подготавливают читателя к восприятию эмоциональной реакции другого «басурмана» – Антона. Мотив путешествия, введенный в прологе, развивается и углубляется в основной части. Чужая культура воспринимается иноземцем неадекватно – этот тезис подтверждают и русский, и европеец. Никитин предвзвешивает появление главного героя и действует с ним рядом.

Но этим роль «умершего» в романе не исчерпывается. Путешественник как бы раздвигает рамки произведения. Он движется на Юг и на Восток в хождении, он идет за покоряющим Тверь царем на Север, а в эпилоге направляется на Запад, но, не за-

---

¹ См.: Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, 1986. С. 46 и след.

² Лажечников И. И. Басурман. С. 79.

³ Хожение за три моря Афанасия Никитина. С. 10, 49.

вершив пути, поворачивает назад. Все прочие персонажи путешествуют в романе лишь в одном направлении. Фиоравенти и Антону, приехавшим на Восток, не суждено вернуться назад. Правда, Схариа как будто вездесущ, он мечется между Западом и Востоком. Но еретик преследует цель распространить свое учение на Руси, и этой экспансии отдает все силы: «необыкновенный ум, увлекательное красноречие, познания химические и редкую любознательность»¹.

Никитин не таков, скрытых целей у него нет. Тверской купец путешествует сам по себе, по влечению души. В конце ему «взгрустнулось»², и хождение не окончено. В чем смысл этих масштабных странствий, связывающих все сюжетные линии? Здесь раскрывается глубинный смысл явления Никитина в «Басурмане». Афанасий мертв, он странствует между тем и этим миром, воскрешенный волей автора. Образ – единственный в книге – «надмирен». Никитин – воплощение вечного странника на земле, таков каждый человек. Мысль автора окрашена прямо религиозно (а учитывая сюжет романа – православно), но это не отменяет нахождения художника в рамках традиции мистической. Введение «трансцендентного» героя как нельзя лучше соответствует поэтике романа Лажечникова, где история соединяется с возвышенностью чувствований, а реальность значительно дополнена воображением художника.

Как видим, система исторических образов в романе Лажечникова ориентирована на оригинальный православный мистицизм. При ортодоксальной религиозности автора и его многократно упоминаемых исследователями и мемуаристами личных качествах³ – это наиболее приемлемый путь для создания утопических концепций.

Не менее показательны и другое отступление автора «Басурмана» от сложившихся в исторической науке и художественной

---

¹ Лажечников И. И. Басурман. С. 247.

² Там же. С. 365.

³ Венгеров С. А. Указ. соч. С. 47 и др.; Нелюбов Л. Указ. соч. С. 573 и след.

литературе традиций. Лажечников, обращаясь к покорению Твери в 1485 г. московским государем, дает свою трактовку этого события, соответствующую авторской системе исторических представлений. Конечно, романист не обошелся без «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, цитаты из которой обрамляют тверские события. В «Истории...» покорение Твери трактуется однозначно положительно – как укрепление верховной царской власти и прекращение междоусобиц: «Князья тверские, будучи врагами московских, не хотели участвовать в великом подвиге нашего освобождения и тем лишились права на общее сожаление в их бедствии»¹.

Излагая судьбу последних дней тверской независимости с опорой на факты, изложенные Карамзиным, Лажечников на первый взгляд во всем следует ему. По такому пути шли очень многие. В исторических сочинениях (даже у тверитянина В. И. Колосова в книге «Прошлое и настоящее Тверской земли», 1917) авторы без малейшего сочувствия относятся к последнему князю тверскому и его падению. В исторической романтике последующих лет действия Ивана III в этой ситуации также высоко оценивались. Например, у Н. В. Кукольника в романе «Иоанн III, собиратель земли Русской» захват Твери прямо ставится в заслугу царю и именуется «пресечением смуты»².

Лажечников позаимствовал у Карамзина многие подробности (вплоть до огромной пушки, привезенной под Тверь Аристотелем Фиоравенти)³. Количество подобных совпадений может привести к неверным выводам. Очень уж просто не заметить других деталей. Лажечников, цитируя Карамзина, отступает от исторической правды весьма значительно. Например, тверской князь Михаил Борисович вступил на престол в возрасте восьми лет и княжил четверть века. В 1485 г. ему должно

---

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 3 т. Калуга, 1993. Т. 2. С. 248.

² Кукольник Н. В. Иоанн III, собиратель земли Русской. М.: Современник, 1995. С. 83.

³ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 247.

было быть 33 года, а в романе это «трясущийся старик»¹. Согласно Карамзину, переговоры князя о женитьбе на внучке польского короля Казимира не были завершены², а в романе князь спасается бегством вместе с молодой женой. Конечно, «роман не история», здесь можно и расцветить яркими образами и ситуациями и нападение охотников на тверские посады, и описать действия вымышленных героев в реальных обстоятельствах. Но дело еще и в том, что все отступления от фактов имеют под собой единые основания и служат выражением воззрений автора. Именно в тверских главах сосредоточены его основные размышления о судьбе государства и правителя. Медлительность Иоанна в наступлении на Тверь и его явное желание взять город без боя, переманив на свою сторону тверских бояр, дают повод вспомнить о «главнейшем проступке» царя. Аристотель Фиоравенти говорит, что Иван III скорее государственный деятель, нежели воин. Человеческая слабость царя при нападении татарского хана Ахмата на Москву в 1480 г., описанная в рассказе чужеземца Аристотеля, приводит к выводу: «История не есть панегирик»³. В примечании Лажечников присоединяется к справедливой оценке действий Ивана III, которую будто бы дал Карамзин. Однако именно в «Истории Государства Российского» сразу после описания событий 1480 г. мы встречаем восхваление действий царя: «Сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой»⁴.

Никаких подобных оправданий у автора «Басурмана» нет. Поведение героев и причины их поступков далеки от идеальных. Иоанн, нападающий на Тверь, самоуверен и жесток; в поединке с войсками Ахмата он выглядит едва ли не жалко. Добродетели царя не могут скрыть его многочисленных пороков –

---

¹ Лажечников И. И. Басурман. С. 238.

² Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 244-246.

³ Лажечников И. И. Басурман. С. 228.

⁴ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 240.

жестокости, самодурства, иногда низости натуры, что и отмечает романист устами Аристотеля.

Противник Ивана III (и его шурин) Михаил Борисович Тверской изображен иначе. Его бегство из города окружено тонкой сетью авторских вымыслов, сталкивающих между собой как бы два лика: внешний – нерешительный и боязливый старик – и внутренний. Охраняемый благородными охотниками дряхлый старец ради спасения человеческих жизней приказывает своим подданным отворить ворота Твери и передаться Иоанну, а сам спасается бегством: «Речь его была трогательна, как духовное завещание умирающего»¹. В сущности, именно к поведению тверского князя могут быть применены слова Карамзина о «мнимой слабости». Перед нами физическое уничтожение, «смерть» одного государственного порядка и замена его монархической властью. Иоанн идет на это, не считаясь с жертвами, возвышая себя и Москву, Михаил же своим не княжеским поступком спасет жизни преданных ему подданных.

Символично и время года: захват Твери совершается ранней осенью, когда красота природы приходит в особое противоречие с неблагоприятностью людских поступков, подкуп и предательство показаны рядом с красотами тверской земли. А перед заключительной цитатой из Карамзина о падении тверской независимости (Лажечников, кстати, приводит не все неприятные для Твери пассажи историка) романист описывает чувства юной супруги Михаила Борисовича: «Казиминова внучка забыла о потерянном царстве и радовалась своей свободе <...> В Литве ожидают ее родина, друзья... Мысль эта веселила ее, молодую, живую, еще гостью на пиру жизни»². Этому «пиру жизни», человеческим качествам, личным чувствам и судьбам, а не воле царей и недолговечным политическим успехам романист отдает явное предпочтение.

Если бы не обстоятельства сюжетного действия, весь художественный мир романа был бы ориентирован на всечеловеч-

---

¹ Лажечников И. И. Басурман. С. 241.

² Там же. С. 242.

ность. Неправедные, ошибочные поступки большей частью имеют внешнее, национальное или социальное объяснение (казнь, которую видит Антон при въезде в Москву, нападение на Тверь, осуждение и убийство героя). В остальных случаях автор обращается к обобщенным, не ограниченным местом и временем причинно-следственным моделям.

История неправедна, изживание ее отрицательных сторон ведет к утопии – такой вывод можно сделать из событий, связанных с взаимоотношениями Твери и Москвы, вслед за автором. Он смело мотивирует поступки героев общими религиозными нормами: «У нас на уме все сокровища земные, то для себя, то для деток, а про сокровища небесные, их же ни тля, ни червь не поедает, и в помине нет <...> Слыхал ты божье слово: вера без дел мертва. <...> Вот дело иное, кабы ты для спасения души недруга отдал бы, чего у тебя дороже, милее нет на белом свете»¹. И положительные герои – в их числе тверитяне – приходят к осознанию того, что во всех своих поступках им надлежит исходить из приоритета нравственного начала.

Это нравственное начало Лажечников поэтизирует в описании уже недавнего прошлого Тверской губернии, в очерке «Заметки для биографии Белинского» (1859). Нет нужды приводить весь панегирик усадебной жизни и семейству Бакуниных (фамилии Лажечников не называет по цензурным причинам); эти страницы принадлежат к числу лучших в мемуарном наследии писателя. Но важно отметить и исторические экскурсы в описании усадьбы Прямухино, и упоминание святого для Лажечникова имени Пушкина, и прямолинейную идеализацию семейного уклада: «В одном из уездов Тверской губернии (Пушкин некоторое время жил близ этих мест, у помещика Вульфа), на котором природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими <...> Да и семейство, жившее в этом уголке, было как-то особенно награждено душевными дарами. Зато как было тепло в нем

---

¹ Там же. С. 305.

сердцу, как ум и талант в нем разыгрывались, как было привольно всему доброму и благородному!»¹

Образ «величавого старца» в окружении «гармоничного семейства» – не просто символ «доброе старого времени». Лажечников дает в очерке идеал жизнеустройства, близкого по времени и понятного читателям. И Белинский попадает здесь в среду, чуткую ко всему доброму и разумному, здесь он открывает для себя немецкую философию и эстетику, здесь выходит на «настоящую» дорогу...

Таким образом, история Твери – давняя и недавняя – идеализируется романистом. Эта все нарастающая идеализация нашла свое отражение и в изменяющемся месте действия произведений Лажечникова. Из Петербурга «Последнего Новика» и «Ледяного дома», жестокого и бесчеловечного города, писатель переносится воображением в хаотичную Москву «Басурмана», а оттуда в провинцию, ставшую местом действия поздних произведений². Именно в провинции отыскивает писатель залогов духовного обновления. Здесь открывается героям путь к нравственному усовершенствованию, к новым духовным высотам, важнее которых ничего в жизни нет. Изображать так Лажечников будет многие города (прежде всего родную Коломну), но впервые мысль о духовном превосходстве «провинциалов» возникла у него именно в связи с историей Твери. Тверская земля дала Лажечникову не только вдохновение, ее история оказала существенное воздействие на трактовку конкретных сюжетов и на эволюцию мировоззрения писателя. Идеализируемая провинциальная жизнь представляет собой земную утопию. И в числе обитателей ее, носителей моральных идеалов, немало тверичан – исторических лиц и современников писателя.

---

¹ Лажечников И. И. Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М., 1989. С. 440.

² См. подр.: Сорочан А. Ю. Три «столицы» в прозе И. И. Лажечникова // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции. Курск: КГУ, 2005. С. 31-38.

Моделирование прошлого:

Н. М. Коншин как историк тверского средневековья

Важнейшей частью новейших исторических исследований стало изучение нарратива¹. Проблема повествования об истории на средневековом материале представляет огромный интерес. Во-первых, в ходе решения этой проблемы возможно проследить истоки исторических представлений. Во-вторых, интересно проанализировать формирование данных представлений в связи с общекультурным климатом. В-третьих, появляется возможность наметить основные варианты развития исторических сюжетов, доселе не исчерпанные. Материал, о котором пойдет речь далее, может показаться маргинальным. Вместе с тем в истории изучения тверского средневековья этот забытый источник будет не лишним. И далее я попытаюсь объяснить, почему.

Но сначала несколько слов об авторе. Н. М. Коншин (1793 – 1859) – поэт, переводчик, прозаик, мемуарист. В историю литературы Коншин вошел благодаря близкому знакомству с Баратынским (служившим под его началом в 1819–1824 гг.) и с Пушкиным. Значительная часть жизни Коншина прошла в Тверской губернии. В 1825–1827 гг. он служил в Тверской казенной палате, а в 1837–1850 гг. был директором народных училищ Тверской губернии и Тверской мужской гимназии. Это последнее назначение он получил не без помощи Пушкина. При

---

¹ См., напр.: Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002; Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М., 1996; Шатин Ю. В. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. Вып. 5. Новосибирск, 2002 и мн. др.

устройстве Коншина на место Лажечникова возникли неясные пока осложнения; именно этими трудностями принято объяснять визит Коншина к Пушкину 27 января 1837 года – перед дуэлью¹. Хотя Пушкин и рекомендовал Коншину последовать примеру Лажечникова и обратиться к истории, совет его не был исполнен в точности – роман «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году» оказался единственный крупным произведением писателя на историческую тему – причем явно неудачным². В Твери Коншин активно занимался историческими изысканиями. Плодом их стала работа об этимологии названия города, а также ряд стихотворений. Коншин – автор статьи «Оршин монастырь Тверской епархии» (1847), стихотворения «Первая поездка к вам» (с описанием дороги из Твери в Берново) и др. Вообще эти тексты достаточно широко известны, они фигурируют и в биографиях Коншина, и в краеведческих работах. Но перечисляя их, биографы обыкновенно забывают упомянуть самую первую статью – ту, с которой все и началось.

Статьи Коншина, появившиеся и в «Тверских губернских ведомостях», отражают круг интересов писателя-чиновника; отметим, что литературный талант Коншина был признан в губернии. Недаром его сочинение «Достопамятные минуты»³ было напечатано особым прибавлением к «Ведомостям»; этот номер подписан в печать И. И. Лажечниковым. Следует отметить, что религиозная риторика «Достопамятных минут» напоминает

---

¹ Русский архив. 1877. № 12. С. 402-403.

² См., напр., рецензию Белинского: Что сказать о «Графе Обоянском»? Судя по эпиграфу, вы подумали, что тут дело идёт о знаменитой войне 1812 года? И героях, увековечивших в ней имена свои? Ничуть не бывало: это дюкредюменилевский роман с вальтерскоттовскими приправами. В нём нет ни слога, ни мысли, ни создания, ни характеров, ни занимательности, словно гора с плеч сваливается у вас, когда вы дочитываетесь до отрадного слова: конец... Жаль, очень жаль, ибо, как ни плохо произведение г. Коншина, а всё видно, что он мог бы сделать лучшее употребление из своих дарований» (*Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1: Статьи, рецензии, заметки 1834-36 гг. М., 1979. С. 438*).

³ См. публикацию текстов Коншина: Лажечников и Тверской край. Вып. 2. Тверь: Марина, 2006. С. 100-109.

о романе «Граф Оболянский...». Сходные мотивы прославления христианской любви с легкостью обнаруживаются и в «Записках о 1812 году» (опубл. 1884). Такого рода религиозный взгляд на события новейшей истории свойственен и поздним сочинениям Лажечникова; то, что размышления двух писателей и тверских чиновников весьма сходны, думается, выходит за рамки случайного совпадения.

В истории литературы и проза, и стихи Коншина по заслугам занимают скромное место. Однако в Тверской губернии в 1840-х гг. чиновник Коншин – один из крупнейших писателей; для понимания провинциальной культурной ситуации его тексты дают очень много материала. И здесь мы должны установить, как же был трактован исторический материал провинциальным автором.

Статья «Взгляд на древнюю Тверь» (1840) – не просто первая работа Коншина на тему тверского средневековья; в ней в краткой форме изложены идеи будущих сочинений, а сам текст представляет собой первую попытку отдельного исторического повествования о тверской старине для не-тверской публики. Статья напечатана в журнале «Маяк» в самый первый год его издания¹; это был первый, но далеко не последний текст Коншина, появившийся в журнале Бурачка. Впервые история Твери – не часть целостного исторического нарратива и не «локальное» повествование, а связное изложение местного сюжета для массового (пусть и московского) читателя.

Следует отметить, что актуальность тверской истории к концу 1830-х годов для русской публики существенно возросла. Причины тому – интерес к местным сюжетам, попытки детализации исторического повествования, стремление отразить завуалированные протестные настроения в текстах, посвященных отдаленному прошлому. Ярчайший пример – роман И. И. Лажечникова «Басурман» (1838). О тверском сюжете книги писа-

---

¹ Маяк. 1840. Т. 4. Отд. 4. С. 144-149. Далее цитируется по этому изданию.

ли неоднократно¹, но влияние Лажечникова не было исключительным. Не следует забывать и о вкладе в данную тему других литературных знакомых Коншина. «Письма тверских помещиков» в «Библиотеку для чтения», сочиненные О. И. Сенковским, посвящены истории языка, но содержат некоторые сведения по географии края. К тверским материалам обращался и Н. В. Кукольник, но – позднее². Так что Коншин оказался единственным тверским автором, создающим исторический образ «своего» региона для массовой публики, причем в «научном», а не в художественном разделе журнала.

Текст, который далее следует представить, состоит из трех тесно связанных друг с другом тематических пластов. Именно они и создают весьма своеобразную модель восприятия региональной истории, которая действовала на протяжении XIX и начала XX веков.

Во-первых, в тексте присутствует элегический элемент, неизбежный при всяком описании прошлого как «невозвратно ушедшего времени». Тем самым осуществляется отделение опыта прошлого от опыта настоящего и создается возможность эмоционального отношения к описываемым событиям. Рассмотрим некоторые фрагменты текста, в которых эти установки наиболее четко реализованы: «Стоя над развалинами безымянного памятника, прислушиваясь к темным сбивчивым преданиям, об нем существующим, тайная скорбь стесняет сердце; бедная природа человеческая ропщет на свою ограниченность; пусть закрыто от нее будущее, с его бедами, лишениями и часом смертным, но зачем не проникает она в прошлое? Зачем мир почивших подернут туманом, хотя и провеянным кое-где изысканиями, но густо волнующимся под целым рядом веков их древнего быта <...> место, раз озаменованное подвигами предков, священно для потомства; гений любознания, погашая

---

¹ См.: Сорочан А. Ю. Добро и зло в системе художественных мотивировок И. И. Лажечникова // Дом Лажечникова. Вып. 1. Коломна: КГПИ, 2004. М. 155-165, а также статью в настоящем сборнике.

² См. об этом в других статьях настоящего сборника.

свой бесполезный пламенник, мрака веков не разгоняющий, с благоговением преклоняет колено и целует землю, носившую мужей древности и успокоившую прах их; пусть место это обратится в тинное болото – оно драгоценно его сердцу...» Заметим, что Коншин оперирует традиционным набором образов и схем, свойственным элегической поэзии 1820-х годов. Ему важен не реальный пейзаж, но ландшафт времени. Авторы «Маяка» этими устаревшими моделями оперировали в 1840-х годах и в лирике, и в прозе. Например, в стихотворении Щеткина «Развалины» читаем:

Крушительным жалом могучие годы
Вонзились в громадное зданье людей;
Сломили колонны, раздвинули своды
И скрыли твердыню под грудой камней.
...Таинственный терем! Могучее зданье!
Маститый остаток седой старины!...
...И просит у времени он разрушенья
И ищет границ своего бытия!¹

В том же номере помещено сочинение П. Новомлинского «Старая песня, которую поет каждый по-своему»:

Где ты, былое, куда затерялося?
Свежая радость пленительных лет,
Мир и приволье?...Прошло все, промчалось...²

Примеры можно продолжать – впрочем, об «элегической школе» в русской поэзии и так много сказано, а провинциальные эпигоны этой школы (а именно они и печатались в «Маяке») не представляют существенного интереса. Зато, сравнив поэтический текст и текст «научный», мы обнаружим общее осознание негативного характера действия времени и предела «прошлое/настоящее» как трагической границы. Комический эффект во всех текстах возникает от неразличения прошедшего и настоящего – все времена воспринимаются как одно, история

¹ Маяк. 1840. № 2. Отд. 1. С. 5.

² Там же. С. 7.

предстает монолитным целым, которое возможно прочитывать в рамках единой (идеологической) модели. Когда Коншин обращается от пейзажа времени к пространственным описаниям, функциональность эгегических описаний становится еще более очевидной: «...безымянным памятником древности явилась пред глаза мои Тверь; все освященное историей стерто с лица ее; время не пощадило ни зданий Великокняжеских, ни знамен Батыевых, некогда здесь развевавшихся, ни гробниц, в которых улеглись и побежденные, и победители. Все пусто, все ново, только одна святыня уцелела в Твери: здесь покоится благодатию неба сохраненное тело мученика-Князя...». Подчеркивая «пустоту» города и исчезновение «исторического ландшафта», провинциальный историк закладывает основу для следующей составной части своих построений.

Второй элемент, исключительно важный для Коншина – легендарная история, не подлежащая проверке и вместе с тем не утрачивающая актуальности. Пересказывать предания можно бесконечно – только несут ли они важную для слушателей-читателей информацию? Таковы легенды об исчезнувших поселениях и неведомых людях, упоминаемые и воспроизводимые в тексте. Пожалуй, наибольший интерес здесь представляет занимательная идея Коншина о происхождении названия города. Напомним ее: «Тверь писалась еще у древних *Тферь*, но это просто от безграмотности <...> пункт, на котором основана Тверь, был важный для торговли... Дверью для провоза хлеба к Новгороду было устье *Тверцы*; затвори эту *дверь*, и Новгород будет без хлеба... Не здесь ли искать начала имени места, на котором, может быть, гораздо позднее названия, поставлен в 12-м веке город; не назывался ли он *Дверь*, а река Тверца *Дверцою*?... Всего же правдоподобнее, что на Руси во времена дограмотные *дверь* называлась *тверь*, судя по тому, что в словах *затворить*, *притворить*, *затвор*, *притвор* и проч., в ближайшем средстве с которыми является слово *дверь*, и поныне существует *т*, а не *д*». Коншина не устраивает уже существующая

гипотеза, «что Тверь есть искаженное слово Твердь»¹. И здесь очень любопытна логика: «Крепостей, подобных здешней, было много, но нигде не видно, чтобы их называли твердями». Писатель старательно устраняет из исторического облика города всё уникальное. Тверь – обычна; это еще одна крепость у порогов, ничего уникального в городских преданиях нет – и описать эту обыденность можно несколькими простыми фразами. Таковы почти все предания, к которым обращается Коншин – в них нет ничего специфически местного, легенды используются, чтобы продемонстрировать сходство истории провинциального города с историями других таких же городов. Писатель выбирает, как ему кажется, «самые простые» объяснения; соответственно упрощается и язык. Впрочем, эту трансформацию заметят и читатели данной статьи – а ведь приведенные фрагменты в тексте соседствуют; возникает некое несоответствие между «высокими» элегическими фрагментами и «нейтральными» легендарными.

Основу описания прошлого составляют эмоции, охватывающие автора, и предания, которые, как правило, «не принося делу пользы, ни к чему не служат». И только третьим элементом исторического нарратива оказывается собственно хроника. Коншин отталкивается от формулы Карамзина: «История народа принадлежит Царю»²; весь событийный ряд сводится к явлениям «высшего уровня», уровня власти: «Древняя Тверь есть история нравов древних ее владетелей: повесть междоусобий, убийств, пожанров и грабежей. В 1182 году князь Всеволод Владимирский, поссорясь с Ярополком, владевшим в Торжке, выжег этот город, и заковал в железы и князя, и граждан, отослал во Владимир, а для обезопасения границ своих заложил город Тверь». Собственно, дальнейшая история Твери – бесконечный перечень смертоубийств и бедствий: «В продолжении многих лет междоусобные войны князей тверских с московски-

---

¹ Об этой гипотезе см.: *Колосов В. И.* Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1917. С. 18-19.

² Из посвящения к «Истории государства Российского».

ми разорjali несчастный край. История выставляет на позор имена их, вместе с татарскими именами Мамай, Тахтамыш, Эдигей и храброго Ольгерда Литовского, грабежом и убийствами опустошавших бедную нашу родину. В 1413 году Тверь выгорела; в 1417 свирепствовала в ней эпидемия, от которой погибло множество народа, а в 1422 и 23 годах был общий в России неурожай, последствием которого была великая смертность; наконец, в 1425 году был в краю этом мор». И так продолжалось до тех пор, пока «шествие державного орла» не объединило русскую землю и не принесло Твери мир. Финальный эпизод в истории древней – 1767 год, когда Екатерина прибывает в «возобновленный и украшенный» город: «2 мая, в день Преполовения, тверитяне узрели Матерь отечества, свою священнейшую благодетельницу, молящуюся вместе с ними у алтаря, и на водах Волги, освящаемых Церковью. Этим счастливым днем можно заключить историю Древней Твери, повесть о ее бедствиях и казнях».

Все ли так просто? Едва ли при подобной оценке локальной истории возникла бы необходимость вообще ее излагать, тем более весьма подробно. Попробуем рассмотреть один из наиболее информативных фрагментов. Вот как выглядит сюжет о Михаиле Тверском под пером Коншина.

Автор начинает изложение с пафосной преамбулы, позволяющей поэтически трансформировать историческую информацию: «Здесь кстати привести резкий пример непостоянства судеб человеческих. В то время как юный властелин полумира, государь, владевший вооруженными миллионами бесстрашных, гроза и Европы, и Азии, великий хан узбек, окруженный знаменитыми вассалами и послами разных народов, тешился в Орде своей, при устье Дона; любима сестра его, первая дева пышного Востока, взлелеянная в роскоши и неге, умирает пленницей в Твери, безвестном, лесном углу незадолго пред тем подавленной им России!» Дальнейшее изложение, разумеется, будет подчинено этой возвышенной антитезе величия и падения, опять-таки соответствующей не исторической науке 1840-х, а поэзии 1820-х. История Михаила Тверского под пером Конши-

на превращается в перечень романтических штампов: «Георгий, по семейственной вражде к дяде своему, князю Михаилу Тверскому, напал на области его, не объявив войны. Мужественный Михаил, прозванный от современников *отечестволюбимцем*, герой, о котором говорят летописцы, что был телом велик зело и взором страшен, не убоялся вероломного недруга. Благословенный епископом и народом, он встретил полки Георгиевы в 40 верстах от Твери; закипела битва кровавая; князь Тверской искал победы или смерти; шлем и латы его были истреляны и обсечены; он вторгался в ряды неприятелей, гневный и беспощадный. Тверитяне дрались как львы; Георгий сбит с поля и скрылся, но судьба битвы разлучила его с юной супругой: она досталась в плен победителю. Испуганная окружавшими ее ужасами смети, полумертвая, она привезена в Тверь и на руках благочестивого Михаила, убежденная им к принятию святой веры, скончалась христианкою, под именем *Агафии* (погречески любовь).

<...> последствия этой смерти были пагубны: по изветам Георгия, Михаила обвинили в отравлении принцессы ядом; он вызван был к хану, предан суду и убит бесчеловечным образом в 1319 году». Многие формулы заимствованы Коншиным из «Истории государства Российского» (т. 4, гл. 7), однако автор проделывает следующую нехитрую операцию – он исключает из описания все подробности и детали, которые могут показаться читателям мелкими либо сомнительными, и сохраняет возвышенный тон. Тем самым создается уникальная ситуация – перед нами как бы научный текст, но возможность его научного обсуждения полностью исключена. К статье Коншина применимы те же самые характеристики, которые давал А. И. Кирпичников «Графу Обоянскому»: «Здесь нет ни женщин, ни мужчин, а *девы*, мудрые и великодушные *мужи*, юные *герои и героини*. Историческая часть бледна, а романтическая скучна до крайно-

сти...»¹ Коншин, может быть, «усвоил слог Карамзина»², однако его представление о локальной истории предельно условно.

И все-таки для читателя рубежа 1830-1840-х годов этот текст достаточно информативен. Исторический сюжет становится и простым, и понятным. Есть герои и есть злодеи, есть разрушители и есть собиратели Отечества. Вся история становится примером такого собирания. Логично, что ей дается моралистическая интерпретация. Коншин сумел в небольшом по объему тексте сосредоточить максимум информации: здесь и Малюта Скуратов, и цены на овес, и мятеж против татар, и первая присылка казенной водки. Для того, чтобы объединить разнородный материал, необходима цельная идея – то, чего не хватает многим куда более подробным и точным историческим повествованиям. Коншин предлагает модель включения местного средневековья в общую историческую конструкцию, подменяя историю своего рода очерком. Получается забавно; но – работает... Сама идея наивна и в чем-то нелепа, но нам известны куда более удивительные трансформации исторических фактов в пространстве научных работ. Элементы разных жанров (элегия, предание, хроника) обеспечивают некоторую универсальность, о которой можно рассуждать без всяких скидок на эпоху. Коншин задал тон дальнейшим обсуждениям тверского средневековья. Ведь «поэтические очерки» уходят в прошлое, но история Твери еще не раз станет объектом освещения в научно-популярных текстах.

---

¹ *Киртичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы М.: Изд. магазина «Книжное дело», 1903. Т. II. С. 110.

² Там же. С. 115. Заметим, что «усвоение» не означает буквального копирования – так, вместо «отечестволюбца» появляется «отечестволюбец».

Дневник провинциала в провинции: *тверской эротоман и его сочинения*

В 1936 году тверской краевед, бухгалтер по профессии Алексей Георгиевич Щербаков купил на рынке по случаю – вместе с двумя брошюрами исторического содержания – рукописную тетрадь большого формата в зеленом переплете, густо исписанную неразборчивым почерком. Ознакомившись с приобретением, он подивился своей удаче и даже слегка испугался ее. Долгие годы тетрадь хранилась в семейном архиве (четыре листа пропали во время немецкой оккупации в 1941 г.), сейчас она лежит передо мной...

Вот, собственно, и вся предыстория. Теперь можно рассказать о поэте Николае Стратилатове и его, мягко выражаясь, не вполне подцензурных произведениях. Руководствуясь сведениями, сообщенными в тетради, несложно восстановить биографию автора (наиболее полно эту задачу исполнил А. Г. Щербаков, заметки которого используются ниже).

Стратилатов родился около 1840-го года. Детские годы он провел во Владимирской губернии, где у отца был собственный дом. До 1868 г. будущий поэт жил в городе Коврове Владимирской губернии, был студентом (об этом свидетельствуют примечания к целому ряду ранних текстов), потом избрал военную карьеру (впрочем, не слишком удачную), сочетая службу в армии с преподаванием. С 1868 года он постоянно жил в Твери, а на летние «вакации» неоднократно отправлялся в Ковров. В Тверском Кавалерийском юнкерском училище Стратилатов был взводным командиром. Неоднократно он менял места жительства, переезжая с квартиры на квартиру, менял подруг и сожительниц... Около двадцати лет прослужив в училище, Стратилатов удалился на покой. После 1901 года о нем ничего не известно – этим годом помечены последние поправки в имеющемся собрании...

Хотя в тетради, столь подробно фиксирующей мельчайшие события жизни, нет имени автора, оно устанавливается сравнительно легко. В 1870–1880-х гг. среди преподавателей Тверского кавалерийского училища лишь один носил отчество *Андреевич* – взводный командир штабс-капитан Николай Андреевич Стратилатов¹. В 1890-е гг. его имя уже не упоминается в «Памятных книжках Тверской губернии»; однако известно, что в 1898 году он еще продолжал службу во Второй конно-артиллерийской батарее, расквартированной в Твери². Позднее следы Стратилатова теряются. Не установлено местонахождение других творений Стратилатова (ведь существование иных тетрадей «собрания» вполне возможно), нет сведений о дате и месте его смерти. Но есть 270 стихотворений, обеспечивающих автору внимание читателей. О них мы расскажем...

Эротика была на первом плане не только в стихах, но и в жизни Стратилатова. Его сожительницы (некоторые из них были первыми читательницами опусов нашего героя) довольно подробно характеризуются в примечаниях к отдельным текстам. А бурная личная жизнь давала превосходный материал для творчества. Поэт смело нарушал социальные нормы в личной жизни – это «анти-поведение» получило логическое продолжение в поэзии. И эротические «эксперименты» были первопричиной поэтических вдохновений Стратилатова...

Неудивительно, что преобладают в тетради и привлекают наибольшее внимание стихи «не для дам». На их фоне экспромты, шарады и стихи на случай как бы теряются (к ним мы вернемся ниже). А порнографические стихи представляют во всех разновидностях жанр подчеркнуто неклассический, «низкий» и «провинциальный»³. И сам автор – не имевший литературных

---

¹ См., напр.: Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год. Тверь, 1868. С. 41. Здесь же помещено полное статистическое описание кавалерийского училища.

² За это указание выражаю признательность Б. А. Редько.

³ О провинциальности эротической литературы как «маргинальности» см.: Сапов Н.С. «Барков доволен будет мной!» // Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII – начала XIX века. М., 1994. С. 6–10. См. также:

связей провинциальный маргинал – кажется только типичным графоманом местного масштаба...

Однако перед нами первый известный авторский свод порнографической лирики XIX столетия – все прочие известные в печати сборники были либо анонимны¹, либо имели антологический характер². И в этом отношении «типичный» Стратилатов уникален. В его сборнике мы видим не обычное собрание разновременных, принадлежащих даже к разным эпохам порнографических стихов, объединенных только одной темой. В его сборнике перед нами рисуется человек вполне определенных взглядов, вполне определенных ориентаций. Конечно, можно говорить, что мир Стратилатова крайне ограничен областью сексуальных отношений, и на основании этого обвинять автора в узости, мелкости и т.д. Наверное, это будет не вполне корректно. Его легкие, не без изящества написанные стихи могут развлечь – и это уже немало. Стихотворение «Довольно!» (1869), пожалуй, является образцом строения псевдоэротической лирики при полном отсутствии табуированной лексики.

Довольно шел путем я водным!
Челнок мой, к берегу причаль!
Я разогнал стихом свободным
Мою угрюмую печаль.

Довольно плоть моя дрожала!
Довольно песни этой в тон
Вонзил пониже сердца жало
Времен новейших купидон.

Строганов М.В. Провинциальность и смежные категории // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. Коломна, 2001.

¹ «Стихотворения Анакреона Клубничкина» в приложении к изд.: Под именем Баркова. М., 1994.

² Венок Венере. Русские цензурные стихотворения. Токио, 1986; Под именем Баркова. М., 1994.

Довольно, будто ночью свечка,
Когда я страстью был влеком, –
Светило женское сердечко,
Слегка прикрытое пушком¹.

На фоне массовой порнографии некоторые произведения как минимум выделяются и демонстрируют недюжинную самокритичность автора. Переписывая стихи, Стратилатов существенно дорабатывает их, некоторые – не включает в хронологически выверенный корпус, оставляет в приложениях.

Совершенно очевидно стремление Стратилатова освоить магистральные для русской литературы XIX столетия темы и приемы развертывания текста. Конечно, «бедные» и «богатые» рифмы Стратилатова никогда не войдут в качестве примеров в учебники по стихосложению, однако во многих случаях по своей изысканности они не уступят экспериментам старшего современника Стратилатова – известного поэта-искровца Д. Д. Минаева. Опыт же использования пушкинских и некрасовских формул у Стратилатова (например, в стихотворении «Ночной Зефир», в поэме «Русские мужчины» и др.) крайне показателен. А «юбилейный» пушкинский текст «6-е июня» возвышается над тем потоком беспомощных виршей, которые затопили русские журналы в 1879–1880 гг.²

Эротическая поэзия «по Стратилатову» – это целый мир, но в то же время это тридцать лет жизни человека, не нашедшего места вне банального разврата и коллекционирования неприличных картинок. Мы не можем судить, насколько осознавал небесталанный человек свою ограниченность – другой вопрос, но и вышедшие из-под его пера тексты позволяют поставить целый ряд важных культурологических проблем.

---

¹ Здесь и далее тексты цитируются по рукописному собранию, находящемуся в частной коллекции. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами, авторская орфография сохранена, рукописные варианты не приводятся.

² См. об этом тексте подробнее в статье «Памяти классиков» в настоящем издании.

Естественно, что центральное место в этом «мужском» жанре занимают женщины. Уникальность же роли этих женских образов определяется тем, что они используются не только как пассивные объекты, с помощью которых удовлетворяются те или иные желания, не только как или модели для скабрёзных картинок (что и обычно для порнографических текстов), но и как самостоятельные фигуры действия. Дело в том, что сюжеты многих текстов именно женщинами поэту и подсказаны: иные исходят из впечатлений детства, иные – из времени преподавания в училище (единственное, не слишком явное упоминание об однополой любви содержится в поэме «Русские мужчины»). Однако доминантой всех – и женских, и мужских – откровений является, вероятно, особого рода «провинциальность».

Два «приключения», описанные поэтом уже в Твери, демонстрируют и локальную, и тематическую ограниченность того мира, в котором пребывает лирический герой. Стратилатов подчеркивает, что тексты написаны «с природы», упоминания тверских реалий должны способствовать убедительности сюжетов, как, например, в стихотворении «Волосы» (1870-е):

Завтра в рощу Желтиковскую
Приглашу я их с утра;
Захватчу с собой поповскую,
Да полтину серебра.
Уложу в траву зеленую
Заголенные тела,
И одну п.... ядреную
Я обрею догола!
Я на статую Венерину
Волоса те наклею
И начну, подобно мерину,
Лобызать красу сию.

Столь же показателен «календарный» сюжет стихотворения «Ряженные». В первой же строчке обозначается время действия, далее следует событийная часть – впрочем, следует отметить,

что автор неожиданно скромнен и ограничивается лишь прелюдией:

На святках поздно ночью в сени
Я вышел, слыша шум вдали.
Вдруг вижу, две каких-то тени
К моей калитке подошли.
Я крикнул им: «Эй, что вам надо?»
– «Две маски просятся в ночлег.
Та и другая будет рада –
Нас завалил пушистый снег»
– «Ведь обе маски вы мужчины!
Что ж ночью будет? нет, увы! –
Какие явятся картины,
Когда разденетесь вы?»
– «Зачем к тебе – пойми ты, глупый, –
Мужчины на ночь вдруг придут?
Ну, посмотри, вот на, пощупай –
Где хочешь – здесь или вот тут.
Ну что? Теперь ты убедился,
Что не мужчины обе мы».
И я укрыть их согласился
От неприветливой зимы.

Локализованность всякого художественного текста, в последнее время активно обсуждаемая в науке, еще не получила полной категориальной определенности. Воссоздавая мифологию места, исследователи провинциального текста опираются на дискуссионные дефиниции *провинция*, *провинциализм*, *провинциальность*, *столица*¹. И это ни в коем случае не является недостатком. Ведь в творчестве любого автора обнаруживается не только локальная мифология, но и осмысление пространства

---

¹ См.: *Зайонц Л.О.* «Провинция» как термин // *Русская провинция: миф – текст – реальность.* М.; СПб., 2000. С. 12–20; *Строганов М.В.* Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции // Там же. С. 30–37; *Ахапкина Я.Э.* Провинция, периферия – проблема номинации // *Провинция как реальность и объект осмысления.* Тверь, 2001. С. 6–11 и др.

с использованием столь же дискуссионных категорий. Это касается и поэзии Стратилатова.

Различение провинциализма и провинциальности, как в жизни, так и в литературе, нельзя не признать продуктивным¹. Однако оно недостаточно полно отражает реальную картину. Гоголевская фраза «Тут не столица и не провинция» для разграничения провинциализма и провинциальности программна, поскольку обоснованно вводит в оппозицию *столица/ провинция* промежуточное звено: «Окраина является <...> своим для столичного пространства локусом <...> В качестве пространственной периферии она играет по отношению к центру роль провинции, т.е. чужого локуса»². Эта «политико-географическая пространственная структура»³ позволяет объяснить многие промежуточные звенья в образе мира, предстающего в сочинениях конкретных авторов. Однако если Гоголь выступает как столичный писатель, творец «петербургского мифа»⁴, то провинциальные авторы, для которых провинциализм – это «точка зрения»⁵, должны предложить иную иерархию.

Стратилатов ни разу не покидал пределов России, но по стране путешествовал несколько раз. Каждое странствие давало материал для литературного творчества, хотя и несколько однообразный. В ранних стихах география для эротики не важна: Англия, Франция, Испания описываются в точности так же, как и Россия (что и естественно, поскольку описание это дается с чужих слов и с опорой на жизненный опыт самого автора).

---

¹ См.: *Строганов М.В.* Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции // *Русская провинция: миф – текст – реальность.* М.; СПб., 2000. С. 30–37.

² *Кривонос В.Ш.* «...Тут не столица и не провинция...» (Петербургская окраина у Гоголя) // *Русская провинция...* С. 215.

³ Там же. С. 224.

⁴ См.: *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

⁵ *Строганов М.В.* Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции. С. 34.

Единственными маркерами оказываются типы женской красоты, как в стихотворениях «Европейские красавицы» и «Три грации» (оба – 1870). Приведем первое из них:

Дочь сырая – Альбиона
В блеске утренней звезды
Показала мне с балкона
Кудри рыжие п. ....

В знойный полдень парижанка,
Обнажив живот и грудь,
Показала мне с лежанки
Черно-бархатистый путь.

Жар скрывая в страстном теле,
Андалузка при луне
Подвернула на постели
Жопу смуглую ко мне.

Все остальные тексты лишены пространственной привязки: внимание автора занимают совсем другие детали.

Однако после переезда поэта из Коврова в Тверь картина несколько меняется. Родной город оказывается чем-то недосыгаемым, отношение к нему дается сквозь призму литературных штампов – как, например, в экспромте «В виду приближающегося Коврова» (до 1878):

Знаю, скоро рассыплется прахом
Все, чем жил я, так сильно любя.
Я к тебе приближаюсь со страхом
И с тоской покидаю тебя!

А в жизни тверской провинции акцентируется застойное начало. Стратилатов продолжает в своем роде традицию критики провинциального быта, основы которой были заложены в русской литературе еще в 1840-е гг.¹ Происходит невероятное: по-

---

¹ См.: *Строганова Е.Н.* «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830 – первой половины 1840-х гг. // *Русская провинция...* С. 202–203.

иск эротических наслаждений отходит на второй план, становится до обидного будничным и скучным. Неоконченное стихотворение «Торжок» (1871), наряду с упоением провинциальной тишиной, содержит и некоторое подспудное разочарование в «милом» месте.

О, драгоценный град Торжок!
 Ты для меня милее,
 Чем самый лучший пирожок!
 В тебе все веселее!...
 Хотя не очень-то велик
 Твой торг малоходный.
 Но ты склонил свой нежный лик
 Над речкой судоходной.
 В тебе раз туфли я купил
 И взял на откуп деву.

Разумеется, Стратилатов вряд ли подозревал о существовании поэмы А.М. Бакунина «Торжок», в которой также преобладает тон «снихождительной иронии»¹: Вот как описан Торжок в тексте Бакунина:

Своими славный солодами
 И красным <нрзб.>, швеями,
 И золотыми сапогами
 Старинный городок,
 И перепутье двух столиц,
 Волшебный фонарек
 Путешествующих лиц².

Далее антитеза провинции и столицы обнаруживается в предельно обнаженном виде в программно названном стихотворении «Тверь и Москва» (1870-е). Здесь автор решительно отдает

¹ *Строганов М.В.* Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции. С. 36.

² *Бакунин А.М.* Собрание стихотворений. Тверь, 2001. С. 92.

предпочтение центру, предоставляющему больше возможностей для наслаждения:

Нет нигде никого. Все безмолвно в Твери.
А в Москве-то бьет жизнь, что есть мочи:
Подле бань, на бульварах любую бери –
Хочешь днем иль в течение ночи!
Приводи в номера, раздевай догола,
Ставь хоть раком, хоть вниз головою,
Говори – чтобы в жопу иль в рот бы дала! –
И на все согласится с тобою.

Даже неприкосновенный ранее Ковров упоминается теперь подчеркнуто иронично. Стратилатова влечет теперь весьма похожий на прежний «Новый Ковров» (1874):

Под вечер жаркого июля,
Среди пестреющих цветов,
Сидели Соня, я и Юля
В саду гостиницы «Ковров».
За садом луг, нависла ива,
Чернела роща между гор.
Мы пили чай, вино и пиво,
Вели веселый разговор.
Раскрылось все, не зная меры.
Сияло чрево белизной,
Чернел кудрявый холм Венеры,
Вливая в тело сладкий зной.

Речь в тексте идет о Москве, выступающей в своей столичной ипостаси. И всякое сближение с ней провинциал, сознающий свой провинциализм, неминуемо приветствует. Поначалу это ограничивается сугубо географическим планом. Обратим внимание на то, что Стратилатов специально указывает, что стихотворение написано на железной дороге. Путешествие разрушает границы между столицей и провинцией и стирает с пассажиров признаки провинциальности или столичности. Достаточно взглянуть на во многих отношениях весьма любопытный текст «Дорожные заметки» (1872):

Днем часов в двенадцать прибыл в Петушки я.
 На столе там были разные жаркия.
 Вилками, ножами все стучали звонко.
 Соблазнившись этим, я спросил цыпленка.
 Поедая с сладким чувством эту птицу,
 Я совсем забыл, что едем мы в столицу.
 Только оглодал я маленькую ножку,
 Как звонок жестокий гонит в путь-дорожку.
 С затаенной злобой, но с бессильной, впрочем,
 Побежал к вагонам я с народом прочим.
 Бедному цыпленку я в дверях вокзала
 Бросил взгляд прощальный... и мне грустно стало!
 «Взять бы Вам с собою, – вовсе нет тут срама» –
 Рядом помещаясь, мне сказала дама.

Данный текст представляет собой первое упоминание прославленных уже в следующем веке Петушков. Но для нас важнее то, что автор ощущает себя частью «народа прочего». Провинциальный эротоман осознает, что он ничем не лучше и не хуже прочих обывателей. Ощущение собственной недостаточности уступает место поиску новых впечатлений. Из окна вагона герой наблюдает за жизнью мест, еще более удаленных от столицы, чем Тверь или Ковров. И «впадает в амбицию»¹, выражающуюся в свойственных жанру эскападах. Например, в адрес ни в чем неповинного города Кобеляки на Полтавщине – в стихотворении «Кобеляки» (1886) –

Горы, рощи, буераки
 Скрыли город Кобеляки
 От моих очей.
 Я б напомнил Кобелякам
 Как я тер в них деву раком
 Посреди ночей.

или в адрес провинциального Нежина – в «Нежинской жопе» (1886):

---

¹ О комплексе провинциализма см.: *Строганов М.В.* Провинциализм/провинциальность: опыт дефиниции. С. 34–36.

Не видал я Конотопа,
Не видал я и Бахмач.
Только видел – чья-то жопа
Все скакала, словно мяч.
При внимательном смотре
Я узрел в ней две дыры.
Значит, жопа, без сомненья,
Мне несла любви дары.
Поезд мчится; жопа скачет –
То на кручу, то с горы;
Х.. стоит и слезно плачет –
Не достать ему дыры.
Вот я прибыл в Нежин город
И в гостинице сижу.
Расстегнув штаны и ворот,
Я из номера гляжу.
Вдруг я вижу – без салопа,
Без калош – к исходу дня
Преогромнейшая жопа
Скачет прямо на меня.
Я промолвил ей для смеха:
«Эй, сударушка! Поверь,
Уж такая-то потеха
Будет нам с тобой теперь!
Ну-ка, ну-ка, полезай-ка!
Двери, окна я запру.
Ну-ка, беленькая зайка,
Подворачивай дыру!»

Тема исчерпана в нескольких строчках. Далее – следующий город, следующий экспромт. Провинциалу, отправившемуся в путешествие, мелькающие за окнами городки и села кажутся мелкими и никчемными. Его влечет...

Тут и возникает центральная проблема, к которой все сказанное ранее было только подступом. Куда отправился наш литератор? И в чем магия этого места, так волшебным образом преображающего провинциала, места, где он чувствует себя наравне со

столичными жителями и свысока взирает на провинциальных аборигенов? Тем единственным локусом, в котором только и может происходить размывание границ между «медвежьим углом» и «центром мира» в России XIX века, является курорт. Новая локальная идентификация затронула при посещении юга России и героя, и автора.

Здесь ликвидируется прежнее противопоставление столицы и провинции и формируется совершенно иная оппозиция: курортник/обыватель (местный житель). Первый из них – курортник – ощущает себя частью того сообщества, которую этот второй – обыватель, местный житель – должен обслуживать хотя бы уже потому, что за счет курортников он и живет. Такая форма существования не просто примиряет провинциала с действительностью, но заставляет его забыть об исходном (и, так сказать, природном) положении дел. Курортную поездку 1875 г. Стратилатов называет «I<-ым> Кавказским путешествием», придавая ей особое значение. Этот год открывает новый период в творчестве Стратилатова – как количественно, так и качественно. Традиционные в его поэзии адюльтерные ситуации получают теперь новую трактовку с легким налетом абсурда. Курортная вседозволенность стимулирует запретные фантазии и заставляет снисходительно относиться к «обывателям», на которых внимание обращается в самых крайних случаях. «Ревность», давшая заглавие одному «южных» стихотворений Стратилатова, выглядит нелепо на фоне проснувшихся appetites столичных и провинциальных курортников (обратим внимание и на появление местоимения множественного числа, воплощающего в себе точку зрения повествователя), так как их удовлетворение – нечто само собой разумеющееся: «Мы в Ростове-на-Дону Терли девицу одну...» Такими приключениями отдыхающий литератор и заполняет свой досуг. В рамках «курортного мифа» внешний мир попросту отсутствует, задумываться о его существовании не хочется. Хотя в столице и даже дома курортная норма оказывается неприемлемой, как явствует из стихотворения «Полицейские стражи» (после 1870):

Вчера, лишь только смерклося,
Пошел я в дальний сад
С намереньем решительным –
Пощупать женский зад.

Иду. Вот юбка белая
Шмыгнула в темноте.
Я к ней. Она откашлялась
И скрылась в кусте.

Живот и жопу женскую
Не щупал я давно.
И быстро в куст я ринулся,
Наткнувшись на говно.

Раздвинув сучья длинные,
Ее я увидел
И прежде жопощупанья
Я гривенник ей дал.

Лишь только жопа белая
Представилась очам,
Два стража полицейские
Хватили по плечам...

.....

В ситуации «провинциал на курорте» определяющими являются не отдельные события, а самая модель поведения, принципиально чуждая писателям, ориентированным на столицы. Герои Лермонтова и (менее очевидно) Чехова продолжают жить на курорте привычной жизнью, герой Стратилатова на юге попадает в другую колею. И потому «курортный миф» автора-провинциала (во всех смыслах этого слова) заслуживает подробного рассмотрения.

Между соотношениями *столица/окраина* и *провинция/курорт* наблюдается определенное сходство. Точно так же как окраина является частью столицы в географическом отно-

шении, но не является ею в отношении культурном, так и все курорты в географическом отношении суть провинции, хотя для самой провинции они оказываются «чужим локусом». Та же двусмысленность углубляется и далее: курортное состояние опасно и желанно, оно непохоже ни на столичное, ни на провинциальное.

Снобизм жителя столицы в пределах курортного локуса уместен столь же мало, как и провинциализм субъекта, прибывшего из окраин. Провинциал на окраине чувствует себя как дома, а петербуржцы и москвичи продолжают привычное существование на курорте. Столичная литература мифологизирует провинцию и окраину, литература провинциальная – в свою очередь – мифологизирует столицу и курорт. В каждом из двух антитетических состояний обнаруживается своеобразная «отдушина» и возможность «промежуточного» существования – пусть и очень ненадолго. Тем самым снимается проблема жесткой бинарности категорий и возникает возможность нового психологического и литературоведческого истолкования «столичного» и «провинциального» мифов.

В основе творчества Стратилатова всегда лежит своего рода миф – литературный или географический, «женский» или «мужской». Может быть, вся лирика нашего поэта – лишь фиксация идеального представления о совершенном развратнике? Однако вряд ли это так: слишком много самоиронии в этой картине мира. Стишок, который поэт включает в число своих детских опытов (шесть таких опытов приложены к собранию) весьма характерен:

Сперва покраснело,
Потом побледнело,
Потом затрещало,
А потом упало.

В комментарии поэт услужливо объяснит, что речь идет о «папеньке», рубившем дерево, но мы-то, ознакомившись с предшествующими текстами, не поверим. Ясно, что мир Стратилатова эротичен, полон неприличных гипербол и сравнений,

но есть в нем другое – усмешка провинциала, по нелепой иронии судьбы оказавшегося как раз на своем месте – в провинции. Он эту иронию оценил и зарифмовал. Может, оценим и мы? Стратилатов славно – пусть и скабрёзно – повеселился. Почему не улыбнуться и нам, независимо от «провинциальных» или «столичных» мироощущений? Ведь ничто человеческое, как говорится... Эта фраза подходит для мифа. Или для дневника...

Памяти классиков:
о провинциальных откликах
*и исторических закономерностях*¹

Поводом к настоящему сообщению послужила одна заметка, случайно обнаруженная в № 17 «Тверских губернских ведомостей» за 1899 год. Называлась она «Памяти А. С. Грибоедова» и была – вполне логично – посвящена печальной дате, 70-летию со дня кончины драматурга. В этом отклике есть несколько любопытных фрагментов, но в целом разговор о нем выводит на более широкие проблемы. В первую очередь случайный отклик на давние события помогает интерпретировать отношение провинциального общества к литературе и ее классикам, помогает объяснить механизмы памяти и понять, как место живого человека – с уникальной биографией, необычными способностями и сложной эволюцией – занимает примитивная схема.

Поэтому разговор о статье вынужденно превращается в разговор о культурной среде, а память о Грибоедове становится частью культурной памяти. Статья, подписанная псевдонимом «Аксель», внешне апологетична. Это действительно панегирик великому писателю – так, как его представляет тверской журналист.

Памяти А. С. Грибоедова

30-го минувшего января исполнилось 70 лет со дня кончины великого русского поэта А. С. Грибоедова, так трагически погибшего в столице Персии, Тегеране. Бессмертный автор классической комедии «Горе от ума» был убит в доме русского посольства толпой персиян, которые истребили тогда почти всех лиц нашей миссии.

---

¹ Впервые: А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Вып. 9. Смоленск, 2010. С. 163-170.

Семьдесят лет назад гениальный поэт и полномочный русский министр А. С. Грибоедов своей преждевременной кончиной нанес незаменимую утрату родной литературе.

Александр Сергеевич родился в Москве 4 января 1795 года в богатой дворянской семье. В силу беспорядочности отца А.С. дела их запутались и властная, честолюбивая мать поэта, желая дать блестящее будущее детям, насильствовала волю гениального своего сына и, несмотря на его отвращение к службе, заставляла Александра Сергеевича «делать карьеру».

Наблюдательный, умный не по летам, мальчик рано начал сознавать всю затхлость окружающей его среды и его горячий и непокорный характер плохо выносил навязываемые ему житейские мудрости и гнет любящей, но деспотичной матери. Он много читал и развитие бессмертного драматурга шло быстро. В университете профессор Буле, угадав дарование и наклонности А.С., обратил на него внимание и, занимаясь с ним литературой, побудил его познакомиться с лучшими произведениями драматического творчества. В университете же начал проявляться колоссальный талант А. С. Грибоедова.

Образованный, с широким развитием и громадной начитанностью, пылкий юноша задыхался от однообразия светской, крайне тяжелой для него жизни. Горячо любя родину, А. С. записался волонтером в полк к графу Салтыкову, но Наполеон покинул Москву, а затем и Россию, и А. С. Грибоедову не пришлось быть защитником родины; он поступил в один из губернских полков. Пребывание на военной службе не послужило к развитию его литературной деятельности; эти годы во всех отношениях пропали для поэта, и в 1816 году он вышел в отставку. Возвратясь в Петербург, Александр Сергеевич примкнул к кружку передовых людей того времени и литераторам; кроме того, большой свет был открыт для него, так же, как чиновничий и театральный мир. В это время Грибоедов служил в коллегии иностранных дел, и карьерой его мать была довольна. А. С. в эту пору жизни все больше и больше сходилась с князем А. Одоевским, Рылеевым, Чаадаевым и работал над «Горем от ума».

Секундантство в дуэли Шереметева и Завадовского чуть не испортило служебного положения А. С. Грибоедова. Мать А. С. потребовала удаления из Петербурга сына, и против его воли он был назначен секретарем при посольстве в Персии. А. С. начал изучать быт окружающего народа и его язык, не переставая работать над своей бессмертной комедией.

Раз, в деловой поездке Грибоедова, он вывел из Персии и возвратил на родину толпу русских пленных; это смелое предприятие обратило на него внимание генерала Ермолова, и он принял участие в грустной судьбе поэта, тоскующего в этой глуши, и благодаря Ермолову Грибоедов был назначен секретарем по иностранной части главнокомандующего на Кавказе.

Служба отнимала много времени у поэта, но несмотря на это, в одну из своих поездок в Москву А. С. окончил «Горе от ума» в деревне у своих друзей. Страшный переполох произвела эта комедия в обществе: многие узнавали себя в типах, выведенных в «Горе от ума», – роптали, бранились, грозили дуэлями, жаловались начальству, доносили в Петербург; за этим бесполовым шумом пропадало восхищение, вызванное комедией в других слоях общества. Несмотря на все урезывания и старания Грибоедову не удалось видеть своего гениального произведения на сцене; даже частные представления комедии были запрещены. После этого поэт сильно затосковал. Из-за знакомства с декабристами А. С. был арестован, но вскоре освобожден; только что возвратясь в Грузию, он был привезен снова в Петербург, где и пробыл в заключении около четырех месяцев. Благодаря своевременному предупреждению со стороны Ермолова и через это – уничтожению бумаг, А. С., при помощи друзей, вышел свободным из истории декабристов, но он стал другим человеком: холодная, деловая внешность прикрывала гнетущую тоску о потерянных им товарищах.

Неудача с постановкой комедии, потеря товарищей, служба поневоле так повлияли на Грибоедова, что он не мог продолжать свою литературную деятельность и, тяготясь жизнью, предался службе. Его разнообразные «записки» служат доказательством необыкновенных способностей и в практической дея-

тельности. Мать Грибоедова взяла с него клятву, что он не оставит службы, и поэт вернулся на Кавказ.

В русско-персидской войне А. С. самоотверженно работал и бесстрашно дрался в сражениях, он же добился выгодного для России Туркманчайского договора.

Несмотря на массу дел административного и дипломатического характера, А. С. написал «Грузинская ночь», но до нас дошли только две сцены. После окончания войны и считаясь творцом заключенного договора, А. С., боясь ненависти персидского народа, не хотел ехать в Персию, но Государь решительно стоял за его назначение, и А. С. пришлось с грустными предчувствиями проститься с близкими ему и родиной... Он уехал в Персию в качестве русского полномочного министра. Здесь и настигла его 30-го января 1829 г. преждевременная, безжалостная смерть, отнявшая у России одного из ее даровитейших сынов.

Прах незабвенного драматурга, согласно высказанному им желанию, покоится в Тифлисе, в монастыре св. Давида, возвышающемся на высокой, крутой горе, откуда открывается прекрасный вид на расстилающийся внизу красивый город.

Деспотизм матери, с одной стороны, и тяжелые современные условия – с другой были причиной гибели гениального писателя, но память его не умрет у нас, как не умрет его бессмертная комедия.

*Аксель*¹

Установить имя автора статьи было несложно. «Аксель» публиковался в «Ведомостях» очень часто; так подписывался секретарь губернского правления Федор Алексеев, который упоминается в «Адрес-календарях Тверской губернии» за соответствующие годы (1898-1905). Некоторое время он был редактором неофициальной части «Тверских губернских ведомостей»; при этом сообщения подписывал настоящей фамилией –

---

¹ Тверские губернские ведомости. 1899. № 17. С. 5-6. (Далее ссылки на материалы «Ведомостей» даются в тексте в скобках).

за исключением тех случаев, когда речь шла о театре. В 1899 году Аксель вообще выступает на страницах газеты очень часто. Постараемся восстановить контекст «грибоедовского» выступления – как мы увидим ниже, это совершенно необходимо.

Первые его выступления никак не связаны с театром: большая статья об «Этике обыденной жизни» и «вредной» философии Фридриха Ницше, цикл статей об оркестре народных инструментов Андреева. Но потом появляются и театральные рецензии за подписью Акселя.

В 1899 году Тверь с нетерпением ожидает выступлений труппы М. В. Чернова. Статья Акселя по этому поводу завершается следующей тирадой: «Было бы желательно, чтобы г. Чернов на масляной неделе поставил несколько утренних спектаклей специально для учащихся – конечно, из классических пьес, например, Островского, Гоголя и других, по доступным ценам» (ТГВ. 1899. № 14. С. 4). Излишне говорить, что подобной благотворительностью труппа не занималась – классическим пьесам в Твери вообще не везло. Для учащихся действительно ставились несколько раз пьесы Островского, но ни Гоголь¹, ни Грибоедов внимания тверских театров не удостоились (постановки были в губернии, но не в губернском городе).

В № 18 Аксель появляется опять – со статьей о драматическом кружке Арсеньевых; рецензент всячески благодарит создателей кружка, выражает общее огорчение в связи с их отъездом из Твери и весьма мало рассуждает собственно о пьесах. Причина ясна – в этот последний вечер в кружке были разыграны мелодрама «Гастролерша» и шутка «От преступления к преступлению». О классиках и вообще о русской драматургии судят больше понаслышке. Вроде бы в конце XIX века были все условия для знакомства провинциальных зрителей с классическим репертуаром – и тем не менее знакомство оставалось «шапочным». В здании дворянского собрания была оборудована

---

¹ См. об этом: *Сорочан А. Ю.* Гоголь и тверская сцена // Гоголь и Тверской край. Тверь: ТвГУ, 2009. С. 94-100, а также статьи О. С. Карандашовой и Т. В. Беловой в том же сборнике.

разборная сцена, здесь в составе гастролировавших трупп выступали Е. К. Лешковская, К. А. Варламов, А. И. Южин, братья Адельгейм, А. А. Яблочкина, М. Н. Ермолова, артисты Московского театра Корша и др. Истории этих гастролей также представляют немалый интерес. Очень часто на афишах гастролеров выставлялись названия русских пьес, которые за пару дней до выступления заменялись переводными, которые пользовались у местных зрителей гораздо меньшим успехом. Такова история выступления, скажем, Ермоловой, в пьесе Онэ «Свекровь»; об этом Аксель написал гневную статью в № 13 (с. 3-4) ТГВ.

Как видим, о писателе Грибоедове тверская публика не могла судить на основании сценических воплощений его пьес. То же касалось и других классиков. В сознании провинциального читателя искусственно формировался некий образ, включавший обычно 1-2 доминантных черты. В случае с Грибоедовым эти черты названы. Неважно, что они имеют мало общего с действительностью, неважно, что действительность была сложнее и трагичнее. Журналист находит простейшие объяснения творческого пути писателя – читатель с готовностью внимает этим объяснениям. Но если бы все ограничилось только этим простейшим решением – тут рассказ можно было закончить. Нам памятливы разные интерпретации личности и творчества Грибоедова, основанные на предвзятом отношении к 1-2 теоретическим установкам социологического или формального свойства. Свести творческую биографию классика к двум простейшим тезисам – что может быть удобнее? Такое сплошь и рядом случается в XXI веке; почему бы не быть такому и в XIX-м?

Правда, есть одно важное дополнение: в 1898 году ТГВ из номера в номер печатают воспоминания Н. П. Лукина, дворянина из Пензенской губернии, принимавшего участие в Кавказской кампании. Лукин учился в институте путей сообщения, в 1824 году был выпущен оттуда офицером, в 1826 году назначен в строительный отряд в Грузию. Военная карьера Лукина была вполне успешной, хотя и не особенно выдающейся. К началу 1840-х он занял пост начальника Военно-Имеретинской дороги;

вышел в отставку подполковником корпуса путей сообщения. Умер он, как сообщалось в ТГВ (№ 113. С. 4), в 1850 году.

Записки Лукина были переданы в редакцию его внуком, общившим о близком знакомстве мемуариста с декабристами. Впрочем, мемуары этого никак не подтверждают. Работал над текстом Лукин в 1842-1848 годах; публиковавшиеся отрывки посвящены событиям 1822-1829 годов. В мемуарах, в частности, описана единственная встреча Лукина с Грибоедовым:

«...Через два месяца я был командирован в Дарьял для постройки моста через р. Терек. В половине марта <1828> я выехал из Тифлиса и ночевал в Душете. На другой день рано, выехав оттуда, я поднимался верхом (в то время почт еще не существовало) на глинистую гору, у подошвы которой лежит город, и был достигнут толпою всадников, ехавших по одной со мной дороге. Это был Грибоедов, который вез в Петербург трактат Туркманчайского мира¹. Я присоединился к нему и доехал с ним до Екатеринограда, где оставались мои люди. Никогда я не забуду этого путешествия и творца «Горя от ума»! Дорога сближает людей, и несмотря на разность лет наших², я с восторгом слушал умные, иногда восторженные, но чаще едкие суждения Грибоедова. В Ларсе нас встретил Огарев³, у которого мы пробыли несколько часов во Владикавказе, а потом отправились далее. Вскоре я переселился во Владикавказ, откуда часто ездил в Дарьял, где строился мой мост» (ТГВ. 1898. № 123. С. 5).

Этот фрагмент воспоминаний был написан в 1844 году. Здесь Лукин с восторгом пишет об остроумном сочинителе. Не-

---

¹ Явная ошибка мемуариста: речь явно идет не о марте 1828 года, а о феврале. См.: Пиксанов Н. К. Летопись жизни и творчества Грибоедова. 1791-1829. М.: Наследие, 2000. С. 108.

² Лукин, как можно понять из опубликованного текста мемуаров, родился в 1803 году.

³ Огарев Николай Гаврилович, полковник, начальник Военно-Грузинской дороги. Грибоедов был хорошо знаком с Огаревым, останавливался у него по пути во Владикавказ. См.: Пиксанов Н. К. Летопись жизни и творчества Грибоедова... С. 129.

сколько иное представление о Грибоедове создает мемуарист во фрагменте текста, созданном двумя годами позже. Этим текстом публикация мемуаров Лукина в ТГВ завершилась. Таким образом, рассуждение о судьбе великого человека становится своего рода итогом размышлений мемуариста о пережитом и увиденном: «На обратном пути в Ставрополь я узнал о мученической смерти Грибоедова. Он убит возмущившейся чернью в Тегеране. Поводом к возмущению, как рассказывают, была ссора посольских людей на базаре; другие говорят, что эта ссора была следствием подстрекательства высших властей, в особенности английского посольства. Русское посольство истреблено совершенно; остался в живых только секретарь Мальцов, спрятавшийся в каминную трубу. Грибоедов, женившийся в августе 1828 г. на знаменитой тифлисской красавице Нине Чавчавадзе, оставил в Тавризе молодую жену свою беременною. Она вскоре возвратилась в Тифлис, куда через несколько времени привезли прах Грибоедова, покоящийся теперь на горе у церкви св. Давида. Государь, ценя достоинство и заслуги Грибоедова, пожаловал вдове его 5000 руб. ассигнациями пожизненного пенсионна и 30000 руб. единовременно. Сию последнюю сумму Грибоедова употребила на сооружение надгробного памятника своему мужу. Русская литература потеряла в Грибоедове одного из блистательнейших своих представителей. Таковую же потерю, быть может, понесла и дипломатия, для поприща которой Грибоедов, как нам кажется, имел намерение посвятить себя исключительно. Грибоедов умер 33-х лет от роду» (ТГВ. 1898. № 139. С. 5).

Этот пассаж замечателен не столько осведомленностью мемуариста, сколько выводами, которые Лукин сделал. Рассуждение о возможном превосходстве Грибоедова-дипломата над Грибоедовым-поэтом не осталось незамеченным. Отклик на смерть Грибоедова явно продиктован стремлением возразить Лукину, изложить иную, литературоцентричную трактовку судьбы гения. Так появилась статья Акселя. Но почему же эта статья, призванная восстановить справедливость, оказывается еще более догматичной, чем мемуары кадрового военного? По-

чему формируется у читателя такое упрощенное представление о судьбе поэта и о финале этой судьбы? Почему краткому изложению фактов (достаточно красноречивых) провинциальный журналист (судя по всему, далеко не бездарный) предпочитает схему?

Для ответа на эти вопросы уже мало материалов ТГВ. Созданный Акселем образ Грибоедова находит любопытные соотвечствия в других юбилейных текстах, сочиненных тверскими литераторами на случай печальных годовщин. Приведу лишь один пример, связанный с именем Пушкина. В 1879 году преподаватель Тверского юнкерского училища Николай Стратилатов пишет стихотворение «На смерть Пушкина». Вообще Н. А. Стратилатов – автор стихов неподцензурных (полное собрание его эротических виршей – около 300 – готовится к изданию)¹. Но на протяжении многих лет он пытался пробиться в печать, отсылая свои приличные стихотворения и рисунки в юмористические журналы. Последняя – и наиболее амбициозная – попытка связана с переделкой стихов на смерть Пушкина, отсланных в журнал «Будильник» в 1881 году под названием «6-е июня»:

При кликах радости, без треску барабана
Опять пришел в народ великий образ твой.
Давно тебя мы ждем: все почему-то «рано»
Нам ставилось в ответ суровую судьбой.
Но движется земля, и в мире нет застоя;
Не дремлет жизни дух; не спим – живем и мы.

---

¹ См. другие публикации текстов Стратилатова в моих статьях: 1) Тверской Барков // Караван–Лоция (Тверь). 2001. № 15 (65). С. 6, подпись: С. Бархатов; 2) От «бутылочки» к «штофу с простым вином» (Вино в жизни и стихах провинциального эпикурейца) // Мотив вина в литературе: Материалы научной конференции. Тверь, 2001. С. 46–48; 3) “Русские мушкетеры” против “Русских женщин” // Чудовский сборник. Великий Новгород, 2001. С. 116–120; 4) Пушкинские материалы в архиве А. Г. Щербакова // Тверской край – душа России. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2005. С. 160–163, а также в издании, включающем фольклорные стилизации поэта (Эротоманевры Николая Стратилатова. Тверь, 2004), и в настоящем сборнике.

И гибнет в радость нам то «рано» роковое,
Что взято из трущоб гниения и тьмы.
И вот пришла пора: тень славного поэта
За должной славою пришла чрез много лет.
Певец великий наш! Певец любви и света!
Свободный, искренний прими от нас привет.
Не лирою одной «любезен ты народу»¹,
Не одному певцу несем мы ряд венков:
Ты воин доблестный за правду и свободу!
Славнее воина картечи и штыков.
Твой меч был не стальной. Но что стальное жало?
Проржавеет насквозь и обратится в прах...
Лишь слово истины гремит, не уставая,
И будет жить вовек врагам своим на страх.
Не уставал и ты: не в просьбах и молитвах
Святому знамени искал ты торжества.
Твой полк, герой-певец, погиб в неравных битвах;
Но живы знамена, и армия жива!...

Отметим, что текст Стратилатова свидетельствует о неплохих версификаторских способностях. Несомненно, важен этот отклик одного из тверичан на пушкинский праздник. Хотя местная печать практически не отреагировала на пушкинские торжества, многие не чуждые культуре обыватели к ним отнеслись весьма серьезно. И автор, отсылая текст в юмористический журнал, тоже серьезен. Думаю, не качеством стихотворения или «провинциальностью» автора это сочинение не устроило «Будильник». Если заглянуть в журналы тех дней, то обнаружится запредельно низкое качество юбилейных стихов. Нет, гораздо важнее, что военный автор оперирует военной фразеологией. Пушкин в его сознании обретает скорее лермонтовский облик. Подмена истинного образа воображаемым в «6 июня» и впрямь разительна. Мотив же борьбы, сражения заимствуется из поэзии 1860-70-х годов – причем не у Некрасова, с творчеством которого Стратилатов был хорошо знаком (как явствует из

---

¹ Цитата из стихотворения Пушкина «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» (1836).

поэмы «Русские мужчины»¹, а скорее у Бенедиктова, автора «Борьбы», «И ныне» и прочих стихов аналогичной направленности. Интерпретация пушкинского направления как военной колонны с полководцем-гением во главе как минимум прямолинейна. И она, конечно, редакцию не устроила.

Однако провинциальные читатели действительно выстраивают всех классиков в колонну и представляют их марширующими куда-то бойцами. В случае со Стратилатовым можно найти объяснение – автор стихов мыслит категориями военной службы. Но вот дипломат Грибоедов в заметке Акселя «самоотверженно работал и бесстрашно дрался», «пробился из Персии с толпой русских пленных»... Литератор оказывается героем, причем образ героя строится с оглядкой на героев войны – чем бы литератор в жизни ни занимался. Классик героически сражается и гибнет; он – воин и вождь... Возражения на мемуары Лукина не получается; на смену одному упрощенному образу приходит другой, еще более примитивный. Поэт-боец, сражающийся с обстоятельствами и гибнущий под гнетом таковых – вот единственно возможный юбилейный штамп. Поэтому юбилейные материалы о Грибоедове, Пушкине, Лермонтове, Гоголе на страницах провинциальных изданий так похожи друг на друга. Берутся одна, много две биографических черты, на них накладывается схема военного героизма – и разглядеть за получившейся завесой живого человека уже невозможно. Аксель искренне радел о постановке грибоедовских пьес в провинции – но нужны ли были эти пьесы, разрушавшие культивируемый журналистами облик? Произведения Грибоедова, признанные гениальными, становились таким же обязательным аксессуаром, как героическая служба и трагическая гибель. Описание жизни классика, построенное по готовой схеме, удовлетворяло аудиторию и соответствовало запросам культурной части публики. В советской прессе этот процесс продолжался... Но разговор о дальнейшей формализации темы «смерть классика» следует отложить до другого раза...

---

¹ См. об этом: *Сорочан А.Ю.* «Русские мужчины» против «Русских женщин» // Чудовский сборник. Великий Новгород, 2001. С. 116-120.

Взгляд со стороны

Цивилизация и дикость: *Тверь в путевых записках иностранцев*

Иностранные путешественники неоднократно посещали Тверь: в XVI – XVII веках эти визиты легко объяснимы. Основные маршруты торговцев и дипломатов (в Москву и Новгород) пролегали как раз через Тверь. И сохранилось немало материалов, дающих «чужое» представление о городе. И в дипломатических реляциях, и в документах, и в путевых заметках сохранились самые разнообразные сведения о древней Твери. Первый свод подобных материалов подготовил в середине XX века И. И. Соколов¹. Однако задача краеведческого описания была ограничена собиранием «источников для изучения быта древней России» (119). Именно поэтому разнородные и разножанровые тексты не получали целостного осмысления. А вместе с тем, как мы увидим, подобное осмысление вполне возможно.

Очень важно понять, какой увидели Тверь европейские путешественники, какое представление об этом городе складывалось за пределами России, но необходимо узнать и другое: как впечатления иностранцев могли повлиять на представление о Твери в пределах самой России. Почти все рассматриваемые тексты были переведены на русский и опубликованы в XIX веке; и мнения иностранцев, которых было немало, способствовали формированию определенного имиджа города, входящего в

---

¹ *Соколов И. И.* Тверской край в XVI-XVII вв. по описаниям иностранцев / Подготовка текста и примечания П. Д. Малыгина, М. В. Строганова, А. Ю. Сорочана // *Литература Древней Твери в контексте русской культуры.* Тверь: Золотая буква, 2002. В дальнейшем тексты иностранных путешественников, кроме оговоренных случаев, цитируются по этому изданию с указанием страниц в тексте; использованы также некоторые примечания из данной публикации. Воспроизведение текста И. И. Соколова в издании «Древняя Тверь – реальная и книжная» (Тверь: Золотая буква, 2003) неудовлетворительно (публикация осуществлена со значительными сокращениями).

состав государственной общности: для жителей империи «необходимо осознать коллективное существование как таковое»¹. Для западных путешественников регион представляется частью государства, для позднейшей аудитории тексты путешествий становятся основой представления о целостности империи. Какими средствами воспользовались путешественники (и переводчики их текстов), чтобы включить образы регионов в подобную целостную картину – особый вопрос, прежде не привлекавший внимания². Поэтому необходимо рассмотреть, как осуществлялся подбор деталей в путевых текстах, как информация о городе становилась основой для создания читательского впечатления и каким могло быть это впечатление. Поэтому в данном очерке не будет обширных исторических экскурсов³ – анализируются не исторические источники, а тексты весьма разнообразных травелогов⁴.

Тверь в записках иностранцев упоминается неоднократно и в самых разных контекстах – подчас весьма необычных. Западным и восточным гостям хорошо известен этот город, но никогда он не попадает в перечни наиболее укрепленных, богатых,

---

¹ *Hobsbawm E.* Nations and nationalism since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge, 1990. P. 38.

² Только П. Д. Малыгин использовал тематический принцип для характеристики впечатлений европейцев, выделив следующие группы: размеры, экономика, визуальная привлекательность, общероссийская значимость, политическая история Твери (Западноевропейские дипломаты и путешественники XVI-XVII вв. о Твери // Тверская старина. 2009. № 29. С. 3-9). Нетрудно заметить, что подобное описание раскрывает историческую основу путевых текстов, но лишает их эстетического своеобразия.

³ Биографии упоминаемых далее путешественников см.: *Малыгин П. Д.* Библиографический словарь западноевропейцев XVI – XVII вв., писавших о Твери // Тверская старина. № 29. 2009. С. 9-15. Далее в настоящей статье указываются только даты создания путевых текстов.

⁴ О современном состоянии изучения литературы путешествий см., напр.: *Offord Derek.* Journeys to a graveyard: perceptions of Europe in classical Russian travel writing. Dordrecht: Springer, 2005 (International Archives of the History of Ideas. 192), а также мою рецензию на данное издание: Новое литературное обозрение. № 97 (3'2009). С. 387-391.

сколько-нибудь значительных (единственное исключение – текст Антонио Поссевино). Сравнительно редко Тверь называется центром производства каких-либо товаров. К примеру, в записках Джильса Флетчера (1588–1589) называются основные статьи экспорта из России. Отчет довольно подробный; Тверь в нем упоминается единожды: «Лучшее сало производится в областях Смоленской, Ярославской, Угличской, Новгородской, Вологодской, Тверской и Городенской»¹. Большинство не упоминает даже о развитии кузнечных ремесел; исключения, впрочем, есть – у Я. Рейтенфельса (1670–1673): «Тверь, знаменитая кузнечным производством, которым она занимается более, чем остальными ремеслами², и обилием хлеба, орошается весьма удобно тремя реками: Махою³, Тверцою и Волгою».

Впрочем, некоторые авторы дают и описания военного могущества Твери: «Есть и княжество, или земля Тверская, откуда на войну выходят не менее сорока тысяч вооруженной знати. Столица этого княжества называется Тверь (Twerd). Это большой деревянный, выстроенный из бревен город. Там сто шестьдесят деревянных церквей, замок, тоже деревянный, а в нем девять молелен, или церквей⁴. Главная из них – церковь Спасителя, каменная⁵. Под городом и замком протекает широчайшая река Волга» (122). Следует сделать одно очень важное замечание – автор этих строк Матвей Меховский сам в Твери не был; для иностранцев, пишущих с чужих слов, весьма свойственны подобные преувеличения. Сравним с текстом Альберта Кампензее (1524): «К северу и северо-востоку с княжеством Московским сопредельно Тверское княжество, превосходящее пер-

---

¹ Флетчер Д. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1992. С. 32.

² См.: Бахрушин С. Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 63–64.

³ Речь идет о реке Тьмаке.

⁴ Ср.: Малыгин П. Д. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001. С. 83.

⁵ Спасо-Преображенский собор, построен в 1285–1290 гг., перестроен в 1634–1635 и 1689 гг., взорван в 1935 г.

вое своею обширностью. Главный город Тверь, при знаменитой реке Волге или Ра, весьма обширен и гораздо пространнее самой Москвы. В Тверском княжестве считается сорок тысяч всадников из бояр, а из простолюдинов можно, в случае нужды, набрать вдвое или втрое более»¹ (130). Или в «Сказании светлейшему герцогу Тосканскому...» Я. Рейтенфельса: «Этот город очень долго имел своего отдельного князя, который нередко открыто, военною силою, отражал войско царя. К тому же он и не мал, хотя защищен деревянною только оградой. Мы видели его по дороге из Новгорода в Москву вместе с Торжком, соседним городом» (166-167).

Иностранцы, побывавшие в Твери лично, как правило, менее восторженно оценивали город. Скажем, в знаменитом путешествии Сигизмунда Герберштейна (1526), находим следующее: «Тверь, или Отверь (Otwer)², некогда обширнейшая область, одно из великих княжеств России, расположена на реке Волге, отстоит от Москвы на тридцать шесть миль на северо-запад; это большой город, посредине которого протекает Волга. На одном берегу, где Тверь ближе к Москве, имеется крепость, напротив которой вливается в Волгу река Тверца (Twertza), по которой я и приплыл в Отверь, а на следующий день поплыл по реке Ра³. Этот город был местопребыванием епископа⁴ при жизни Иоанна, отца Василия, когда Тверским княжеством управлял великий князь Борис⁵. Впоследствии московский государь Иоанн Васильевич женился на его дочери Марии и прижил с нею, как

---

¹ Далее при перечислении владений и княжеств, принадлежащих Москве, упоминаются княжества Хельмское, Цубецувожское и Климское – т.е., вероятно, мелкие тверские удельные княжества: Холмское, Зубцовское и Клинское. Ср.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 239..

² Форма *Отверь* – результат агглютинации конечной гласной предлога *во* (*во Тверь, во Твери*).

³ Название р. Волга у античных авторов

⁴ Замечание Герберштейна неясно, так как Тверь была резиденцией епископа со второй половины XIII в.

⁵ Борис Александрович княжил с 1425 по 1461 г.

выше сказано, первородного сына Иоанна¹. По смерти же Бориса ему наследовал сын его Михаил², которого впоследствии зять его по сестре (sororius, Schwager), великий князь Московский, лишил княжества, и Михаил умер изгнанником в Литве» (125-126). Здесь указание на внешнюю обширность и величие служит лишь фоном для характеристики падения Твери. Все могущество города осталось в прошлом, «ныне» он упоминается лишь в связи с Москвой.

Именно поэтому в изображении Твери часто возникает антитеза величия природы и неустройства, запустения в окружающем ее мире: «...через семь миль достигли славнейшей реки Волги, а также княжества Тверь. Здесь мы взяли судно побольше и поплыли по Волге; через некоторое время мы прибыли к такому месту реки, где она замерзла и была заполнена обломками льда. С величайшим трудом, обливаясь потом, пристали мы в одном месте. Лед смерзся высокой кучей, и мы едва выбрались на берег. Оттуда сухим путем добрались мы до крестьянского дома, там нашли небольших лошадей и на них прибыли к монастырю святого Илии³. Переменив здесь лошадей, мы добрались до городка Городни (Gorodin)⁴, расположенного на Волге, в трех милях (от монастыря)» (Герберштейн, 128). Вообще описания провинции часто включают указания на бытовые неудобства, но тверской материал демонстрирует это особенно ярко. В прошлом город процветал, в настоящем – путешественник наблюдает упадок и разрушение; в прошлом величие природы могло найти соответствие в мире людей, теперь

---

¹ Впоследствии, после присоединения Тверского княжества к Москве, управлявшего Тверью в 1485–1490 гг., умер и погребен в Москве в 1490 г.

² Тверской князь в 1461–1485 гг., умер в Литве около 1506 г.

³ Имеется в виду Ильинский Отроковичский монастырь в 6 км выше Городни на правом берегу Волги. До сих пор считалось, что первое упоминание о нем относится к 1577 г. (Материалы для истории Тверской епархии: Упраздненные монастыри. Тверь, 1898. С. 37). Герберштейн, однако, говорит о нем минимум на 60 лет ранее.

⁴ Крупный в то время населенный пункт на реке Волге в 33 км к юго-востоку от Твери.

разница очевидна: природа по-прежнему величественна, а мир вдали от столиц пребывает в неустроенности. Еще ярче эта идея прослеживается в описании посольства Я. Ульфельда (1575): «...13 числа августа ехали мы в колясках и на лошадях в Торжок, расстоянием от вышеупомянутого места в семи милях. Оной город стоит на ровном месте и веселом, при реке Тверце; дома в нем деревянные по российскому обыкновению поделаны. Здесь слуги наши жажду свою медом первый раз несколько утолили, которые долговременный уже голод и труд, как выше упомянуто, сносили.

Оттуда 14 числа <августа> поехали мы и прибыли в Тверь, за двенадцать миль отстоявший; сей город в прежние времена был купечественный, торговый, весьма богатый, а нынче совсем обнищал и пришел в крайнее почти убожество, потому что в оном было жилище убитого князя, то есть брата великого князя; крепость была когда-то обнесена рвами, валом и каменной стеною¹, но теперь так уже опустошен, что и следов каменной стены не видно; отсюда переезжают в Казань и Астрахань, а после в Каспийское море чрез реку Волгу, текущую на восток солнца.

Когда туда ехали мы, сказать не возможно, какую нужду терпели; ибо того дня с утра до самого вечера едучи двенадцать миль, уехали; приставы на дороге все, что к съестным запасам надлежало, говорили, что есть, но солгали, как и прежде часто, понеже ничего не было промышлено; сверх того, изнуренным нам от голоду квартиры, совсем разоренные и непокрытые, где мы, голодны и утруждены, принуждены были до завтрашнего дня отдохнуть, что и неудивительно было нам, ибо нигде во всей России не видели хозяина и на всех местах, в которых мы въезжали на двор, дома были пустые, и людей и скота не было в них, так что едва поверить мог я, чтоб нашлось какое государство, не разоренное неприятелем, которое в больший беспорядок приведено бы было, нежели сие государство» (135). Изо-

---

¹ В средневековье в Твери была деревянная крепость. Ульфельд, видимо, получает неверную информацию.

бражения Твери и Торжка, как мы увидим, повторяются у путешественников весьма часто. И все иностранцы противопоставляют «красивый» и «хороший» Торжок «запустелой» и враждебной Твери. Нечто подобное видим в описании двух соседних городов Адама Олеария (1634):

«...прибыли к городку Торжку¹. Он лежит с правой стороны дороги, немного поодаль ее, и окружен забором и бревенчатыми укреплениями. Здесь находят хороший хлеб, мед и пиво. Так как нас не пускали в город, но поместили в нескольких домах перед городом, то господа послы велели на зеленом холме устроить хижину из зеленых ветвей: здесь они пообедали и переночевали кое с кем из своего люду.

На следующий день мы перешли через две речки: одну сейчас же за Торжком, другую в 2 верстах от Медной². Вечером были мы перед Тверью, в 12 милях от Торжка. Тверь несколько больше Торжка и лежит на холме за рекою; это епископская резиденция; здесь, как и в Торжке, имеется воевода. Перед городом соединяются, образуя довольно широкую реку, река Тверца, от которой город имеет свое название, и Волга, протекающая 600 немецких миль через Россию и Татарию и впадающая в Каспийское море. Здесь нам пришлось переправляться на плоту, и нас поместили за городом в мызе³. Так как здесь последний ям, то нам дали свежих лошадей, которые должны были окончательно доставить нас в Москву» (153). Здесь путешественник избегает прямых оценок; тем не менее пребывание в Торжке описано так, чтобы создать атмосферу определенного уюта. В Твери ничего подобного нет. Одни путешественники считают, что Тверь больше Торжка, другие – наоборот; но в городе, утратившем природную независимость, как правило, неуютно. В любом случае все провинциальные города – лишь помеха на пути к Москве, остановки в них – случайность, а место

---

¹ Городком здесь именуется крепость или кремль Торжка, а не весь город.

² Речь идет о переправе через Тверцу под Торжком и через Тьму перед Медным.

³ Речь идет об одном из посадов Твери: Загородье или Затьмачье.

их в новейшей для путешественников истории весьма сомнительно.

Малейшие помехи в путешествии вызывают весьма суровые комментарии; в таких случаях автор не скупится на негативные оценки, подбирая детали так, как Я. Ульфельд: «Сентября 3 числа прибыли мы в Торжок и пребыли там до другого дня, потому что ни лошадей, ни колясок не могли достать, ибо научились новые наши приставы от других, которые провожали нас в слободу, деньги взимать от градских начальников, чтобы лошадей их не брать в подводы; и так должно было нам на тех же лошадях далее ехать, на которых туда ехали, и хотя уговаривали мы их, чтобы, смотря на других пороки, исправлялись сами, дабы не попались в такое же подозрение (ибо после нашего отъезду содержались иные под караулом за воровство, которое они на дороге делали, и не прежде их отпускали, как высекши плетью и доправив семьсот талеров штрафа, и, так худым образом приобретенное худо и расточено), однако несмотря ни мало на увещание наше, в том же воровстве попадались, итак можно об них заключить, что они беззаконнее всех людей на свете» (136).

Оценки городов на тверской земле скорее пренебрежительны. Вот как этого добивается А. Поссевино (1581): «Но уже гораздо малочисленнее народ в Твери¹, которая издали производит впечатление большого и красивого города. На самом деле, она не окружена стенами, хотя имеет значительное количество разбросанных повсюду домов, она почти не испытала потерь на войне и нападений врагов²» (138). Итак, жителей в городе мало, укреплений нет, значительных событий (прежде всего военных) здесь не происходило. Путешественник с легким сердцем сле-

---

¹ Это обидное для патриотов Твери заявление, видимо, имеет под собой реальные основания (ср. данные Д. Флетчера).

² Поссевино, видимо, единственный автор, который резню, устроенную опричниками в Твери в 1569 г., не считает серьезным бедствием для города. Замечание о том, что Тверь не окружена стенами, видимо, свидетельствует о позднем (XVII в.) происхождении укреплений Тверского острога на Загородском и Затымацком посадах.

дует далее, оставляя читателю представление о non-site – «не-месте», месте, которого вроде бы и нет¹. Здесь не о чем писать – нет ничего замечательного; а внешние особенности слишком быстро забываются. Путешественник спешит в столицу и умаляет провинциальные впечатления. Иногда это принимает форму эмоционально окрашенных характеристик, как в тексте А. Гюльденстиерне (1602): «...Тверь есть тот удел, который был бы дан герцогу Гансу, если б он остался жив. Это прекрасный край, богатый хлебом, рыбный, с лугами, ловитвою и ружейною охотой. Кратчайший наш путь лежал бы на Тверь, но проводник наш Михаил Глебович не захотел везти нас тою дорогой, а повез более чем на 12 немецких или на 60 русских миль восточнее² от Твери (по ужасно дурной, отвратительной дороге), где русские прорубили и проложили дорогу через большие леса и пустыри, болота и озера, чрез которые в течение тридцати лет не проходил никто; в этом тайком сознавались сами ведущие нас русские крестьяне. К чему русские поступали тайно, Бог их ведает³.<...>

В названной Старице большая, пространная крепость; по части домов крепость имеет лишь грязные бревенчатые избынки, подобные хижинам ландскнехтов – помимо одной неуклюжей громадины, построенной со множеством шпиров и выступов, но исключительно из дерева и стоящей высоко на горе. Кругом крепости местами частокол, местами небольшие остатки стен, но больше частокол; во многих местах крепость совсем повалена ветром, равно как и часть домов и стен. Внутри этой крепости три монастыря и четыре церкви; в городе тоже много церквей и монастырей» (143-144). Описание начинается с солагательного наклонения. В дальнейшем автор подчеркивает,

---

¹ Значимость этого понятия в культурологии XX века очень велика. К сожалению, его применение к описанию русской провинции пока еще не вполне прижилось. См.: *Корнель П.* Пути к раю. СПб.: Азбука-классика, 1999.

² Ошибка автора: дорога расположена западнее Твери.

³ Вероятно, чтобы не показать датчанам Твери, еще не оправившейся после разгрома ее Иваном IV в 1569 г.

что Тверской край мог бы быть «прекрасен», если бы не... Все здесь «большое», но «ужасное» и «грязное». В прошлом «леса и пустыри, болота и озера» оставались пустынными, «дикими» и притягательными; теперь появились «отвратительные дороги» и «неуклюжие» укрепления. Провинциальные впечатления дисгармоничны, ничего хорошего на Тверской земле иноземный путешественник не видит – и ощущение дискомфорта умело передает.

За внешним вообще трудно различать внутреннее. В тексте Павла Алеппского (1655) – не европейца, но единоверца – как будто преобладает описание духовной жизни: «Мы сделали еще 90 верст, а всего от Москвы 180 и прибыли в город с крепостью, по имени Тверь. Этот город – епископия, как мы упомянули, говоря ранее об его епископе¹. Не доезжая до него, мы были встречены настоятелями монастырей², представителем архиепископа, воеводой, городской знатью и священниками с хлебом-солью, по их обычаю. Нас повели в великую, каменную соборную церковь в честь Божественного Преображения, где почивают мощи одного из князей, нового святого³. Кругом нее еще четыре церкви⁴. Помещение нам отвели в новых архиепископских кельях, которые выходят на сады и рыбный пруд⁵. Сначала явились представители от царя и поднесли прекрасной

¹ Архиепископом Твери и Кашина в 1654–1657 гг. был Лаврентий, который и совершил переложение мощей святого благоверного князя Михаила Ярославича из каменного гроба в деревянную раку.

² См.: Материалы для истории Тверской епархии: Упраздненные монастыри. Тверь, 1898.

³ Речь идет о Михаиле Ярославиче Тверском, канонизированном в 1549 г. См.: *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 171; Михаил Тверской: Тексты и материалы. Тверь, 2002. С. 8.

⁴ Церкви Михаила Архангела, Георгия, Николая Чудотворца и Благовещения (Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Тверь, 1901. С. 11).

⁵ См. об этом: Тверской кремль: комплексное археологическое исследование. СПб., 2001; Колосов В.И. Прошлое и настоящее города Твери. Тверь, 1919.

рыбы разного сорта из реки Волги, протекающей подле города; потом представители от воеводы, от архиепископа и от духовенства; вместе с тем они поднесли бочонки с напитками (медом, пивом) и иконы. Нам оказывали большой почет и гостеприимство, согласно приказам, которые царь и патриарх разослали вдоль всей дороги. На колокольне этой епископии есть железные часы¹. Нам сообщили, что в ведении здешнего архиепископа состоят четыре торговых города², где живут воеводы и около 150 сельских церквей – а он еще говорит, что его кафедра очень бедна! В прошлом году был с царем (в походе) казанский митрополит, который и совершил для него службы и обедни в палатке наподобие царской церкви, а в этом году царь взял с собой здешнего архиепископа. На дороге мы встретили протопопа, который вез, по их обычаю, святую воду в восковых бутылках вместе с просфорами, чтобы поднести их царю, всему царскому семейству, патриарху и всем государственным сановникам; это, именно, была святая вода от праздника здешней церкви Преображения. Поэтому пол ее был все еще усыпан зеленой травой взамен листьев лавра, которыми греки усыпают в праздники пол своих церквей» (156). Но за описанием духовной иерархии все равно следует исчисление характеристик окружающего мира. Мир этот вновь поражает размерами и богатством, но он не упорядочен, не устроен и впечатления от него хаотичны: за упоминанием о железных часах следует жалоба архиепископа на бедность, после рассказа о святой воде в восковых бутылках (строгое соблюдение парадного обычая) следует сообщение о зеленой траве, которая является весьма сомнительной заменой лавровым листьям. Павел Алеппский так же скептически оценивает обстоятельства духовной жизни Тверского края, как западные путешественники – обстоятельства жизни светской.

Очень показателен фрагмент из «Отчета о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород, в 1603 го-

---

¹ Точная дата установки неизвестна.

² Кашин, Старица, Зубцов и Клин.

ду»: «14 <июня>, доехав оттуда до местечка Городни (6 миль), в нем отобедали. Затем, проехав еще 4 мили до села Власьева, заночевали в открытом поле.

15 достигли города Твери (2 мили) и обедали в находящемся перед городом Тверском яме. В тот же день, выехав с яма и проехав через город, переправились через реку Волгу (в ней Иван Васильевич в начале своего тиранничества, в 1570 году, безжалостно приказал утопить до 60 тысяч человек, мужчин, женщин и детей, из-за чего город этот пришел в крайний упадок, так что даже до настоящего дня не может оправиться и достигнуть своего прежнего благосостояния). Доехали до местечка Медное (6 миль).

16, переправясь через речку Тверцу, доехали до города Торжка (6 миль) и, не въезжая в город, до полуночи оставались на яме, расположенном на берегу названной речки. Это весьма приятная, отличающаяся плодородием местность.

17, прибыв на ям Выдропуск, через который протекает вышеупомянутая Тверца, отобедали и до вечера отдыхали. Вечером же, после 9 часов, отправились дальше и, проведя всю ночь в пути, 19 к утру прибыли на ям Хотилово (7 миль), где и обедали...»¹. Упоминания о Торжке, Власьева, Выдропужске связаны с характеристикой местности, в которой очевидны положительные коннотации. Здесь земли и «плодородны», и «приятны». Совершенно в иной тональности выдержано описание Твери. Центральным является объяснение упадка, в который пришел город. Даже ландшафтные характеристики связаны с негативными впечатлениями (Волга интересна только тем, что в ней утопили 60000 человек). Отметим эту цифру: в отчетах иностранцев количество жертв царского гнева все возрастает и возрастает, превосходя уже всякое вероятие. Дело не только в том, что по прошествии лет факты все сильнее обрастают слухами. Авторы подчеркивают, что благосостояние города исчезло мгновенно – и никогда не возродится. Мир Твери разрушен, на смену «дикому простору» пришел порядок, но этот централизо-

---

¹ Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 200.

ванный порядок ведет к упадку, которого не могут скрыть никакие местные «красоты».

Описания падения Твери повторяются (с разной степени обстоятельности и выразительности) у всех путешественников. Приведем наиболее подробное – из текста И. Таубе и Э. Крузе. Послание это, конечно, создано «по горячим следам» (1569), тем не менее в нем реализованы основные элементы моделирования судьбы провинциального города, заметные в большинстве травелогов: «Когда он <Иван Грозный. – А.С.> прибыл в известный большой город Тверь, который в прежние времена имел собственное правление и 30.000 войска и был в состоянии бороться с великим князем, остановился он в монастыре и приказал своим войскам обложить весь город. Монастырь этот был тот самый, куда он сослал митрополита¹, поклявшись всем духовным и светским чинам держать его там до конца его жизни. Несмотря на эту клятву, приказал он своему высшему боярину или палачу Малюте Скуратову задушить его веревкой и бросить в воду, в Волгу. Вслед за тем приказал он ограбить догола Тверского епископа², монахов и всех духовных. Граждане и купцы, ремесленники и другие стали надеяться, что грабежи не распространятся дальше. Они были вполне уверены в этом в течение двух дней, когда он прекратил убийства и грабежи, но по прошествии этого срока приказал великий князь врываться в дома и рубить на куски всю домашнюю утварь, сосуды, бочки, дорогие товары, лен, сало, воск, шкуры, всю движимость, свети все это в кучу и сжечь, и ни одна дверь или окно не должны были остаться целыми; все двери и ворота были отмечены и изрублены. Если кто-либо из грабителей выезжал из дома и не делал всего этого, его наказывали, как преступника.

Кроме того, они вешали женщин, мужчин и детей, сжигали их на огне, мучили клещами и иными способами, чтобы узнать,

---

¹ Речь идет о Тверском Отроче Успенском монастыре и митрополите Филиппе (Ф.С. Колычеве) (1507-1569).

² Тверским епископом был тогда Варсонофий II святой. Ср.: *Чередеев К.* Биографии тверских иерархов от начала существования архиерейской кафедры в Твери и до ныне. Тверь, 1859. С. 63.

где были их деньги и добро. В общем более 90.000 было задушено и в три раза больше умерло затем с голоду. После этого приказал великий князь привести к воде, к Волге, вместе с пленными немцами пленных полочан, многие из которых жили в тюрьмах и более ста в домах; они были растерзаны в его присутствии и брошены под лед. После того, как он совершил эти кровавые дела в течение пяти дней, отправился он в местечко Медынь¹, где совершил не меньше. То же самое делал он в городе, называемом Торжком, в нем в одной тюрьме сидели немцы, в другой татары. Приказав убить немцев, которые не только сидели в тюрьме, но и были закованы в цепи, явился он со своими палачами в тюрьму к татарам, где сидели знатные мурзы и господа, и приказал Малюте и другим убить также и их. Когда они спокойно вошли во двор тюрьмы к татарам, то те, узнав, что они должны были все умереть, собрали все свое мужество, разгневались и внезапно напали на русских, ранили Малюту и убили одного или двух кравчих. Один из них особенно отличился и напал на великого князя, думая покончить с ним, но счастье было против них, и все они были задушены и убиты, и весь город с монастырями и церквами был опустошен. Потом он опять выступил в путь и направился в Выдропужск², довольно большое местечко, и действовал точно таким же образом. На следующий день прибыл он в Вышний Волочек, где, пробыв один день, убил множество богатых и знатных людей. На пространстве в сорок-пятьдесят верст посылал он несколько тысяч людей, приказывая казнить, грабить и душить во всех селах, городах и местечках» (131-132). Или другой, сокращенный и более схематичный вариант у Петрея де Ерлезунда: «В этом городе много красивых церквей, монастырей и часовен, каменных и деревянных; в нем живут епископ и чрезвычайно богатые граждане и купцы, лучшие и искуснейшие во всей земле кузне-

---

¹ Имеется в виду село Медное.

² Современное село Выдропужск Спировского района

цы, которые куют железо и медь¹. Но теперь это самый разоренный город и совсем запустелый во время долговременных войн и смятений, бывших в эти годы. <...>

После того² пошел <Иван IV> в Тверь и производил там те же жестокости, как и в Новгороде: знатнейших людей в городе велел сажать в темницу, позорить их жен и девиц, богатейших граждан либо изгонял из города, либо приказывал убивать и отнимал у них имущество; некоторых женщин тоже убивал, а других велел мучить, чтобы они указывали сокровища своих мужей. Весь город был в унынии и горько плакал» (147-148). Подчинение города централизованной власти возможно лишь путем тотального уничтожения. Гибнет население (неприменно все), стирается с лица земли крепость, погибают известные люди... Жестокости повторяются во всех городах без изменений, в Твери они особенно очевидны – слишком уже велик контраст между прежним, «богатым» и свободным, и нынешним, разоренным и покоренным городом.

Сожаление о былом величии Твери, как правило, не влияет на оценки нынешнего состояния. Ян Стрейс свое описание Твери (1668) строит, умело подбирая негативные образы – теперь мы совершенно справедливо назвали бы их провинциальными:

«За лесом пошли луга и поля, а вдоль дороги стояли крестьянские дома. Вечером приехали мы в маленький город Торжок³. Он весьма населен и красив, оттого что в нем свыше тридцати церквей и часовен⁴. Здесь мы сошли с саней, выгрузили их и перенесли вещи в лодки, в которых поехали вниз по реке в Троицко-Медное, где закупили свежей рыбы, яиц и масла. Поздно вечером мы приехали в город Тверь, где протекает большая река Волга, впадающая в Каспийское море. Тверь немного больше

---

¹ О развитии в Твери железообрабатывающей промышленности в XVI – начале XVII в. см.: *Бахрушин С.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 63–64.

² Т.е. после разгрома Новгорода и похода на Псков. Указание неверно: Тверь была разгромлена ранее Новгорода и Пскова.

³ «Маленьким» Стрейс скорее всего называет не сам город, а его крепость, расположенную при впадении ручья Здоровца в Тверцу.

⁴ Ср. с описанием Торжка в тексте А. Олгария.

Торжка. Город расположен на холмике, на правом берегу реки Тверцы, по которой он и назван. Здесь протекает река Волга, оба потока сливаются вместе с ужасным шумом¹. Мы остановились на постоялом дворе за городом; а город сам не велик, в нем всего 50 домов, обнесен он деревянными стенами и башнями, снабженными четырьмя медными пушками². Здесь мы опять погрузили наши вещи на сани и въехали в лес. Как только мы немного отъехали, нам повстречались два москвитя, которые с большой наглостью подошли вплотную и намеревались затеять ссору. Чтобы предотвратить это, мы посторонились, но они не отступали, говоря: «Мы у себя дома, вы – чужеземцы и становитесь нам поперек пути» и т.д. Мы ответили, что состоим на службе его царского величества, что дорога одна как для нас, так и для них, что мы даем им свободный проезд и хотим того же. Но они не были согласны и опять приблизились к нам так, что мы прогнали их палками, чтобы освободить себе путь. Невзирая на это, они подошли к нам так близко, что капитан храбро отразил их своей испанской тростью, отчего они отпрянули назад и сразу же подбежали с топорами. Еще немного, и мы бы открыли стрельбу, но отказались от этого, потому что против этого был наш начальник, и мы направили на них большую собаку, которая не отставала, пока не вцепилась в одного из них, сбила с ног и порвала в клочья его платье и, нет сомнения, разорвала бы его самого, ежели бы мы не оттащили собаку силой. Когда его товарищ увидел это, то пустился бежать во все лапки, а собака, оставив первого, бросилась вслед за ним с такой быстротой, что скоро схватилась с ним. Москвит хотел отделаться от собаки топором, но она предупредила его и, дав ему попробовать остроту собачьих зубов, вернулась к нам. Освободившись от негодяев, мы отправились дальше и прибыли к

---

¹ Здесь речь идет о действительно большом шуме от падения воды с плотины на мельнице тверского архиепископа, находившейся на Тьмаке, близ впадения ее в Волгу.

² Пушечное дело в Твери было развито уже в XV веке; тверской пушечный мастер Микула Кречетников – своего рода культурный герой, упоминаемый во всех путеводителях и популярных изданиях до сего дня.

ночи в деревню Городню» (165-166). Поведение людей логически связано с «ничтожеством» места – механизм компенсации приобретает черты ксенофобии, что раскрывается в репликах «москвитов». Разумеется, наглецы, чувствующие себя дома, оказываются трусами и «негодьями», в своем «невеликом городе» они не могут сравняться с чужеземными гостями.

Несколько иначе описана Тверь в реляции Э. Пальмквиста (1674). Автор рассматривает русские города с позиций военной стратегии. Могущество крепостей он, как правило, преувеличивает, опасаясь недооценки возможного противника. Однако, кроме важных с военной точки зрения деталей, путешественник включает в описание и совершенно иные: «Русские сами считают Тверь ключом всего своего государства, так как именно здесь единственная переправа через реку Волгу, особенно для всех приходящих с Запада; здесь же для сего устроен особенный паром, да и река в этом месте имеет не более 300 шагов в ширину при двух сажнях глубины¹, тогда как немного ниже ширина ее сразу (после впадения в нее реки Тверцы) увеличивается до 400 шагов. Ради этого обстоятельства и большей обеспеченности государства от нашествия неприятеля русские не хотят также строить никакого постоянного моста через реку Волгу. Вот почему через Волгу не имеется никакой другой дороги, кроме парома у Твери, зимой же, когда и Волга, и Тверца крепко скованы льдом, сообщение надежно. Мне рассказывали также, что будто бы неподалеку отсюда и немного выше существует на Волге брод, почему я на пари с другим 29 мая видел сам, как один человек среднего роста действительно свободно перешел в этом месте реку и вода не достигла ему выше плеч, причем дно самого брода – прекрасный белый песок. Река Тьмака не замерзает и зимой, вследствие своего сильного течения, благодаря порогу². В городе Твери работают лучшие во всей России кузнецы и медники, а местность вокруг города

---

¹ На Руси различались прямые (152 и 176 см) и косые (217 и 248 см) сажени. По указу 1835 г. сажень была приравнена к 213 см.

² На самом деле это был не порог, а мельничная плотина.

очень плодородна» (169). В этом описании есть и указание на статус города – и на наследие прошлого, и есть закрытость этого города – обеспечивающая его притягательность в настоящем. Для специалиста по фортификации любая крепость – интересная задача, поэтому сведения Пальмквиста – не столько отчет о Твери, сколько характеристика самого путешественника. Внешнее впечатление могущества сохраняется, хотя при ближайшем рассмотрении оно оборачивается слабостью – через огромный брод можно перейти пешком... Однако цивилизованный путешественник и в наследии былой дикости обнаруживает некую цивилизацию, и в новейшей цивилизованности русских видит дикость. Поэтому так сложно обнаружить в текстах иностранцев нечто большее, нежели документальные отчеты. И вместе с тем, стремясь создать у читателей то или иное впечатление, авторы травелогов переходят от информации к описаниям. Тот же Пальмквист показывает, какое значение имела Тверь с древности и стремится доказать, что это значение сохранилось. Однако оценить это значение может только захватчик, который вступит в пределы Твери с намерением завладеть всеми названными в реляции ценностями (если их нет – незачем и писать донесения). А этого не произойдет. У Пальмквиста по сути нет оснований для противопоставления – равно могущественные державы, равно богатые области и города...

Наиболее ярко противостояние былого величия и нынешнего «цивилизованного» упадка представлено в путевых записках Мейерберга. После подробного описания величия Твери следует: «С той поры это княжество, зависимое от московских князей, стало приходить в упадок и, разоряемое в последовавших за тем междоусобиях то поляками, то шведами, выгонявшими поочередно друг друга, едва только может представить какие-нибудь остатки своей старинной славы. Так счастье, по своей изменчивой причудливости, повертывает сверху вниз города и царства на легком своем колесе» (161).

В общем, этой характеристикой мы можем и завершить краткий очерк. При создании образа Твери авторы путевых записок прибегают к антитезам, противопоставляя древнюю сла-

ву города и его современное убожество или, напротив, сталкивая характеристики двух рядом расположенных городов – могучего и слабого. «Цивилизация» и «дикость» русских получают, таким образом, двойственные оценки. В тех случаях, когда автор видел в Твери мало, он пишет (пусть и с преувеличениями) о «диком» и «величественном», в противном случае – «цивилизованном» и «разрушенном». Конечно, европейцы высоко ценят преимущества культурного, организованного общества, но в тверских разделах путешествий, они показывают, как величие города исчезает, сменяясь печальным единообразием, неизбежным, как они полагают, в централизованном государстве.

Прошлое и настоящее провинциального города: *Тверь и Псков в текстах Г. Х. Манро*

Восприятие иностранцами русской провинции – тема, давно привлекавшая немалое внимание. Сразу вспоминаются и записки Дюма, и сочинения его предшественников, неоднократно переизданные и подробно откомментированные¹. Но в данном случае меня интересует пограничный случай – описание провинции возникает и в документальных, и в художественных текстах иностранного журналиста.

Границы между двумя типами повествования – весьма условны. Однако и в научном труде, и в рассказе автор пытается воссоздать атмосферу русской провинции – с разными результатами и с разными системами оценок. Отчасти это можно объяснить ситуацией рубежа XIX-XX вв., ростом интереса к Российской империи как централизованной общности. Но это, как мы увидим, только часть более сложного целого. А описания прошлого и настоящего провинциальных регионов оказываются и тоньше, и неоднозначнее изначальных схем.

Итак, в 1904 году в Россию прибыл Гектор Хью Манро, дипломат и беллетрист, к тому времени автор ряда фельетонов и памфлета «Алиса в Вестминстере». Манро прожил здесь до 1906 г.; он отнесся к поездке очень серьезно и еще до визита в Россию создал фундаментальный исторический труд о ней, не имевший на тот момент англоязычных аналогов; в начале XX в. в Великобритании увидели свет первые из «клубных рассказов», принесших Манро широкую известность. Позднее они были собраны в книгах «Реджинальд», «Хроники Кловиса» и

---

¹ Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991.

других. Манро взял псевдоним Саки – предполагается, что он воспользовался именем виночерпия из рубаи Омара Хайама. Писатель был очень популярен до первой мировой войны; он погиб в 1916 году на германском фронте.

О визите Манро в Россию существует смутная и противоречивая информация. В письмах писателя содержатся фантастические и циничные рассказы, в мемуарах современников находятсся скупые упоминания о встречах с необычным корреспондентом¹. Но большинство сходилось в одном – к происходящему в России журналист отнесся иронически². Предубеждения писателя отразились еще в Британии, в период работы над «Становлением русской империи»³. Это было первое научное сочинение о политическом строе Древней Руси, созданное английским автором. Конечно, легко обнаружить в нем следы «имперского мышления» и комплекса «имперской безупречности»⁴. Однако отношение автора к русской провинции еще более специфично. На примере упоминаний о Твери в этой работе мы можем рассмотреть и образ Твери, формировавшийся в сознании англоязычной публики, и специфику трансформации локальной истории в текстах для «чужого» читателя.

Манро опирался на труды Карамзина, Соловьева и Полевого, но воспользовался и другими источниками. Кроме французских и немецких исторических исследований, он обращался и к текстам западных путешественников – в первую очередь, к запискам Сигизмунда Герберштейна. Стремясь «заполнить пробел» в знаниях европейцев, он сосредотачивается исключительно на допетровской эпохе. Однако следует отметить, что и древняя

---

¹ См.: *Byrne, Sandie*. Unbearable Saki. Oxford press, 2007. P. 90-96.

² Именно это отношение зафиксировано в романах и мемуарах У. Невинсона. Напр., *Nevinson H. W.* More changes, more chances. L.: Nisbet, 1925.

³ *Munro Hector H.* The rise of Russian empire. L.: Grant Richards, 1900. Далее перевод, сделанный по этому изданию, цитируется с указанием страниц в тексте работы.

⁴ Термин, вынесенный в заглавие известной работы Х. Рама: *Ram H.* The imperial sublime: Russian poetisa of empire. University of Wisconsin Press, 2003/

история – прежде всего история столиц. Сравнительно редко Манро уделяет внимание удельным княжествам. О Твери он пишет лишь в нескольких фрагментах 300-страничного труда. Мы воспроизведем все эти упоминания, чтобы продемонстрировать, в какой степени востребованной оказывалась локальная история в текстах рубежа XIX-XX веков. «Временами затихая, братоубийственная война тянулась много лет, поддерживаемая то интригами монгольского двора, то набегами и грабежами в землях Суздаля и Переславля. В этой кипящей и бессмысленной пыльной буре особенно заметен один новый элемент, независимость тверской провинции; порожденная анархией; это маленькое княжество должно удостоиться краткого упоминания в красной книге русской истории, прежде чем исчезнуть в пучине забвения. В правление юного князя Михаила Ярославича это княжество одержало верх над слабым и униженным Дмитрием Московским, сумело сохранить независимое существование и обрести устойчивость великой провинции» (108-109). Таким образом, тверская история становится «домашней»; в этот ряд «домашних войн» Манро помещает и новгородские усобицы. Упоминание Твери, при всей возвышенности стиля, носит уничижительный характер. Историка занимает только основная линия развития государства; его интересует «империя», а не страна. Это подтверждают и дальнейшие упоминания о Твери. Борьба Юрия и Михаила в изображении Манро дегероизируется; чаще всего используются слова «состязание», даже «гонка». «Москва дважды отбивала нападения тверского князя, который преуспел, однако, в утверждении своего авторитета в великом княжестве и Новгороде. После восхождения на престол нового хана, Узбека, Михаилу пришлось отправиться в Сарай, где он пробыл достаточно долго, чтобы утратить влияние на новгородцев, которые принесли присягу московскому князю, внуку их героя Невского. Это возвращение политического баланса позволило Юрию снова начать борьбу за титул Великого князя <...> Оба кандидата на великое княжение постоянно находились при дворе хана или опустошали земли друг друга с татарскими отрядами; Юрий даже заключил брачный союз с сестрой

Узбека. Князья превратились всего лишь в искателей монгольской милости <...> Что бы ни получила церковь от монгольской поддержки, князьям это не принесло ничего, кроме катастроф. Михаил сам был уничтожен силами, которые он пробудил, и Юрий испытал печальный триумф, наблюдая, как его родственника закололи приближенные хана. Шесть лет спустя Дмитрий Михайлович отомстил за смерть отца, заколов Юрия мечом в татарском лагере...» (112-113).

То же происходит и с тверским восстанием против монголов. Освободительное движение становится апофеозом трагического абсурда, порождаемого местными устремлениями. «Александр, еще один сын злосчастного Михаила, преуспел в утверждении независимости Твери и своих прав на великое княжение, но безумный акт насилия, вызванный страхом, обрушил на его провинцию, его семью и его самого всепоглощающий гнев хана. Безопасный, и в любом случае обычный, визит монгольского посланника в Тверь вызвал опасения у князя и его подданных, которые боялись, что будет сделана попытка насильно обратить их в ислам. Воодушевленный тем фактом, что чужака сопровождал всего лишь незначительный эскорт – обстоятельство, которое должно было опровергнуть все его подозрения – Александр призвал своих людей (собравшихся в Твери в большом количестве на праздник Успения) напасть на монгольский отряд и уничтожить его. Русских вряд ли можно осуждать за акт вероломства, совершенный против врага, который никогда не уважал правил чести и религии, но это действие оказалось просто преступной глупостью, и даже его героический аспект меркнет – учитывая, что Александр оставался верен хану после убийства отца и брата и решился на восстание только тогда, когда опасность угрожала ему лично. Месть Узбека была циничной; вместо того, чтобы отправить свои орды убивать и грабить провинившееся княжество, он предоставил мстить за его поруганное величие русским князьям и русским воинам. Иван Данилович Московский, с присоединившимися к нему суздальскими отрядами, охотно отправился в земли своего родича, и обрушился на них с рвением, о котором монгольскому хану оставалось

лось только мечтать. Тверской князь не пожелал разделить со своими поданными наказание, которое на них навлек, и Иван получил разрешение принять заслуженный таким образом титул Великого князя» (113-114). Героический эпизод локальной истории в истории цивилизованного государства становится нелепым, почти преступным деянием. Манро не защищает московских князей, он просто подчеркивает, что завышенные амбиции местных владык выглядят абсурдно. Британский историк не пользуется фольклорными источниками; опираясь на исследования русских авторов, он дает еще более резкие оценки – и почти всегда они касаются действий конкретных людей, в том числе и тверских князей.

Следующий фрагмент, в котором история Твери оказывается важной в контексте становления русской империи, относится к 1384 году: «Михаил из Твери, который испытывал к нему <Дмитрию Донскому> неослабевающую ненависть, не собирався разделять ни триумфа, ни бедствий Москвы, и теперь открыто планировал получить ярлык на великое княжение. Но несмотря на все потери, Дмитрий все еще оставался могущественнейшим из русских князей, и временное подчинение позволило ему возратить благоволение хана. По всем княжествам были собраны новые налоги, и юные князья – Василий из Москвы, Александр из Твери, Василий и Симеон из Суздаля – стали заложниками в Сарае. Россия пробудилась от снов о свободе – и узнала, что ее Бог еще спит» (133).

Иррациональность поступков местных князей очевидна почти везде. С этой иррациональностью приходится считаться: «Сжатый с запада и с востока двумя агрессивными и могущественными соседями, с дымящимися вулканами Твери и Рязани, готовыми в любой момент взорваться в его же землях, дипломатичный Василий мог разве что напоминать время от времени Новгороду о своей власти» (139). А дипломатия никаких успехов не обеспечивает. Особенно достается на страницах книги Борису Александровичу, который «набегами разоряет московских купцов», а потом обманом захватывает московского князя и борется за великое княжение, еще больше разоряя русскую

землю. Манро не видит оправданий действиям тверских князей; их падение кажется историку закономерным. Финальное упоминание о Твери содержится в главе «Последний из Палеологов и первый из автократов»: «...брачный союз между Михаилом Тверским и внучкой польского короля был в самом начале пресечен бдительным великим князем, и вскоре после этого тверской князь, узнав о разоблачении, вынужден был спасаться бегством от мести Иоанна. Маленькое княжество, которое столетиями было бельмом на глазу Москвы, было поглощено владениями великого князя, и Казимир с ужасом обнаружил, что его враг в результате дипломатических интриг стал сильнее вместо того, чтобы ослабеть» (159).

Независимость Твери воспринимается как досадная помеха, всякие претензии местной власти на самостоятельное значение разоблачаются историком. Манро весьма скептически относился и к английским демократическим институтам, но это было скорее презрением аристократа к плебейским развлечениям, чем серьезной политической позицией. Он верил в могущество власти, но Тверь считал нелегитимной в качестве воплощения этой власти. Местная история – лишь случайные возмущения на периферии империи, и внимание ей уделяется соответствующее. Впрочем, это не означает полной нивелировки провинциальной тематики.

После смерти писателя, в 1924 году, вышел сборник «Квадратное яйцо», включавший три пьесы и несколько рассказов, ранее публиковавшихся в периодической печати. Среди них – «Старинный город Псков» («The old town of Pskoff»), произведение «профессионального журналиста», «шедевр жанра»¹. В этом городе Манро бывал реже, чем в Твери, которую он миновал многократно на пути из Москвы в Санкт-Петербург; в «Становлении Российской империи» он упоминает о Пскове не слишком часто – однако рассказ написал именно о нём.

---

¹ *Богданов И.* Предисловие переводчика // Саки. Омлет по-византийски. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 14. Далее рассказ цитируется по этому изданию.

Манро представляет в этом тексте Россию начала XX в. страной, «где царят недовольство и беспорядок» (399). И журналисты – и русские, и иностранцы – пишут в основном о катастрофах и бедствиях. В противовес их корреспонденциям создается текст, переносящий читателя «в новую и незнакомую атмосферу» (399). Эта атмосфера оказывается в высшей степени притягательной. Для воспроизведения ее Манро не жалеет сил и средств. Перед нами не путевой очерк, так как автора не интересует собственно приближение к главному месту; все необходимые элементы, из которых складывается образ провинциального города в путевых заметках¹, в тексте отсутствуют. Только когда город, лежащий в стороне от «исхоженных троп и мест», появляется на горизонте, автор начинает свой рассказ о «старинном русском поселении, не тронутом монгольским влиянием» (400). Для Манро самое интересное в Пскове – как раз отсутствие позднейших влияний. Этого он не мог найти в Твери, все упоминания о которой связаны с монголами; это отчасти обнаруживалось в Москве, сумевшей внешние влияния преодолеть; но лучше всего наблюдать за тем местом, в котором и следов воздействия обнаружить нельзя. В городе Пскове оживает древность, все новые и новые свидетельства которой обнаруживает автор очерка вместе с читателями.

Город сохраняет все средневековые черты: он по-прежнему остается убежищем от «врагов в человеческом обличье» и от «сил тьмы». Бастионы и церкви путешественник замечает прежде всего, и для него старинные постройки в провинциальном Пскове становятся символами свободы от времени. Всё: и конструкция мостов, и архитектура жилых домов, и одежда жителей – подтверждает тезис: здесь перед нами оживает история, мы попали в иное место. «Городские жители вполне вписываются в живописную гармонию богатого окружения, принадлежащего старому миру» (401). «Принципиальная неизменяемость провинциального мира»² для автора текста не означает

---

¹ Лурье М. Л. «Весьегонск городишко пребеднейший...» // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: ТвГУ, 2001. С. 129.

² Кривонос В. Ш. Уезд-городок: миф о Ельце в русской литературе // Во глубине России. Курск: КГУ, 2005. С. 64.

застоя. Напротив, Манро подчеркивает, что город полон движения – праздничного, яркого, впечатляющего. Двигутся люди и повозки, несутся воды реки, возносятся ввысь купола соборов... И «печально-прекрасные святые места Санкт-Петербурга» (402) на этом фоне утрачивают очарование, их «гнетущая атмосфера» и «всеобщее отсутствие интереса к истории» невыгодно смотрятся на провинциальном фоне.

Теперь время заметить главное: Манро, строго говоря, создает совсем не очерк. Он ограничивает сферу своих наблюдений и сообщает об этом читателям: «У каждого свои горести, и псковитяне с их кажущимся довольством и поглощением самими собой, быть может, имеют собственные представления о том, как приблизиться к новой счастливой жизни» (401-402). Автор игнорирует то, что творится за пределами провинциального города; только в начале и в конце текста он сравнивает историю и современность, провинцию и столицу. Провинциальный город самодостаточен; мир, в который переносится читатель, фиктивен, перед нами иллюзия, создаваемая художественными средствами на локальном материале. Сам создатель иллюзии признает ее условность; но перед нами никак не очерк, не журнальная статья, а рассказ. Ибо реальный мир захолустного Пскова обретает в коротком произведении Манро иные качества, превращается в идеальный мир яркого, притягательного прошлого, в мир «вторичный», но оттого ничуть не менее изысканный. Исторический материал слишком жесток и приземлен для создания подобного эффекта. Тверь, Псков и другие русские города в монографии о русской империи предстают мрачными местами, источниками уوبيц и всяческого «нестроения». Реальный, современный автору Псков обретает идиллические черты, освобожденный от давления времени, от связей с окружающим миром, уходящий в прошлое, свободный и прекрасный... Но следует заметить, что свои возвышенные устремления Манро умело скрывал – при жизни он рассказ не перепечатывал, а представление о русской глубинке его читатели получали только из первой, «научной» и «жесточкой» книги.

Заключение

Краеведческий материал и перспективы имагологии

Литературное краеведение – объект постоянного интереса филологов Тверского региона. И данный сборник может восприниматься как продолжение давно намеченной исследовательской стратегии. Литературными судьбами тверской провинции ученые занимались вплотную еще в период проведения в Твери трех конференций, посвященных «провинциальному тексту» (1997, 1999, 2001)¹. Позднее начались исследования усадебной культуры, ряд материалов был опубликован в сборниках «Гений вкуса» (2001–2004). Подготовка упоминавшегося в предисловии учебного пособия по литературному краеведению помогла определить основные направления дальнейшей работы. Огромное значение для разработки широкого спектра проблем литературного краеведения имело серийное издание «Лажечников и Тверской край» (три выпуска изданы в 2005–2009 годах, идет работа над четвертым). Особое место занимают публикации, посвященные истории тверского краеведения (работы об Н. П. Павлове, А. М. Смирнове² и публикации из архивов отдельных краеведов³).

Вместе с тем многие методологические проблемы краеведческих исследований еще не получили адекватного освещения. И данное исследование лишь демонстрирует отдельные фрагменты будущего решения более значительных проблем. Совершенно очевидно, что намеченная программа может быть

---

¹ См. также издания по итогам конференций: Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000; Провинция как реальность и как объект осмысления. Тверь, 2001; Геопанорама русской культуры. М., 2004.

² Лица филологов. Из истории кафедры русской литературы (1919–1986). Тверь, 1998; То же. 2-е изд., испр. и доп. Тверь, 2002; А. М. Смирнов–Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования. Тверь: Марина, 2008.

³ Напр.: *Сорочан А. Ю.* Пушкинские материалы в архиве А. Г. Щербакова // Тверской край – душа России. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2005. С. 160–165.

реализована в перспективе – при обращении к обширному литературному материалу от средневековья до современности. Совершенно необходимо, собрать и выявить малоизвестные и архивные тексты, посвященные Тверскому краю, для создания максимально полной подборки источников, отражающих литературный образ региона; важна и начатая в настоящем сборнике исследовательская работа, позволяющая обосновать трансформацию литературно-краеведческой методологии на конкретном материале (литература середины XIX века, периодика первой половины XIX века). Несомненно, важен и указатель «тверских» сюжетов русской литературы. Описав локально маркированные события, привлекавшие внимание местных и «столичных» литераторов в разные эпохи, мы уже получим весьма обширную информацию о художественном образе города. Столь же важен и указатель упоминаний Твери в литературной периодике XIX века (над этим указателем уже ведется работа). Тем самым даже первый этап исследований (накопление материала) может быть продолжен – вне поля зрения остаются до сих пор многие очень важные для литературного краеведения тексты («провинциальная» публицистика 1860-х гг., сельскохозяйственные корреспонденции конца XIX века и др.) Увы, ограничиваясь «знаковыми» именами и «ключевыми» произведениями, мы не сможем во всей полноте реконструировать «тверской текст» русской культуры.

Конечно, в идеале эта работа должна завершиться созданием литературно-краеведческого пособия нового типа, в котором раскрывались бы в исторической перспективе разные аспекты образа Твери в литературе. Тогда весь собранный материал может получить единую интерпретацию. В такой монографии с учетом специфики тверского материала будет представлен новый опыт краеведения, существенно отличающийся от всех предшествующих попыток тверских исследователей. Анализ конкретных текстов будет дополнен, но одновременно будет создано целостное описание того, как соотносятся изменения образа региона в литературе с региональными культурными

процессами и каковы закономерности эволюции образа места, выявляемые на тверском материале.

Возможно, это описание нуждается в новой методологической базе. Здесь бесполезно обратиться к опыту имагологии – дисциплины, в последнее время привлекающей все большее внимание. Собственно, изучение образа места началось в англоязычных гуманитарных исследованиях (первоначально в социологии) в первой половине XX века¹. Первоначально теоретики литературы (Р. Уэллек, например) выражали сомнения в состоятельности подобных исследований. Однако теперь наука, «изучающая общественные предпочтения, зафиксированные в превалирующих образах общества и методах репрезентации этнических групп и наций»², стала вполне легитимной. Определены и перспективы литературной имагологии: «1) обнаружение и описание источников; 2) их перевод и адаптация в новой национально-культурной среде; 3) обобщение содержащихся в них фактов, реконструкция образа страны, и, наконец, 4) поиск причинно-следственной обусловленности в специфике реконструированного образа»³. Огромную важность приобрело признание диалогического характера имагологических конструкций – в их создании участвуют автор и читатель. Своеобразие межлитературного диалога определяют: «конкретно-исторические условия, мотивы вступления в диалог, тактика воздействия на оппонента»⁴.

Думается, совершенно очевидно, что от проблем национального имиджа легко перейти к проблемам имиджа локального. Тогда образ региона в литературе получит более адекватное освещение. Имагология позволит интерпретировать неизбежную сложность концепции «своего» и «чужого» в локальной культу-

---

¹ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. (первое изд. на языке оригинала – 1921).

² Zacharasiewicz W. Images of Germany in American Literature. University of Iowa press, 2007. P. 1.

³ Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж. Симферополь: Антиква, 2006. С. 54-55.

⁴ Там же. С. 80.

ре: «Желание найти в иностранных государствах совершенно «иное», экзотическое, противостоящее повседневности и обыденности, может трансформироваться в позитивный образ, противостоящий ординарности и скуке»¹. «Иное» обнаруживается и в провинции, к которой можно применить многие имагологические построения, до сих пор ограниченные сферой этнических характеристик.

Следует констатировать неоднозначность литературных интерпретаций провинции, особенно если мы рассматриваем их в новейшей перспективе, привлекая источники «со стороны». Это расширение сектора исследований позволяет поставить под сомнение часто звучащее утверждение: в литературе «в подавляющем большинстве примеров провинциальность – это изолированность, нетребовательность, отсталость, дурной вкус, грубость, пошлость, бедность, лень»². Бесспорно, облик провинции гораздо сложнее и неоднозначнее: различные варианты провинциального мира требуют детального описания, систематизации, которая поможет в итоге создать карту литературных провинций. Их образы меняются, меняются оценки и интерпретации, меняется степень актуальности и востребованности. Тверской материал здесь очень важен. Можно рассуждать о трансформации исторической роли региона, о его уникальном географическом положении, о связанной с этим специфике местной культурной жизни – но следует найти адекватные научные формулы для исчерпывающего описания того, как образ региона обрел «зримые черты».

Конечно, следует учитывать имагологическую специфику провинциального материала. Аспект мифологизации, очень важный в представлениях о чужих народностях, в связи с русской провинцией имеет несколько иное значение. Здесь мифологизируется не *иное*, а *свое*, создается описание вроде бы близкого, но в то же время сложного и труднодостижимого ми-

---

¹ Zacharasiewicz W. Images of Germany in American Literature. P. 4.

² Савкина Ирина. Русская провинция: культурные концепты и опыт повседневности // Во глубине России. С. 241.

ра. Вместе с тем образ провинциального города, конструируемый литераторами, может в значительной степени удаляться от реальности – точно так же как вымышленный литераторами регион может с этой реальностью сближаться¹.

Традиции локальной культуры обретают подчас символическое наполнение, как в случае с Новгородским краем: «...Новгород стал носителем двух основополагающих – и по видимости противоположных – символов. С одной стороны, это был символ русской государственности... С другой стороны, Новгород стал символом русской республики»². Разумеется, подобные процессы уже определяют два типа создания и восприятия локального текста. Литературно-краеведческое исследование не может игнорировать исторические конструкции данного типа.

Но в нашем случае подобные символические линии определить как будто не удастся. Тверь была соперницей Москвы, а стала всего лишь станцией между двух столиц – но и это представление не является основным. И авторы – «свои» и «чужие» – данным представлением не ограничиваются. Одни (как Лажечников) подчеркивают «провинциальность» города, именно в этом обнаруживая великий запас нравственных сил. Другие иронизируют над «тихой» Тверью, оценивая те же самые статичные черты негативно. Иногда можно найти прямолинейные, «простые» объяснения создаваемых образов (например, в статьях о Мещерском и об исторической прозе). В других случаях (тексты Шелехова, Коншина, Саки) возникают более сложные, непрерывно меняющиеся конструкции. В целом существующее в имагологии разделение «сравнительно стабильной концепции собственной группы (автостереотип) и описаний “других”, с которыми контактирует эта группа (гетеростереотип)»³, весьма

---

¹ См. чрезвычайно важное исследование, прямо посвященное этому вопросу: *Goldsworthy V. Inventing Ruritania: The Imperialism of the Imagination*. NY, 1998.

² Новгородский край в русской литературе. С. 5.

³ *Zacharasiewicz W. Images of Germany in American Literature*. P. 5.

продуктивно. Провинциальные авторы создают представление о себе, обитатели других регионов создают образ данного региона уже как «чужого». С одной стороны, вполне логично разделение «образа региона» (чужого) и «региональных образов» (своих), но нельзя забывать об их теснейшей внутренней связи. Здесь изучение провинциального материала (не в последнюю очередь тверского) может быть методологически весьма полезным.

Ведь в последнее время имагология все чаще ограничивается изучением литературы путешествий. А вместе с тем осмысление общностей – «своей» и «чужих» – может продуктивно продолжаться на материале других литературных жанров, если мы будем расширять пределы применения данной концепции. Образ провинциального региона становится и «авгостереотипом» (для жителей региона) и «гетеростереотипом» (для представителей иных регионов). Конструируют этот стереотип и сами авторы, и читатели, вступающие с авторами в диалог. Разрушение одних стереотипов ведет к созданию новых: переоценка ценностных категорий тоже весьма важна. Идеи культурной (и политической) автономии местности получают в разных текстах весьма интересные интерпретации – где-то авторы дают практические рекомендации, где-то ограничиваются нравственными установками. Но развитие этих установок приводит к формированию новых статичных категорий, полностью исчерпывающих жизнь региона. Все это весьма любопытно меняет и перспективу исследования местных текстов (периодика, архивные источники, «домашняя» и «усадебная» литература) и позволяет вписать в новые контексты произведения уже известные.

«Гетеростереотип», о котором речь шла в первом и третьем разделах сборника, в случае с русской провинцией образован чаще всего с использованием антитезы; дело не только в том, что образ региона противопоставлен образу другого региона. Этот образ еще и внутренне противоречив. Иностранные путешественники Нового времени интерпретируют провинциальный мир, используя взаимоисключающие характеристики. Однако имагологическое исследование указывает, что противопо-

ложности сталкиваются и в описаниях региона, создаваемых русскими авторами, представляющими иные локальные общности. Изображение Твери в текстах Мещерского, в исторической прозе, на страницах журналов убеждает в этом. Напротив, «автостереотип» однороден, в нем нет внутренних противоречий; локальный текст выстраивается как гомогенная структура (Стратилатов, тверские журналисты и т.д.). И здесь очень важно учитывать, что один и тот же автор в разное время может выступать как «местный» и как «чужой».

Показателен пример с известными литературными именами. Столичные авторы приезжали в Тверь уже сложившимися людьми (Измайлов, Коншин, Лажечников, позднее Салтыков) – и чиновниками, и писателями. Одни прожили здесь несколько дней, другие – несколько десятилетий, и только к накоплению новых впечатлений свести эти годы невозможно. Многие литераторы впервые тесно соприкоснулись с культурой усадьбы и культурой губернского города. Авторы не столько «увидели Россию», сколько обнаружили новые углы зрения... Им пришлось отказываться от созданных автостереотипов – и этот процесс был и труден, и весьма познавателен.

Столичный литератор мог оказаться провинциальным, и двойственность этого положения находила отражения в личных и творческих судьбах, которые мы подчас игнорируем. Любопытно в случае с Тверью соотношение провинциальной и усадебной культуры, тоже попадающей в имагологическую сферу. Между столицей и провинцией положение усадьбы представляется неустойчивым. И здесь напрашивается параллель с положением Твери – между двух столиц.

Литературное краеведение, таким образом, позволяет не только раскрыть специфику определенного региона, но и изучить общие закономерности культурного развития в самых сложных – переходных – сферах. Положение литератора, оказывающегося в Твери или обращающегося к локальной тематике, оказывалось исключительно сложным: между Москвой и Петербургом, между столицей и провинцией, между массовой и элитарной литературой, между усадебной и городской культу-

рой... Мы попытались обнаружить причины и следствия такого положения – и литературное краеведение по-прежнему предоставляет для продолжения поисков неплохие возможности.

Разумеется, в этом кратком тексте намечены лишь некоторые возможности такого продолжения. Появятся новые материалы – и не исключено появление новых сборников подобного типа. Однако только сбором и описанием материалов дело ограничиться не может. И вполне логичен следующий шаг – создание опыта «литературоведческой имагологии» на тверском материале. Думается, применение нового инструментария будет полезно для краеведения, будет способствовать решению многих вопросов, поставленных во введении и в отдельных статьях, вошедших в сборник. Образ Твери создавался в литературе на протяжении многих веков – как местными, так и сторонними авторами, как заинтересованными наблюдателями, так и случайными свидетелями. Кажется, изучены далеко не все этапы построения и изменения этого образа. И в сфере исследования попадают все новые имена и понятия. Хочется надеяться, что целостное описание всего комплекса проблем, связанных с художественным образом региона, нам еще предстоит. Для создания имиджа Твери – здесь и сейчас, в начале XXI века – такое описание было бы необходимо.

Научное издание

Александр Юрьевич Сорочан

Тверской край в литературе:
образ региона и региональные образы

*На 1-й странице обложки – Тверь. Вид от реки Волги в сторону
Белой Троицы. 1840-е гг. (Изд. Дациаро).*

*В оформлении книги использованы: гравюры из альбома Мейербер-
га, страницы журналов XIX в., фото рубежа XIX-XX вв.*

Подписано в печать 20.08.10. Формат 60x84 1/16.

Бумага типографская. Объем 10,5 п. л.

Тираж 200 экз.

Издательство М. Батасовой

(4822) 450–459, 8 920 684 6879

Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»

170000, г. Тверь, ул. Советская, 15

8 910 532 1504